

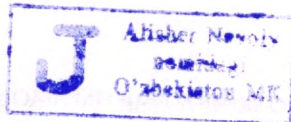
Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРА
ИСТОРИЯ
ФИЛОСОФИЯ
КРИТИКА
ПУБЛИЦИСТИКА
АРХИВЫ

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиiddин САЙИИД
Мухаммад АЛИ
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий БАУЭР
Евгений АБДУЛЛАЕВ
Раим ФАРХАДИ
Николай ИЛЬИН
Вика ОСАДЧЕНКО
Баходыр АХМЕДОВ
Раиса КРАПАНЕЙ
Сергей МИРОНОВ

Главный редактор
Сирожиiddин РАУФ

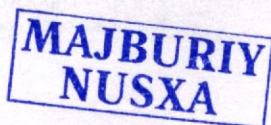
Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Дилором МУРОТОВА

Редакторы
Ольга ГВАРДИНА
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

УМЕРЕТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Рассказ

- Да... Вот жизнь была... Ты на похороны-то придешь?
– Ещё чего. Что я, дура – твои похороны украшать своим присутствием?
– Что?
– Да шучу я! Приду, конечно. Куда я денусь теперь.
– Ну спасибо...
– Я-то приду на твои. А вот на мои кто придет?..

Шамшад АБДУЛЛАЕВ

возвращение к читателю

Мы учимся видеть вне нас...

Несколько страниц
из фотожурнала

Вот статуи, они вымирают, они вырождаются в
глупые
изваяния; каменные куклы, черненные ветром,
что свишет вдоль парковой дорожки
и толкает в затылок мужчину в тонком пальто,
сутуло спускающегося к озеру, где пусто,
а вместо лебедей
просто желание их видеть.

Сергей СТЕПАНОВ

новые имена

Когда соберет всех вместе чайхана...

Прохладный ветер обдувал, и был во всём покой,
и был меж нами не дувал, а лишь уклад другой.
Но прогремело много гроз с тех пор, и мы одни,
и мы живём так долго врозь, что те забыты дни.

И много развелось парши в садах бывлой страны...
Мы мерим всё на свой аршин, но разной он длины.
И я хочу спросить: «Пророк, ужель всему хана?
Когда же снова соберёт всех вместе чайхана?»

ПРАЗДНИК ЖИЗНИ...

УТРО, КОФЕ, ИНТЕРНЕТ...

Рассказ

...я сижу с кружкой кофе за компом и охочусь: разглядываю разложенные на плывущей ленте фотографии женихов, сожителей и альфонсов – нескончаемую вереницу котов в мешке.

Иногда я прихожу в уныние: как же выловить в этом калейдоскопе подходящего мужа?..

А у жизни своя симметрия...

Осколки разбитых иллюзий
сильнее зажди в кулаке.
И вечный развяжется узел
в оборванной горькой строке.

Мы – люди, мы все человеки.
Блуждаем в обманах своих.
Мы – небо, мы – бездна, мы – реки,
мы – боль от прозрений чужих.

ОДА БАХОДЫРУ ДЖАЛАЛОВУ

Как Вы думаете, может ли искусство помочь разгадать тайны Вселенной? Показать картины будущего?

Может ли творчество художника приоткрыть завесу Тайны?

Тайны мироздания или Тайны нас самих?

Ведь любое искусство – волшебство.

И вещественный отпечаток невещественных отношений, в котором высвечивается глубинная связь.

Но что же поставить в начало – науку или искусство?

СОДЕРЖАНИЕ

75 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

Чтоб больше войн не ведали потомки. Стихи В. Васильева, Ахама Рахмата (перевод с узбекского Раима Фархади), Турсуна Али (перевод с узбекского Баха Ахмедова), В. Кудрявцева, А. Гвардина, А. Маркевич, В. Осадченко, Р. Крапаней, Раима Фархади.5
Валерий БОХОВ. Санитарный полевой. Рассказ.11

ПРОЗА

Вера ВАВИЛОВА. «Пересвет». Фрагмент из романа «Степан Джугла».16
Джасур ИСХАКОВ. Я знаю, саду цвести... Рассказ.70
Александр ИКРАМОВ. Умереть счастливым. Рассказ.79
Инна ЛЮЛЬКО. Праздник жизни... Рассказы. «Подробности ужина», «Утро, кофе, интернет...», «Баня».87

ПОЭЗИЯ

Бах АХМЕДОВ. А у жизни своя симметрия...31
Вероника ШУППЕ. На перекрестке стихов и песен.66
Шахло АБЗАЛОВА. Надежда будит в сердце мечту.77

ПЕРЕВОДЫ

Собир УНАР. Чужой гость. Перевод с узбекского Зульфиры Хасановой.34
Абдухалим ЧУАПАН. Моим песням дано было души смягчать... Перевод с узбекского Николая Ильина.62
Абдирахим ПРАТОВ. Ветру жизнь доверил я. Перевод с казахского Надежды Черновой.94
Нарзулло БАТИРОВ. Остерегайтесь!.. Рассказы. Перевод с узбекского Галины Рахматуллаевой.104

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Шамшад АБДУЛЛАЕВ. Мы учимся видеть вне нас...98
Наталья ЕРМЕНКО. Обрушились мои года дождями...120

НОВЫЕ ИМЕНА

Галина ШИРЯЕВА. Минарет. Рассказ.52
Наталья ВОЗНЕНКО. Слова, как бусины на четках.85
Сергей СТЕПАНОВ. Когда соберет всех вместе чайхана...130

КАРАВАН ИСТОРИИ

Мустафа БАЙЭШАНОВ. Имя Амира Темура в России. ...123

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Динора АЗИМ. Ода Баходыру Джалалову.46
Азатгул ТАШМАТОВА. Народные музыкальные инструменты и взаимовлияние культур.137
Насиба ТУРГУНОВА. К характеристике жанра ялла.148
Диммурод ИСЛОМОВ. Музыка и состояние души.151

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Сирожишдин РАУФ. За пределы родного языка.58
Кодиржон НОСИРОВ. Книга о легендарных мыслителях. 126
Дилбар ЖАББОРОВА. Литература и нравственное воспитание молодого поколения.133
Дильфуза ПАРДАЕВА. Миф в литературах народов Центральной Азии.140

Звезда Востока

2020 № 2

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёкдор,
Адиблар хиёбони, здание
Союза писателей Узбекистана.
E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
zvezdavostokazv@umail.uz
web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет
Ольга ГВАРДИНА

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.
Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86
Тираж 1200 экз. Заказ № 12
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
ООО «PRINT REBEL».
г. Ташкент, Алмазарский р-н, ул.
Уразбаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе
объемом не более 50 страниц.
Набор текста в любом формате с
приложением электронной версии и
распечатки.
Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.
Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.
Перепечатка без согласия редакции
не допускается.
Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

На 2-ой, 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала картины
известного художника Баходыра Джалалова.

75 лет великой Победе

День Победы

В века уходит День Победы,
Скрипя протезом в тишине,
Свинцом истерзан и железом,
В снегах крещенный и в огне.

Кому-то прадеды и деды,
Кому – мужья, кому – отцы
Творили парни День Победы
Бессмертный, смертные творцы.

Собой прикрыли всех любимых
И нелюбимых заодно...
Проклятья, слезы не от дыма,
Тоска, не снятая в кино...

Невосполнимы эти жертвы!
Убийцам оправдания нет!
Долой военные бюджеты!
Даешь любви всевечный свет!..

Восьмой десяток День Победы
В дома приходит и в сердца,
И все ж не все им оды спеты –
Его бойцам, его творцам.

И все ж ни музыка, ни слово,
Увы, не в силах передать
Всей той любви, что, безусловно,
Принадлежит им навсегда.

В века уходит День Победы,
Скрипя протезом в тишине...
Так будь же, новый век, любезен
Его отпраздновать вдвойне:

Чтоб мир за праздничным обедом
Добра отпраздновал победу!

Владимир Васильев

Чтоб больше войн не ведали потомки

Жди меня всегда

Иногда в окопы сыплются
Пули с блёстками огня,
Так и кружат, не насытятся
Ночью и в течение дня.
Мне теперь винтовка спутница,
На войне почти родня.
Только в сердце не забудется:
Вдалеке ты ждёшь меня...

Между маршами и ливнями,
В росах и в осколках льда,
Над горами и долинами
Ты мне светишь, как звезда,
Как свеча неугасимая.
Нежная моя, любимая,
Верь и жди меня всегда.

Смерть ко мне сюда не сунется.
Взрывы рядом не страшат.
Вспоминаю нашу улицу...
Я на фронте – твой солдат.
То, что намечали, сбудется.
Жаворонки прилетят.
Жди. И оставайся умницей
И весной, и в листопад.

Жди, вдыхая пар над пашнею.
Манит в поле тишина,
Посреди посёлка нашего
Жди, как птица, у окна.
Жди, когда земля украшена,
Яблоня в цвету пьяна.
Ты чужого не выпрашивай –
Ни цветочка, ни зерна.
Приходя домой уставшею,
Не печалься, что одна.

Тёплым днём, когда хлопчатника
Прорастают семена
И кустами поднимаются,
Чуть коробочки клоня
Пред тобой, моя красавица,
Ты в работе допозна...
В небесах лепёшкой катится
Располневшая луна.
Видишь – край её надломленный
Говорит, что мы помолвлены.
Милая, дождись меня.

Если письма затеряются,
Не сердись, бойца вина.
Сколько ждать ещё останется
До назначенного дня.
С тем же поцелуем ласковым
В золотое утро майское
Вновь обнимешь ты меня.

Я вернусь однажды в поезде
Победителем домой.
Поезд шумный остановится
Возле станции родной.
Песня вся в дороге вспомнится,
Ты споёшь её со мной...

Жди, когда в садах, как радуги,
Дуги виноградных лоз,
Грозди с ягодами сладкими,
С горечью потерь и слёз...
Ближних и родных – с
подарками –
Ветер утренний принёс.

Слёзы эти не напрасные:
Вечна память о войне.
Жди и верь.
У нас на празднике
Плов не стынет в казане.
И смотрю я на прекрасные,
На твои ладони в хне.

Адхам Рахмат

Перевод с узбекского Раима Фархади

Война против войн

Война – совсем не в фильмах о войне,
Она не на страницах книг о ней,
Она в шемящем взгляде ветерана
И в мыслях, что болят сильнее, чем раны,
И спутались, как волосы бойцов.
Как те мечты, что умерли без слов.

Война в пустом дрожащем рукаве,
Война в сгоревшей от боев траве.
В холмах, что тюбетейками лежат,
И в том, как костыли по ним стучат.
В оружии, уставшем от стрельбы,
В таинственных деяниях судьбы.

Вот бабочки полет в саду моем.
И в сердце снова память о былом.
И вновь в глазах моих стоит война,
В моей крови, бурлящей как волна.
И в том, что каждый день против войны
Мы воевать отчаянно должны.

Турсун Али

Перевод с узбекского Баха Ахмедова

Бессмертный полк

Они остались на полях сражений,
Не уступив последний свой редут,
Но в памяти спасенных поколений
Они, из пепла вставшие, живут.

От холмиков, дотоле безымянных,
На медный зов трубы они встают,
И молодеют с ними ветераны,
И песни незабытые поют.

Они, живые, вновь идут по свету,
Сметая ложь и нечисть на пути,
И молодым вручают эстафету,
Чтоб этот мир от бедствий всех спасти.

Шагает с нами гвардия бойцов,
Колышутся портреты, как знамена,
Горят награды делов и отцов –
Идет, как в бой, бессмертная колонна!

Владимир Кудрявцев

* * *

...От прошлого не скрыться, не уйти,
не оградиться бункерной стеною.
Оно – то движется неслышно позади,
то в полный рост встаёт передо мною.

Отчётливы и глубоки его следы.
Его не обмануть, не отвертеться.
Оно – как в раны вросшие бинты, –
осколок, шевелящийся под сердцем.

Обложен им я с четырёх сторон
как будто беглый в выцветшей фуфайке.
И ясно слышу, слышу смех сквозь стон
и скрип полозьев с посвистом нагайки,

гул под копытами приземистых коней,
металла лязг, вздох перекатной голи,
треск кровли, оседающей в огне,
и клёкот птиц на Куликовом поле...

Забуть ли мне Смоленск и Измаил,
мужицкий бунт и вырванные ноздри?
Сиваш мертвенный и удары вил,
кабашкий дух, язычество и постриг?

Москвы пожар и День Бородина,
канальный звон, казармы, декабристы.
Спас на Крови, Кремлёвская стена,
вериги и цыганские монисты...

Мне не забыть блокадный Ленинград
и купола разрушенного храма,
могилы без крестов и без оград,
и хлебушек, поделенный на граммы.

Товариш маузер и гражданин наган
вели со мною разговор короткий.
Я помню всё: баржу и Магадан,
шинель до пят и рыжую бородку.

Я помню тех, которых и не знал.
Не знал совсем, но почему-то помню.
Запомнил я и Беломорканал,
и ржавый заступ, и людскую бойню.

Узкоколейку помню и Афган,
барак тифозный, топоры и шепки.
И как смотрел гранитный истукан
поверх голов, зажав в ладони кепку.

Как позабыть «Варяг» и Порт-Артур,
по Невскому летящие кареты,
и сабель звон, размашистый аллюр,
и лёд кронштадтский, и дуэль Поэта?..

В грязь втоптано ль, забрызгано ль слюной
всё, что пропахло дымом, кровью, водкой...
но вот забыть ли, кем, какой ценой?..
Да не завьт бы в дедову пилотку.

Алексей Гвардин

Тыловые сороковые

Очередь за хлебом, карточки, талоны.
 На ладошках номер. Ужас их потерь...
 И чужие судьбы прямо с эшелонов.
 Кто бы перед ними мог захлопнуть дверь!
 Воздух заполняет речь многоязыкая:
 Вавилон советский – ни отнять, ни взять.
 Квартируют в семьях, вместе горе мыкают.
 На толкучках маются, что купить, продать.

В школах – лед в чернильницах,
 грозный военрук
 И разнообразие новеньких подруг –
 Из Москвы, из Питера, Киева, Ельца,
 Из Одессы-мамы, Харькова-отца...
 Вместе жмых жевали, горе горевали,
 Раненым солдатам пели, танцевали.
 Слушали Шульженко, бегали в кино.
 Ждали писем с фронта – были заодно.

Годы грозовые! Тыловое детство
 Помним и сегодня – никуда не деться...

Альбина Маркевич

У тебя внутри хранятся сотни смертей –
 из газет и книг, из утренних новостей.
 Как холодной тяжелой галькой, ладони твои полны.
 Это – прошлая мировая, это – с той, что сейчас, войны.
 Это – в школе стрельба. Это – смертник-шахид в метро.
 Берген-Бельзен, бульдозер трупы толкает в ров.
 Отчего здесь так много детей, разве косит не всех подряд?
 Господи, ну скажи, что они уже все воскресли!
 Иногда ты пишешь об этом песни.
 Иногда они просто болят.

Вика Осадченко

* * *

Боль по ночам да нишета без края.
Печь развалилась, треснул потолок.
Лишь чёрный ворон, тенью пролетая,
Тревожит бесприютный уголок.

Улучшить бы жилищные условия...
Бессильная слеза отмоет стыд.
Нет, не забыл: солёным потом, кровью
Тех горьких лет путь в отчий дом отмыт.

Победный марш!
Старик пластинку крутит
Сто фронтовых приняв на грудь с утра.
Письмо напишет: «Кремль, Россия!»
Под троекратное «Ура!»

Раиса Крапаней

Песни грозových лет

Ветераны пели в школьном зале
Песни лет военных, грозových.
Голоса негромкие звучали...
Грянет час: не будет рядом их.
Завешали жить, не отменяя,
Что на свете Родина одна.
Внуки к ним придут с цветами мая,
Помня дорогие имена.
Песням не стихать про День Победный,
Об огне в печурке, о мечте...
О свершивших подвиг свой бессмертный,
О последней взятой высоте...
В школе выступали ветераны,
Пели, вспоминая о былом.
И скупые слёзы вытирали
За красивым праздничным столом.
Ветераны, собираясь вместе,
Рубежей заветных не сдают,
Потому что правнуки их песни
Голосами звонкими поют!

Раим Фархани

САНИТАРНЫЙ ПОЛЕВОЙ

Рассказ

Валерий БОХОВ

Тишина. Оглушительная тишина. Без привычного перестука колёс немного даже неуютно. И напряжённо как-то, и всё чего-то ждёшь.

Было то глухое время суток, когда в рассеянном свете звёзды постепенно блекнут.

Рельсы в блестящих изморози. Тонкий лёд покрывает лужицы. Лёгкий утренний морозец делает воздух хрупким и ломким. Казалось, его можно сломать, как ледок, затянувший лужи.

Наш поезд стоял. Впереди на станции было много разбитых ночным налётом вагонов, путей, станционных строений... У видневшегося впереди переезда разбросаны останки разбитых грузовиков, телег; лежали тела, накрытые чем-то...

Дети. Сиротливо стояла кучка детей и смотрела на окна нашего поезда. Много таких детей я встречал в последнее время...

– Ребяточки! В двенадцатом вагоне кухня и пекарня. Там могут вас угостить, – крикнул им.

И детишки покорно и понуро пошли по направлению к кухне.

Вот прогрохотал мостоотряд. Значит, где-то там, впереди, предстоит ещё и ремонт моста. И сразу вслед за этим грохотом началось какое-то движение вокруг... Зазвучали гудки, свистки, крики... Утреннее оцепенение прошло. Откуда-то запахло шами.

Ремонт моста и путей – небыстрая работа, простоим ещё долго, несколько часов, как подсказывает мне опыт.

Санитарный полевой поезд. Задача нашего эшелона – перевозка раненых с фронта в тыл. Иногда день в пути, а когда и три-четыре. Сейчас состав, сдав раненых тыловикам, снова направляется к фронту за очередной порцией. В каждом вагоне где один санитар, где двое. Вагоны пусты. Непривычно. Я санитар вагона номер шесть. Бывший студент-медик, освобождён от воинской службы по состоянию здоровья. Другие ребята попали в наш состав по разным причинам: кто забракован по здоровью; кто не вышел возрастом...

Когда в вагоне раненые, мои обязанности – ухаживать за ними; получать пищу на всех; кормить тех, кто сам не может есть; лекарства давать

Валерий БОХОВ. Родился в 1941 году в г. Москве. В 1966 г. окончил Московский инженерно-экономический институт. Работал в различных НИИ. С 1993 – 2013 года – в системе ФНС России. Публиковался в периодических изданиях, альманахах и сборниках России.

по назначению врачей; присутствовать при обходах, а врачебный обход бывает каждый день утром и вечером; менять перевязки; собирать и сдавать старшей медсестре бинты. Мне доверяют ещё и внутривенное вливание делать, а в сложных случаях экстренно вызывать врачей... Врачи у нас в вагоне номер три.

Иногда приходится брить бойцов, хотя в поезде имеется штатный парикмахер.

Ещё я должен обеспечить топливо – нарубить дров. Титана в моём вагоне нет. Водонагревательный куб положен на два вагона. Он установлен у Марьи, в седьмом вагоне.

На время движения к фронту нам каждому поручили отстирывать бинты. Перевязочных материалов не хватает. А «прачечные войска» не успевают.

В состав поезда входит и банно-прачечный отряд. «Прачечные войска», как называют их фронтовики, размещены в двух вагонах – девятом и десятом. Корыта, стиральные доски, котлы или обрезанные железные бочки – вот и вся их амуниция. Личный состав – шестнадцатилетние девчонки. Те, что рвались на фронт, но, естественно, воинской специальности не имели. Шаркают день и ночь. Гимнастёрки, ватные телогрейки, штаны, маскхалаты, бельё, грязные бинты...

Руки у этих девчонок стёрты чуть ли не до костей. Корпят, не разгибая спины, над корытами. Выскочит иная на площадку, глотнёт свежего воздуха и обратно к тазам и корытам... Воздух в вагоне тяжелый, спёртый – грязное бельё, часто с испражнениями, кровавые бинты, пар...

Выймою-ка я полы, пока стоим. Хлорка у меня есть. Как написано на двухкилограммовой пачке «Хлорно-белильная известь. Состав: хлорид, гипохлорит, оксихлорид, гидроксид кальция. Использовать в форме хлористо-известкового молока».

Пойду, наберу ведра два воды. Вон от водокачки народ потянулся. Значит работает.

Закрыл дверь, спрыгнул на гравий. Приятно пройтись по земле. Гравий хрустит под сапогами... Как будто марш кто-то играет. Это бодрит...

Чуть больше года я в санитарном поезде. Казалось, всего ничего. Но за это время видел столько... Можно сказать, видел всю войну, узнал ее, проклятую. Конечно, по-своему, со своей точки зрения. Узнал, что война – это кровь, пот, это запах мочи, гной, мат, скрежет зубов, боль... Да ещё воздух... В вагоне, если не проветривать, воздух тяжёлый, полон испарений множества человеческих тел...

Вместе с ранеными испытываешь боль, воочию видя, как они страдают, как растёт их боль, усиливается, при этом увеличиваются их глаза; становятся круглыми, большими и белыми, как снег...

Видел искалеченных, у которых лишь одни огромные глаза, полные тоски и горечи... Особенно, когда раненые сплошь забинтованы. Только глаза и видны.

Не одну сотню пациентов видел наш санитарный поезд. Те, что в сознании, не скрежещут зубами, спокойны, настроены на разговор, на мирные воспоминания, а вспоминать бои не любят. В атаку они ходят лишь во сне... По многу раз ходят... Но говорить любят о том времени, что было до войны, о мирном времени.

Вот в эту последнюю поездку разговаривал я с несколькими ребятами. Беседы эти случались обычно по ночам. Когда дела сделаны, лекарства розданы, все накормлены, многие уже спят. А мне нельзя – вдруг кому-то из них

что-нибудь понадобится. В беседах ночь проходит быстрее. Много нового и интересного я узнал.

Один – Витя Цуканов. Пулемётчик. С Азовского моря. Из городка Геническа. Сын бакеншика.

– Отца и меня весь город знал. Цукановы идут – шелестело всюду. Очень отца уважали. Я помогал отцу створы зажигать. У нас в порту не маяк был, а створы. Высоченные, по восемь метров. По скобам я залезал наверх. Масло менял, топливом форсунки заправлял. По створным огням моряки и рыбаки дом мой возвращались. Особенно огоньки наши в непогоду ценились.

За бычками с отцом частенько ходили. Встанешь утром затемно. Ни черта не видно. Звёзды ещё блещут. А за окнами дома уже слышно – шырк, шырк... Это рыбаки к пристаням двигают. Взяли завтрак, вёсла – всё приготовлено – и тоже пошли. Даже силуэты людей еще неразличимы. Только по огонькам папирос угадываешь людей.

– Кстати, дай прикурить!

У Вити обе руки перебинтованы. Курить в вагоне запрещено, но ему отказать я не мог, хотя бы в двух жадных затяжках.

– В темноте рачков наловим. Рачки – это привада наша. Мы их в сачок, что за лодкой тянется, набираем. И пошли в открытое море. Уж там и рассвет встречаем. Солнце от воды долго-долго отлипает, оторвётся – и сразу тепло становится. Доходим до наших рыбных мест, их по приметам угадываем. Это дальше деревце на острове Рыбачьем и элеватор на нашем берегу. Потом один из нас гребёт, другой на дно смотрит. Как увидит песчаную плешь – всё, стоп, хорош... Прибыли на место ловли... Дёргаешь бычков... Красота!

Как-то, помню, было поздно. В тамбурах и в коридоре вагонном никого нет. Даже легкораненых. Все спали. Остро пахло йодом.

Снайпер Георгий – осетин из большого мусульманского селения. Эльхотово называется. Полторы тысячи домов, как он говорил, на берегу Терека. Говорил, трудодни его отец получал арбузами и дынями. Свалят бахчевые в одну комнату и... ешь – не хочу. На новый год арбузы на столе. А то и до весны с этими трудоднями дотягивали. Часто видит себя Георгий в саду, на каком-нибудь персиковом дереве. На какой-нибудь тонкой веточке. Или среди виноградников. А то купается в Тереке... «Чтобы колени не ободрать», говорил, – надо на спине плыть, ногами вперёд».

– Жизнь у вас там, похоже, – одна радость, сплошной праздник, да? – спрашиваю я. – Солнце, фрукты...

А мне Георгий отвечает:

– Всяко бывало. Бывало, что и на курорт смахивает. А иной раз в пургу овцы и бычки потеряются, уйдут в предгорья. Искать надо. На коня – и отправляешься. Хоть всю ночь не спи, а найди скотину. Снег в глаза лепит, холод обжигает. Весь насквозь промерзаешь... Иногда волки лишь одни кости нам оставляли. Самим не раз приходилось отстреливаться. Окружит стая – и дай бог ноги!

А ещё разведчик один в моём вагоне ехал – Митя. Он на mine подорвался. Друзья его до своих окопов дотащили. Ног-то нет. Обе руки перебиты; врачи снимать собираются, чтобы гангрены избежать. А парень красивый. К нему сестра с невестой приехали. Сопровождали в тыловой госпиталь. Начальник поезда разрешил им ехать с условием, что они будут помогать и другим раненым.

Как-то вечером прохожу по вагону, а Митя один.

– Куда твои делись? – спрашиваю.

– За кашей пошли. Их медички из соседнего вагона позвали.

– Тебе ничего не надо?

– Посиди... – кивнул подбородком на постель.

Я присел на его полку.

– Я из Оренбуржья. Знаешь, где это? Это край России, а за нами Казахстан. Живём мы в станице. Я там первым парнем был. Пел, плясал, на гармошке играл. Первый гармонист. Первый среди комбайнёров. Ты когда-нибудь видел хлебное поле?

– Нет. Ни разу. Я горожанин.

– А у меня оно всё время перед глазами. Знаешь, выйдешь в поле, а там хлеба. Бушуют, волнами ходят. Я моря не видел, но ясно представляю его. И такую силу чувствую, которая от земли идёт! Сам соками наливаешься, как колос. Богатырский дух в себе чувствую. А что сейчас? Если ещё и руки отнимут, то даже на свадьбах не смогу сыграть. Я иной раз думаю, а не броситься ли мне под колёса? А ведь и этого не смогу: мысленно весь путь до рельсов пытаюсь представить – и не уверен, что получится. Вот с лавки сваливаюсь. Сползаю с полки. Качусь к тамбуру. Положим, дверь смогу открыть. Другую, уже наружную, тоже. Падаю с поезда, а под колёса не попадаю. По ступеням, дальше по откосу качусь вниз. А чтобы под колёса попасть, надо вновь по насыпи вверх взобраться... Под силу ли мне? Вряд ли...

– Ты, Митя, оставь эти мысли. Сейчас много людей изувеченных вернётся. Для них обязательно протезы удобные и лёгкие изобретут. Государство должно о фронтовиках думать. Институты заниматься будут этими делами. И всё у тебя наладится...

– Твоими бы устами... санитар Женя, мед пить, а слова – да Богу в уши...

Митю каждый день осматривал хирург Сергей Сергеевич. Я с ним очень сдружился. В свободное время, когда эшелон двигался в сторону фронта, когда вагоны пустые, мы в шахматы с ним играем, беседуем на разные темы... Так вот, помню, пришёл Сергей Сергеевич первичный осмотр Мити делать. Зашёл в моё купе. Я в майке. Поздоровались за руку.

– Отведёшь меня, Жека, к парню из Оренбуржья? Покажешь его?

Говорит, а сам держит мою руку. И держит так, что ясно вижу, он думает, как отхватит мою руку, где проведёт скальпелем в случае чего... Вот что значит профессионал. Даже сейчас он думает как хирург. Вижу я, что он тоже понял мой взгляд. И потом, когда я попытался выдернуть свою руку, он в шутку удерживал её некоторое время...

А вот ещё один раненый. Лёня-скрипач. Голова перевязана. Глаз не видно. Похоже, сильно повреждено зрение. По ночам он садится и представляет себе, что играет на скрипке. Одной рукой он будто держит инструмент, а другой водит смычком. И тихо-тихо напевает, ведёт мелодию. Голову высоко держит, как на сцене.

Много ребят поумирало, можно сказать, у меня на руках. Один в атаку рвётся. Да так энергично, что сбрасывает одеяло, простыни... Трясёт верхнюю полку. Весь в поту. Приходится его успокаивать. Проходит время. Думаешь, наконец-то уснул, а он... умер. Передаю похоронной команде. Они письма родным пишут. Документы заполняют. Хоронят.

Вот ещё. Молодой парень. Говорит. Много говорит. Иногда не всё ясно. Бредит. Потом смотришь – можно разобрать слова. Говорит, что экзамены не сдал. Надо сдавать. Он опаздывает на экзамен. Срочно надо. А к утру... отошёл.

Другой легкораненый меланхолично напевал одну и ту же строку:

– И две ласточки, две гимназисточки...

Часа два-три напевал эту строчку. Врачи осматривали его, но не обнаружили никаких признаков инфаркта, а он именно от инфаркта внезапно и умер.

Как-то на подножку моего вагона сел мальчишка. Его увидел машинист на повороте поезда. Мне передали. Впустил его в вагон. Он долго не мог согреться. Накормил. Мальчишка рвётся на фронт. А дома у него мать осталась. Отец погиб на фронте. Я отговорил его. Убедил, что всё равно заградительные отряды снимут его с поезда. Месяц он был в составе отряда прачечных войск. Воду носил, тюки белья... Помогал всячески, старался. Потом, по словам девчонки, отправился домой. «Очень уж он стал по матери скучать, – резюмировали прачки. – Как-никак двенадцать лет ему всего».

Набрал воды, иду обратно.

Внезапно станционное радио, побулькав и поикав несколько секунд, произнесло торжественным голосом Левитана:

– ...Аши войска-а-а... Сувалки-алки-алки... или... или...

В такт этим словам в эшелоне с теплушками, из открытых дверей которых были видны стройные воронье скакуны, одобрительно закивали конские головы.

В одном из вагонов среди коней стоял, облокотившись на поперечину, бравый казак. Вид у него был молодцеватый, лихой, как у всех казаков. Попрывив кубанку с красным верхом, он окликнул меня:

– Доктор! Что там по радио говорят? Ломят наши фрицам?

– Фрицам? Ломят! Уже через границу перешли. Сувалки освободили. Теперь дальше попрут.

– Эт хорошо! Эт очень хорошо! А то у меня тут кони переступают, цокают. Шумно, ничего не слышно! Нетерпеливые...

И почти без перехода добавил:

– Ну, не балуй! А ну, кому говорю! А по морде лошадиной давно не получал? – среагировал он на коня, который вдруг стал жевать ухо.

Из глубины товарного вагона ему посоветовали:

– А ты пальцем ему погрози – он очень понимает!

Я поставил вёдра. Уж больно интересная разворачивалась сценка. В обоих вёдрах с водой отражался красный глаз семафора. Но разговор затих, и я пошёл дальше.

Из окна вагона того же эшелона с конницей раздалось:

– Эй, санитар! Это Левитана голос был?

– Да, Юрий Левитан читал.

– Санитар! Что там он говорит, гоним Адольфа?

– Ешё как гоним.

– Ну хорошо. Значит не зря мы...

«Надо сходить, Марье набрать воды», – подумал я, подходя к своему вагону.

В своём купе на столе рядом с блюдечком, на котором был приклеен каплями воска огарок свечи, я обнаружил записку от Марии:

«Женя! Бинты сняла я – старшая велела собрать. За ночь они высохли. Шнуры, на которых сохли, я не трогала, сам снимешь. По отсутствию вёдер я поняла, что ты пошёл за водой для мытья полов. Это ты правильно решил. Жека! А мне принеёшь воды? Принеси, Женечка. В 15:00 в столовой врачи будут читать лекции по литературе, русскому и математике для всех желающих прачек и санитаров. Это всем всегда следует знать. Правда ведь? Маша».

Вера ВАВИЛОВА

«ПЕРЕСВЕТ»

**Фрагмент из романа
СТЕПАН ДЖУГЛА**

Через год Степан ушёл в царскую армию. Время служить пришло. За его стать да за знания по связной части взяли его радистом во флот на Балтику.

С гордым видом и молодецкой удалью носил Степан матросскую форму: фланелевую рубашу с синим форменным воротником, брюки клёш навыпуск, серебряные контрики на плечах, чёрную ленту с золотыми маленькими якорями на концах, обвивающую околышек фуражки. На ленте золотом – название корабля. За показной удалью, за бравым внешним видом, красотой и выправкой матроса скрывалась оборотная, неприглядная, сторона медали – тяжёлая служба в царском флоте. Мытарили новобранцев из всех сил, стараясь сделать из них хороших матросов, верных защитников царского престола. Карцеры, разносы по службе, зуботычины – всё попробовал Степан. Но не все офицеры отличались жестокостью. Находились и такие, которые искренне хотели помочь, обучить специальности, премудростям морского дела. Экипаж отправляли на Дальний Восток, где на рейде стоял «Пересвет». Степан вспоминал Кронштадт, город-крепость, его парк, на воротах которого висела табличка с унижительной надписью: «Нижним чинам и собакам вход воспрещён», с негласным правилом ходить матросу по господской улице только по левой стороне. Казалось, весь смысл бытия состоял в том, чтобы матрос знал своё место. Степан попал в экипаж броненосца «Пересвет», этого богатыря, стойко и мужественно сражавшегося в русско-японской войне. 24 ноября 1904 года легендарный «Пересвет» в результате попадания в него 56 крупнокалиберных японских снарядов затонул на внутреннем рейде Порт-Артура. Японцы не оставили его ржаветь на морском дне, подняли, отремонтировали и ввели в состав японского императорского флота под именем «Сагами». Он, а также эскадренный броненосец «Полтава» (с марта 1916 г. – «Часма») и крейсер «Варяг» были выкуплены у Японии через 8 лет. Они составили отдельный отряд Балтийского флота под командованием контр-адмирала А. И. Бестужева-Рюмина. 19 июля 1916 года было принято решение о формировании военной флотилии Северного Ледовитого океана,

Вера ВАВИЛОВА. Поэт, прозаик, публицист. Родилась на Урале в 1952 г. Окончила Куйбышевский медицинский институт и биологический факультет ТГПУ им. Низами. Член Союза писателей России. Номинант Российской национальной литературной премии «Писатель года» – 2015.

в состав которой вошёл Отдельный отряд Балтийского флота. Кораблю по возвращении на Родину вернули прежнее звание и перевели в класс крейсеров. Сейчас он гордо стоял в гавани, на мачте развевался георгиевский флаг российского флота, на корме золотом сияло «Пересвет». Экипаж корабля был сформирован в Кронштадте. Командование принял капитан 1-ого ранга К. П. Иванов («Тринадцатый»), крепкий, ладно сложенный человек с чисто выбритым лицом, на котором топоршились замысловатые длинные усы. Строгие серые глаза смотрели пытливо и внимательно. Новенький китель с золотыми погонами на плечах, накрахмаленный воротничок безукоризненной белизны подчёркивали педантизм капитана, не терпящего расхлябанности. Он запретил на судне мордобой, навел порядок, был решительным и хорошим стратегом. Его уважали не только офицеры, но и простые моряки. Еще будучи юным гардемаринном, к своей распространённой фамилии «Иванов» он получил дополнение «Тринадцатый» – по его порядковому номеру, так как на корабле было слишком много Ивановых. Так и прилепился этот номер к фамилии навсегда, стал её неотъемлемой частью. Это роковое число принесло будущему капитану и удачу, и горечь потерь. Он дважды тонул, но спасался, суда, на которых он нёс службу, не однажды тонули в жестоких боях, но Иванов-Тринадцатый мужественно до конца командовал кораблём, последним покидая тонущее судно.

Броненосец поразил Степана: чёрный великан-красавец, закованный в броню крупноватой стали с массой надстроек. На баке – грузно вращающаяся башня, из амбразур которой выглядывали два дула 12-дюймовых орудий. Другая такая же башня на корме. Еще шесть башен шетинились 6-дюймовыми орудиями. Двумя этажами ниже находилась батарейная палуба с 75-миллиметровыми скорострельными пушками, которые должны были защищать броненосец от миноносцев. Над палубой возвышались мостики: передний – в три яруса, с боевой рубкой, и задний – в два яруса. На них тоже были мелкие пушки. Мостики оборудованы мощными прожекторами. В середине судна три большие трубы, окрашенные в жёлтый цвет, с чёрной каймой наверху. Между ними на рострах, в специальных гнёздах, находились минные и паровые катера, баркасы, шлюпки. Фок-мачта и грот-мачта соединялись антенной радиоаппарата. На каждой мачте виднелся марс – круглая смотровая площадка, обнесённая железными листами, для наблюдения за неприятельскими судами.

Начались для Степана судовые будни. Ремонт на «Пересвете» затягивался. Повсюду слышался грохот – мастеровые достраивали отдельные его части. С барж, причаленных к борту, матросы перегружали снаряды, бочки, ящики. Слышались выкрики людей, свистки капральских дудок, звон железа, лязг лебёдок. У Степана в радиорубке тоже было дел невпроворот.

«Часма» и «Варяг» в составе Отдельного отряда Балтийского флота под командованием контр-адмирала А. И. Бестужева-Рюмина покинули Владивосток в конце июля 1916 года, а «Пересвет» всё ещё стоял на ремонте.

Матросам выдали подвесные парусиновые койки с матрацами, набитыми измельченной пробкой. Против фамилии каждого был поставлен номер. Под этим номером согласно судовому расписанию каждый выполнял свои обязанности во время тревоги. Офицер мог ударить кого-либо из матросов, за это даже выговор не полагался. Если же рядовой поднимет руку на

вышестоящего по чину, ему грозила смертная казнь.

Броненосец вышел в море из гавани в конце августа. Утро начиналось обычным порядком: ровно в 5 часов над люком верхней палубы свистела дудка, затем раздавалась команда вахтенного унтер-офицера:

– Вставай! Койки вязать!

Матросы быстро выбрасывались из подвесных коек, одевались, заворачивали постель в парусину, крепко зашнуровав, придавали ей вид кокона. Бежали умываться, затем следовала утренняя молитва и завтрак. За завтраком матросы успевали не только насытить желудки, но и поговорить, пошутить, посмеяться.

Степан задумчиво всматривался в серую неприглядную морскую даль. Моросил дождик. Серо, уныло. Вокруг ничего, кроме бесконечного моря и облачного свинцового неба, сходящихся на горизонте.

На палубе выстраивались караул, горнисты, барабанщики, офицеры и матросы повахтенно. Звучала команда:

– Смир-р-но!

Командир, выслушав рапорта старших офицеров, старшего врача и специалистов, здоровался с офицерами, затем с кондукторами и, наконец, с командой. За одну минуту до подъема флага вахтенный командовал:

– На флаг!

А ровно в 8 часов, ни секундой позже, звучало:

– Смирно! Флаг поднять!

Флаг с синим Андреевским крестом медленно полз вверх, полотнище трепетало на ветру. Офицеры и матросы снимали фуражки, горнисты и барабанщики играли «поход», унтер-офицеры свистели в дудки протяжной трелью, баковой вахтенный отбивал 8 склянок. Церемония заканчивалась. Начинались судовые работы. В одиннадцать часов вахтенный начальник распорядился:

– Свистать к вину и на обед!

В это время команда оживала в предвкушении приятного момента. Слышались шутки, смех. На каждого полагалось полчарки водки и столько же вечером, перед ужином. Пили водку не торопясь, с наслаждением, покрывая и довольно обтирая ладонью усы, у кого они были. По телу разливалась горячая волна, придавая бодрости организму, снимая дневную усталость.

– Эх, пошло! Как пошло хорошо!

– Потеплело в трюме моего живота!

– Крепись, душа, залью тебя сорокаградусной!

Начинался обед. После обеда до половины второго полагался отдых, а затем полчаса отводилось на чай. В два часа начинались артиллерийские учения. В половине шестого с мостика звучало:

– Окончить все работы! На палубах прибраться!

А через полчаса свистели дудки к вину и ужину. За 5 минут до заката производился спуск флага. Звучала молитва, командиры принимали рапорта. Зажигались огни: отличительные, топовые и гакабортные. Наступала ночь...

* * *

Степан лежал, не смыкая глаз, покачиваясь в подвесной койке. «Наверное, море беспокойное. Штормит», – подумал он. Внизу заснул Бродяга.

– Чего ты? Спи, Бродяга, спи, – прошептал Степан, успокаивая шенка. Он случайно оказался на судне. Ещё во Владивостоке, возвращаясь на «Пересвет», Степан увидел на причале, между бочек, маленького грязного шенка, настороженно глядящего на окружающих своими чёрными угольками глаз, словно моля о помощи. Его рыжая шерсть намокла и свисала грязными лохмами. Степан позвал его лёгким посвистом. Шенок нерешительно приблизился, поджав грязную мочалку хвоста, и ожидающе присел на задние лапы, уставившись на незнакомца. Степан пошарил в карманах. Пусто. «Жаль, подкормить мальчика нечем. Пропадёт ведь», – грустно подумал он. Но на судно брать запрещено. Степан угрюмо двинулся дальше. Он решил не оглядываться, но не выдержал. Шенок, соблюдая определённую дистанцию, бежал следом. Сердце моряка дрогнуло. Засунув шенка за пазуху, Степан быстро зашагал на корабль. Пронести шенка удалось незаметно. Он знал: если обнаружат эту живность – ему несдобровать, хорошо, если карцером обойдётся, а собака точно за борт полетит. Бродяга, так Степан назвал свою находку, отогрелся, насытился и превратился в хитрую дворнягу с рыжим пушистым хвостом бубликом и остренькой мордочкой с умными плутоватыми глазами-пуговицами. Матросы с радостью приняли такое пополнение, подкармливали, чем могли, прятали от строгого боцмана Стукалова. Но однажды Бродяга выбежал на палубу в самый разгар уборки (кто-то дверь не запер). Он тыкался носом во все щели, знакомясь с новой обстановкой, тревожно втягивал носом морской воздух и счастливо лаял.

– Это что за тварь? Откуда? – Неожиданно прогремел голос боцмана Стукалова. Бродяга, поджав хвост, пустился наутёк.

– Изловить псину, – гремел боцман. Степан, спускаясь по трапу, увидел несущегося во всю прыть Бродягу, за которым гнались двое матросов. Он подхватил его на руки и прижал к себе. Пёс, чувствуя зашиту, зарылся мордочкой в форменку. Сердце его бешено колотилось.

– Подать сюда! – скомандовал Стукалов, приблизившись к Степану. Его рыжие усы топоршились на жирной морде, маленькие глазки зло буравили матроса. Степан сильнее прижал собаку к груди.

– Ах! Не выполнять? – сильный удар в челюсть чуть не сбил с ног. Степан покачнулся, но устоял и пса из рук не выпустил. На палубе собрались матросы. К ним подошёл широкоплечий коренастый человек с серебряными кондукторскими погонами на плечах. Китель ладно сидел на его крепкой фигуре. Худошавое лицо с пышными чёрными усами, подкрученными на концах, и живым взглядом синих глубоких глаз выражало заинтересованность в происходящем. Баталер Шадыгин подошёл к боцману.

– Что за шум?

– Вот, псина на судне. Не положено, – доложил боцман.

– Кто таков?

– Радист Степан Джугла, – вытянулся в струнку Степан, с тревогой глядя на баталера.

– Покажи наглеца. Ух ты, шустрый какой! Чего дрожишь? Боишься? – взял на руки собаку Шадыгин. – Как звать?

– Бродяга.

– Поставим на довольствие юнгу Бродягу, пусть живёт. А с офицерами и командиром я поговорю, – обратился он к боцману.

– Продолжать службу!

– Есть продолжать службу! – радостно ответил Степан.

С тех пор как Бродяга перешёл на легальное положение, он стал любимцем всей команды. Его можно было увидеть в матросских кубриках, но чаще он обитал в кают-компании: там вкуснее кормили. Хозяина своего, повернувшего его судьбу в счастливое русло, он не забывал: был предан, слушался и ночевать приходил только к нему. Ложился на своё место в углу на ветоши, сворачивался бубликом, прятал нос под пушистый хвост. У Бродяги проснулась большая любовь к морю. Он мог часами сидеть на мостике и любоваться морской стихией.

* * *

Шли неторопливо, делая не больше 10 узлов. Броненосец «Пересвет» больше 14 узлов после ремонта не брал. Позади долгие мили пути. Шёл декабрь месяц – третий с того момента, как отчалили от родной земли. Пересекли Индийский океан, приблизились к берегам Африки. Осталось немного: Средиземное море пересечь, через Гибралтар, Ла-Манш пройти, а там до Балтики рукой подать. Когда на карту смотришь, то всё рядом, а милями днями считаешь, так нескоро ещё берег родной увидеть придётся, да и непредвиденные обстоятельства могут быть – война всё же идёт. Если бой завяжется, не все в живых останутся. Но пока не звучала боевая тревога, пока не гремели выстрелы, не сновали на горизонте вражеские корабли, об этом не думалось. По ночам проводили учебную тревогу: боевую, пожарную, водную.

Степан стоял на ночной вахте. Небо затягивалось серой рваной пеленой облаков, спешивших куда-то на восток. Дул пронизывающий ветер, забираясь за шиворот бушлата, трепал на ветру клеши. Свинцовые волны, накатывая друг на друга, дыбились и пенились, разбиваясь о железную корму судна. Прожектор выхватывал из бездонной темноты полосу света, в которой колотала морская волна. Казалось, в движение пришёл огромный бесформенный великан. Он с оглушительным рёвом и грохотом обрушивал свою мощь на маленькое судёнышко, подбрасывая его на своих волнах, играя с ним в смертельные игры. Слякки пробили полночь. Степан поёжился от холода, похлопал себя по плечам, стараясь согреться. Бродяга высунул нос из-под брезента, прикрывавшего орудие, и снова нырнул туда, где теплее и спокойнее. К утру ветер усилился до 10 баллов. Волны стеной поднимались всё выше, будто желая проглотить в своей бездне всё, что попадётся. Светало. До самого горизонта теснились полчища седых гребней, с грохотом обрушиваясь на судно. Эта музыка водной стихии, одобренная завыванием и свистом ветра в рангоуте, в надстройках, рождала мощную симфонию, наводя ужас и страх на новичков. Многие матросы страдали морской болезнью, отказывались от еды, что вполне устраивало бывалых моряков, которые наедались до отвала. Шторм усилился. Броненосец начал черпать кормой воду. Была объявлена водяная тревога. Основательней закреплялись на своих местах гребные шлюпки и паровые катера. Разъярённый океан бушевал не на шутку. Если вода ворвётся на батарейную палубу и загуляет мощными всплесками от борта к борту, то достаточно будет 20 градусов крена, чтобы судно перевернулось вверх килем. Забивались шели, устанавливались упоры из брёвен

и досок. Готовились к действию водоотливные турбины. Броненосец потрескивал и скрипел. Из глубины машинного отделения, как из груди больного, доносился натужный рёв машин, учащённое биение, от которого железный корпус судна охватывала лихорадочная дрожь.

Степан долго не мог уснуть в своей подвесной парусиновой койке, было душно. После вахты не удалось отдохнуть. За бортом постепенно затихали приступы бури. Шторм шёл на спад. Устал великан буянить. Медленно успокаиваясь, ещё бил волной и пытался швырять «Пересвет», но, видно, наигрался. Уставшие за день матросы спали мертвецким сном. Кто-то храпел, кто-то ворочался и вскрикивал в тяжёлом сне. В полусумраке казалось, что это не койки висят на шкентроссах, а держатся на потолке своими шупальцами длинные белые существа с отвисшими животами. Броненосец устало покачивался на спокойной воде.

* * *

«Пересвет» подходил к Суэцкому каналу.

– На лотах! Какая глубина фарватера? – слышался голос командира.

Под утро Степан вышел на палубу. Слабый зюйд-вест нагнал густой и липкий туман, заливший, будто сливками, весь корабль, скрывший морскую ширь. Прожекторы не в силах были прорвать белый занавес. Люди снова ли по палубам, как тени призраков, исчезая и возникая ниоткуда, из белой бездны. Натужно ревел своими железными лёгкими «Пересвет», подавая периодически сигнал в скрытый туманом невидимый мир. Вскоре туман стал редеть, появились чёткие очертания корабля, открылось море. Корабль шёл в сопровождении английских и французских кораблей. Капитан 1 ранга К. П. Иванов-Тринадцатый уверенно вёл корабль по указанным союзниками фарватерам.

Около шести часов вечера 22 декабря 1916 года в 10 милях к северу от Порт-Саида после очередного поворота за конвоирующим кораблём неожиданно раздался мощный взрыв в носовой части броненосца. Взрыв повлёк за собой детонацию боезапаса носовых орудий. Вслед за двойным подводным взрывом с левого борта, против носовой башни, последовал сильнейший взрыв погребов боезапаса, потом у левого борта, против грот-мачты, вновь произошёл двойной взрыв. Часть палубы и крыша носовой башни были снесены, подбашенные отсеки разрушены и мгновенно затоплены водой. Личный состав, находившийся в них, погиб.

Звучала боевая тревога. Чётко выполняя команды К. П. Иванова-Тринадцатого и старшего офицера М. М. Домершикова, команда приготовилась отражать атаку подводной лодки. Корабль, быстро оседаая носом, неудержимо кренился. Орудия открыли огонь по появляющимся среди гребней волн перископам.

Степан занял своё место в радиорубке. Радисты пытались передать «SOS», но все антенны были повреждены. «Пересвет» скрежетал и трещал, как смертельно раненый исполин.

– Прекратить огонь! – луч прожектора взметнулся к небу и погас. Судно оказалось обесточенным. Командир корабля, преодолевая сильную контузию, отдал приказание покинуть корабль. Экипаж выстроился в шеренгу на палубе, надев спасательные жилеты. Паники не было. Степан вместе с

остальными матросами двинулся к краю кормы, которая поднялась высоко над морем, будто раненая чайка, пытаясь взмахнуть крылом и взлететь над свинцовой бездной волн. Вот один шаг, ещё шаг, Степан толкает впереди идущего, и тот летит за борт. В следующее мгновение такой же сильный толчок – и его сбрасывает вниз. Сильный удар о поверхность воды и погружение в тёмную пучину. Вода сомкнулась над головой. Внизу – кромешная темень. После грохота орудий, скрежета металла, криков и стонов раненых и обожжённых наступила мёртвая тишина. Над головой слабо брезжила полоска света, пробиваясь сквозь толщу воды. Холодная вода обожгла тело, одежда намокла и стала непомерно тяжёлой. Степан усиленно заработал руками и ногами, стараясь быстрее выбраться на поверхность. Наконец, первый глоток свежего воздуха. Оглядевшись, он увидел тонущий «Пересвет», медленно погружающийся в море. Перевернувшись, он пошёл ко дну. Яркими оранжевыми поплавками качались на волнах матросы, то появляясь на гребне волны, то исчезая в морской пучине. Темнело.

«Неужели придётся вот так просто погибнуть? Замёрзнуть или стать лёгкой добычей акулы? – мелькнуло в голове. Вспомнилась матушка, родимый дом. – Что я успел в своей жизни? Даже потомства не оставил. Так исчезну – и нет меня! Даже могилки не будет, чтобы поплакать на ней».

Матросы кричали друг другу свои адреса:

– Выживешь, сообщи моим!

Но запомнить все адреса невозможно, да и спасёшься ли сам?! Луч света, показавшийся вдалеке, скользил по корявой поверхности моря, выхватывая из темноты качающихся на волнах людей.

– Эге-ге-й! – закричал Степан, напрягаясь из последних сил. Ему казалось, что он кричит громко, но море своим шумом да свист ветра заглушают его. На самом же деле, обессиленный, он издавал лишь глухой хрип. Степан продолжал кричать и размахивать руками, пока хватало сил. Через некоторое время, показавшееся вечностью, его подняли на борт английской шлюпки.

«Пересвет», по одной из версий, подорвался на mine, выставленной на фарватере германской подводной лодкой «И-73», по другой версии, взрыв произошёл в результате диверсии. Конвоиры не сразу смогли приблизиться к гибнущему кораблю, так как броненосец открыл огонь, думая, что его окружают вражеские подлодки. Корабль затонул спустя 17 минут после взрыва. До полной темноты собирали людей среди бушующих волн союзные конвоиры и паровой катер «Пересвета». Удалось спасти 18 офицеров, 9 кондукторов, 5 гардемарин и 705 матросов. Легендарный броненосец, не дойдя до места назначения, успел передать флоту своё доброе имя, людей с боевой подготовкой. Броненосец «Пересвет» – самый крупный из кораблей Российского императорского флота, погибший в Первой мировой войне.

Спустя 40 лет в Порт-Саиде поставят обелиск в память о погибших на «Пересвете» моряках, а затонувший илом броненосец так и останется покоиться на морском дне, на глубине 25 метров. Об этом тогда не знали моряки экипажа, не знал и Степан Джугла.

Домой

«Млада» неторопливо бороздила воды Средиземного моря. Осталась позади Франция, запомнившаяся морякам своими гостеприимными портовыми кабаками. Матросы «Пересвета», после того как вместе с кораблём ко дну ушли их рундуки с небогатым скарбом (гостинцы для родных и близких, диковинные заморские вещицы, всякая мелочь), своё скромное жалованье спускали в портовых кабаках и на рынках. Французы сбегались посмотреть, как пьют русские моряки.

Италия встретила моряков «Млады» ярким солнцем, мягким климатом. Кричали чайки над морем, высматривая добычу. Зазывали, расхваливая свой товар, торговцы рыбой. Сновали шустрые мальчишки, предлагая мелкие услуги за гроши. Степан неторопливо шёл по пристани, возвращаясь на корабль. В памяти звучала песня, случайно услышанная Стёпой. Разгуливая по узким улочкам небольшого городка, подмечая всё до мелочей, Степан удивлялся густой застройке улиц. Дома один за другим, плотно прижавшись, тянулись к солнцу красными остроконечными черепичными крышами. На открытых небольших балкончиках багровели в горшках цветы, зеленел плющ, цепляясь за каждый каменистый выступ постройки, упрямо полз к солнечному свету. Над головой на верёвках, тянувшихся от дома к дому, висело постиранное бельё. По грязной мостовой бегали бездомные кошки и собаки. Тёплые лучи солнца не проникали сюда. Веяло сыростью и гнилостным запахом нечистот. Степан остановился. Его внимание привлёк необычный мелодичный напев. Чистый женский голос звенел хрусталём в тяжёлом воздухе, возносился к небу, звучал завораживающе. Степан поднял голову, пытаясь отыскать дивный источник совершенства. На балконе одного из домов девушка в белой блузке и ярком красном сарафане развешивала бельё. Обнажённые тонкие руки парой белых голубок порхали над верёвкой. Чёрные волосы небрежно стянуты красной лентой. Не обращая внимания на прохожих, она увлечённо делала свою работу и пела. Закончив развешивать бельё, девушка раскинула руки, повернула лицо к солнцу и, зажмурившись, впитывая ласку и негу тёплых лучей, допела свою серенаду. Затем взяла таз, выплеснула из него остатки воды и скрылась в доме. Степан едва успел отскочить в сторону, чтоб она не окатила его водой. Чарующий голос всё ещё звучал в ушах, проникая в сердце. Он стряхнул капли воды с форменки и пошёл дальше. На набережной Степан стал невольным свидетелем совершенно неприглядной сцены. Две торговки сцепились, не поделив что-то между собой. Одна, с пышными формами, в грязном фартуке, подоткнутом с боков и прикрывающем тёмно-синее выгоревшее платье с засученными по локоть рукавами, стояла подбоченившись, поливая соперницу отборной бранью. Её мощная грудь ходила ходуном, волосы седыми грязными космами выбились из-под клетчатого платка. Лицо покраснело и вспотело. Её соперница – худощавая женщина лет сорока с глубокими чёрными глазами, густыми бровями, длинным носом с хищной горбинкой и тонкими ноздрями, большим ртом на бледном лице со впалыми щеками, свидетельствовавшим о нервозности или нездоровье. Она активно жестикулировала, тыча пальцем в толстуху, и кричала что-то обидное и гадкое в её адрес. Её чёрные глаза метали молнии из-под широких бровей, рот искажала гримаса гнева. Она подскакивала к сопернице, размахивая

вяленной рыбиной, но огреть её всё же не решалась. Толстуха стояла, как неприступная крепость, изрыгая громогласный рык. Скандал привлёк массу зевак, которые, обступив бранящихся, с интересом ждали развязки. Степан не стал дожидаться конца маленькой трагикомедии. Купив кусок копчёной форели, он отправился на судно.

Служба на флоте не из лёгких. Зуботычины и окрики, карцеры и гауптвахта раздавались старшими по чину налево и направо. Для командиров матросы были «быдлом», неспособным мыслить. Матрос должен осознавать своё ничтожество перед начальством, считали они. Команду нужно «драить». «Надраенная» команда – гордость каждого командира и старшего офицера. На зов начальства матрос должен подлетать незамедлительно и преданно смотреть в глаза, как хорошо дрессированная собака. В этом – залог морской дисциплины. Правда, не все офицеры следовали этим драконовским традициям.

Иван Шадыгин захаживал в каюту капитана 2-ого ранга Сивцова Ильи Спиридоновича, давал ему читать разные книги, они беседовали, обсуждали прочитанное. Сивцов внимательно слушал Ивана, обстоятельно отвечал на вопросы, говорил чистым приятным голосом. Шадыгин видел не только заинтересованность молодого офицера, но и его участие, стремление понять. Иван читал «Овода» Войнич, Максима Горького, Короленко. Кое-что давал читать Джугле. Известия из России о беспорядках и революционном настроении масс просачивались на судно. На корабле знали о революции в России, о том, что власть захватило Временное правительство. Свободомыслие и революционные настроения всё больше овладевали умами низших чинов. Те из офицеров, кто частенько распускал руки, теперь не рисковали раздавать зуботычины: встречая прямой гневный, непокорный взгляд иного матроса, страшились получить достойный ответ. Атмосфера накалялась всё больше.

Следующая стоянка была в Порт-Саиде. Каждый моряк с тревогой и скорбью в душе вспоминал тот роковой день, когда громаду броненосца «Пересвет» сотрясло взрывами. Всё, что было после, отдавалось болью в сердце каждого. Никто не мог уснуть в эту ночь. Вспоминали своих товарищей, погибших при взрывах, утонувших в морской пучине. Перед глазами стоял раненый «Пересвет», задрав высоко к небу острую корму, как подбитая чайка, крылом устремлённая ввысь, стараясь в последний раз взлететь над водой. Сейчас, по истечении времени, оказавшись на месте гибели «Пересвета», все они острее чувствовали трагедию. Вывавшие виды моряки не стыдились скупых мужских слёз, блестевших в глазах, скатывающихся по обветренным щекам.

Рано утром «Млада» остановилась, засвистели дудки капралов. Команда в парадной форме выстроилась на палубе. Командир корабля капитан 1-ого ранга Кропотов обратился к морякам. Он говорил о российском флоте, о славном «Пересвете», о той вечной памяти, которой достоин боевой броненосец, говорил не торопясь, чеканя каждое слово. С замиранием сердца слушали моряки своего капитана, стояли смирно с непокрытой головой. Отец Никодим отслужил молебен за упокой души погибших моряков. Поимённо были названы офицеры: И. И. Рентшке, инженер-механик П. А. Куровский, лейтенанты Кузнецов, Ивановский, мичман Перре, доктор Рокицкий и 82 матроса. При полном молчании был приспущен Андреевский флаг.

На воде плавно колыхался венок, обвитый георгиевской лентой, – последняя дань погибшим. Раздалась команда «Пли!». С борта «Млады» из всех орудий салютовали в честь погибших моряков «Пересвета». Каждому выдали по три чарки вина. Не было обычного веселья и приподнятого настроения, не звучали шутки и смех. Вино пили за обедом молча, стоя поминали своих товарищей. Кто-то смахнул набежавшую слезу, кто-то не сдержал сдавленный печальный вздох, горькое саднящее «э-эх...» и сжатый до боли кулак – каждый по-своему выражал душевную боль, скорбь, владевшую сердцем.

* * *

«Млада» успешно прошла Малаккский пролив длиной в 1000 км. и, обогнув Сингапур, бороздила спокойные воды Южно-Китайского моря. Лёгкий ветерок покрывал рябью водную поверхность. Солнечные блики ослепительно искрились на водных гребнях, будто сияла в лучах золотистая чешуя сказочной рыбы. Судно застопорило машины, кинув якорь у вьетнамских берегов. Черномазые мальчишки из окрестных посёлков подплывали на узких рыбацких лодках, кружили, как назойливые мухи, вокруг судна, выпрашивая деньги. Моряки бросали монеты далеко в море. Мальчишки стремительно ныряли за ними, долго не показывались на поверхности воды, а затем выныривали с раздутой щекой, с набитым монетами ртом. А отдышавшись, зорко следили, куда полетит следующая монета. В бухте, где бросила якорь «Млада», было дико и пустынно. Не радовали глаз суровые скалистые берега и бедные лачуги рыбаков. В ущельях среди бесплодных каменистых скал пряталась скудная растительность.

На судно проникали безрадостные вести с родной земли... В матросских кубриках собирались моряки поделиться очередной новостью. Настоященный шёпот перерастал в недовольный грозный гул. Особенно часто, перекикивая всех, звучал хриплый протуженный голос Васьки Шнура – длинного, худого, как плеть, матроса с впалыми щеками и лихорадочным блеском в глазах. Он затевал бзу по каждому поводу, подмывая братву на драку. Частенько отсиживал в карцере за свою драчливость. Дисциплина на корабле резко падала. Свист и хмыканье, насмешки и ругань сквозь зубы летели в спины офицеров. Зрело недовольство к кают-компаниям и верхним мостикам, как молодая брага, бродила ненависть. И среди офицерского состава наметились сильные разногласия. Одни настаивали для острастки и укрепления дисциплины расстрелять непокорных зачинщиков, другие защищали позиции матросов, говорили, что время упущено, что политическая обстановка в России породила вольнодумство, что репрессии ни к чему хорошему не приведут. Особенно поддерживали матросов капитан 2-ого ранга Сивцов Илья Спиридонович, инженер Терехин Олег Михайлович. Кое-кто из командного состава разделял их точку зрения, но открыто не высказывался, предпочитая отмалчиваться и на рожон не лезть. Вокруг них группировались более грамотные, сознательные матросы. В их число входил Иван Шадыгин. Степан старался поддерживать друга, но уж больно много сомнений терзало его душу. Не мог он вот так резко перестроиться, забыть всё, чему верил, чему присягал. Осуждал он и анархистов во главе с Васькой Шнуром, не считая их моряками: так, шелудь всякая, шантрапа голимая. Не всегда удавалось предотвратить провокационные выступления анархистов, но влияние их

на моряков росло. Особенно накалились страсти, когда однажды приготовили ужин из протухшего мяса. Матросы шумной толпой собрались на палубе. Впереди всех – Васька Шнур с миской вонючей каши:

– Собак так не кормят! Нас хуже скотины держат! Сами, небось, икру чёрную лопают! – орал во весь гнилой рот Васька. Толпа недовольно загудела, набирая мошь.

– А ну, ребята, накормим офицерёв нашей кашей! Пусть жрут, – поддержал Шнура угрюмый матрос из моторного отделения. На мостике появился дежурный офицер в сопровождении боцмана.

– Что за гвалт? Разойтись! – гроыхнул боцман. Шнур лихо запустил в него миску с кашей. Боцман увернулся. Металлическая миска, ударившись о поручни, отлетела в сторону. Грязные брызги каши полетели на белый китель офицера и расплозились коричневыми пятнами. Офицер выхватил револьвер.

– Стоять! Стрелять буду! – чёрное дуло нацелено в толпу. На мостике появился капитан 2-ого ранга Сивцов.

– Уберите оружие немедленно, – потребовал он. – Вы только подливаете масла в огонь, – сквозь зубы процедил он офицеру.

– Матросы! Пища непригодна к употреблению. Виновные будут наказаны. Через час – на повторный ужин. А сейчас прошу разойтись.

– А, своих покрывает! Давай сюда виновных! Мы сами их судить будем. За борт их! – не унимался Шнур.

Вперёд вышли Шадыгин и ещё трое матросов, с которыми часто беседовал Сивцов. Степан тоже стал плечом к другу, хоть и не особо разделял передовые взгляды Ивана. Сейчас, в критическую минуту, он не мог оставаться в стороне.

– Успокойся, Шнур. Тебе же конкретно объяснили, в чём дело. Самосуда не допустим. Понятно?

– А ты кто такой? – взвился Васька.

– Послушай, Васёк, иди желудок к новой каше готовь, а то от злости совсем тощий стал, – усмехнулся Степан.

– Чего тебе кашу-то есть? Не в коня корм. Одни кости. Зря продукт переводить, – засмеялись моряки. Напряжение спало. Инцидент был исчерпан, но все понимали, что этим дело не закончится. Любая новая искра могла взорвать накалённую до предела обстановку, как динамит. И такой взрыв произошёл. Долго ждать не пришлось...

«Млада» причалила к берегам Страны восходящего солнца. Команду отпустили в увольнение на берег. Япония, удивительная страна с древними обычаями и самобытной культурой, строго хранила свои традиции, своё национальное достояние, не позволяя пришлым народам вносить что-то свое. Всё в этой стране было дикивинным, необычным, невиданным для моряков: строения и растительность, обычаи и уклад жизни, ремёсла, одежда, еда. Особой достопримечательностью портового города была пятиярусная пагода – деревянное строение с плоскими четырёхугольными крышами с приподнятыми углами. Деревянные балки скреплены без гвоздей путём установки заострённых выступов в пазы. Насчитывалось около тысячи больших шарнирных соединений, что делало всю конструкцию гибкой и устойчивой к частым землетрясениям. Ярус похож на коробок. Все «коробки» обладают эффектом качания, то есть все ярусы пагоды допускают

незначительное раскачивание. Когда нижний ярус смещается влево, расположенный над ним смещается вправо. Создаётся иллюзия танцующей змеи. Всё это рассказал морякам инженер Терёхин, шагая по пыльной узкой улице, обрамлённой низкими деревянными постройками. Мимо мелкими шажками семенили женщины, стуча деревянными сандалиями по каменистой мостовой. Цветастые кимоно с длинными рукавами стянуты широким поясом оби, за которым женщина хранит множество мелочей. Поверх оби тонкий шёлковый пояс с изящными золотыми кончиками. Собранные на затылке чёрные блестящие волосы украшали деревянные палочки с висящими цветками на концах. Маскообразные лица с узкими прорезями глаз казались морякам совершенно одинаковыми. По улице пробегали торопящиеся куда-то рикши, тянущие свои повозки с большими деревянными колёсами. Торговцы морепродуктами в широкополых конусообразных соломенных шляпах расхваливали свой товар. Всё здесь было удивительным, непонятным.

– Смотри, какие воины, – тронул Степана за рукав Митяй. Навстречу шли два самурая с мечами за поясом, в объёмных одеждах с защитными пластинами, в широких штанах и мягких сапогах. Народ расступался перед ними, давая дорогу. Старик с громоздким возком замешкался, стараясь быстрее освободить проход. Ось тележки зацепилась за плетёные корзины с рыбой, стоящие одна на другой у дороги. Он беспомощно тянул свою тележку, но она тащила корзины за собой. Рыба высыпалась под ноги самураям. Один из них, гневно крикнув, стегнул плетью старика. Степан рванулся зашитить беднягу.

– Не вмешивайся, – тихо, но строго остановил его Сивцов. Самураи скрылись за углом. Матросы подбежали к старику, помогли подняться, собрать рыбу. Он улыбался и постоянно кланялся, прижимая к груди сложенные ладони сухих старческих рук с вспухшими синими венами. Из рассечённой щеки сочилась кровь. Оставив возок с рыбой на молодого парня, поспешившего на помощь, старик жестами пригласил следовать за собой. Они шли по узким извилистым улочкам бедного квартала города. Старик привёл к своему жилищу – неказистому деревянному строению на сваях, приподнятому над землёй на метр. Сваи защищали дом от наводнений и сырости, позволяя свободно циркулировать под домом воздуху. Постройку уравнивала тяжёлая тростниковая крыша. Навстречу вышли пожилая японка и молодая девушка. Они предложили морякам снять верхнюю одежду и приняли головные уборы. Старик пригласил в дом. Оставив обувь снаружи, гости зашли в просторную комнату, в которой, кроме низкого столика и циновки, ничего не было. Стены комнаты украшали длинные узкие полосы бумаги с красочными рисунками – какемоне. От угла, где находилась священная ниша, украшенная расшитыми полотнищами ткани, навстречу гостям ползла на коленях хозяйка, постоянно кланяясь и улыбаясь. Иван шагнул навстречу, пытаясь поднять её. Старик отрицательно покачал головой. Он дал понять гостям, что обычай нарушать нельзя. Все разместились на полу за низеньким столом. Женщины суетились, подавая нехитрые угощения: различные сырые морепродукты, рисовый суп. Они вносили кушанья, низко склонив голову, и удалялись бесшумно, пятясь назад. Верхом кулинарного мастерства была жареная рыба самма (тихоокеанская макрелешука). Японцы называют её «осенняя рыба-меч». Степан с Митяем долго мучились, пытаясь деревянными палочками ухватить

кусочек еды. Митяй смог накрутить немного морской капусты и быстро отправил в рот. А вот с рисом было сложнее. Предусмотрительный Иван вынул из кармана ложку и спокойно поглощал пищу, посмеиваясь над друзьями. Сивцов умело орудовал палочками, стараясь обучить этому мастерству матросов. Степан выпил рисовую жижу из миски, а затем шепотью набрал рис и отправил в рот – проблема была решена. Крепкое саке развязало язык, погнало кровь по венам. Все что-то говорили, перебивая друг друга. Японец согласно кивал головой и улыбался. Когда гости поднялись из-за стола, женщины принесли наглаженные кители и поставили начищенные до блеска ботинки. Весёлые и довольные моряки вернулись на корабль.

Утром прозвучала команда «свистать всех наверх». Матросы выстроились на палубе в две шеренги. В сопровождении командира корабля и офицеров на середину вышел растерянный японец. Он что-то на ходу объяснял командиру, постоянно кланяясь и улыбаясь.

– Вчера у этого господина какая-то сволочь украла золотые карманные часы. Команда досмотра произведёт обыск. Если факт подтвердится, виновник будет казнён, – чеканя каждое слово, прогремел Кропотов.

Команда угрюмо стояла по стойке «смирно», пока шёл досмотр. Время тянулось бесконечно долго. Через час командир команды досмотра доложил о результате, протягивая капитану найденные часы. Их нашли в вещах Васьки Шнура. Его вывели из шеренги. По приказу командира сорвали бескозырку с головы, раздели и привязали к грот-мачте.

– Он опозорил честь российского флота. Честь России. Нет ему пощады! Запороть! – отдал команду командир корабля.

Кнуты со свистом взвивались вверх и с яростным шелчком опускались на худую ребристую спину, оставляя багровые следы. Пронзительный вопль Васьки резанул гробовую тишину. Японец кинулся к нему, затем к командиру, лопоча что-то на своём языке. Он был не рад такому повороту событий и явно сожалел о том, что заявил о своей пропаже. Он совал злополучные часы Кропотову, смешно размахивая руками, пытаясь остановить казнь. Его никто не слушал. Васька перестал орать, надрывно хрипя и оседая всем телом, вздёргиваясь при каждом ударе кнутов, вспарывающих кожу, превращающих её в кровавое месиво. Скоро он затих. Голова безвольно склонилась на грудь, тело повисло на тонких руках, туго привязанных к мачте.

– Прекратить! – поступила запоздалая команда. Безжизненное тело положили на палубе. Тихий гневный ропот пошёл по строю моряков.

– Разойтись по местам!

Но команду послушались. Матросы стояли вокруг обезображенного тела своего товарища. Синие глаза, остановившись, с болью смотрели ввысь, лицо исказила гримаса страдания, на губах запеклась кровь.

– Убрать с палубы! – гаркнул боцман, но его никто не услышал. Плотным кольцом окружили погибшего Ваську моряки, сняли бескозырки, прощаясь.

– Это что же такое, братцы? Запорили насмерть. Не мог Васька часы взять. Это всё подстроили! Сколько над нами издеваться можно?

Разъярённая толпа двинулась к кают-компании, круша и ломая всё на ходу. Офицеры не ожидали такого напора. Прозвучали единичные выстрелы. Кто-то в белом кителе полетел за борт или был расстрелян, остальных закрыли

в трюме. Сопротивление офицеров было сломлено. Матросы захватили власть, но что делать с этой властью, сами не знали.

* * *

После потери своего лидера анархическое крыло поутихло, не высовывалось. Многие примкнули к революционно настроенным морякам. Команда собралась на совет. Надо было решить, что же делать с офицерским составом, ведь без них до родного берега не дойти! Кто выведет судно в море, кто проложит курс к России? Возле Ивана Шадыгина сгруппировались передовые матросы, которые и возглавили митинг. Было решено избрать революционный комитет, который возьмёт командование и контроль над действиями офицеров на себя. Председателем ревкома избрали Шадыгина. Офицеров решили освободить из-под ареста, но личное оружие не отдавать. Выявить из их числа передовых, настроенных революционно, и привлечь на свою сторону, доверить им командование кораблём. Капитана корабля Кропотова отстранить и держать под стражей до прибытия на родину, а там отправить местной власти большевиков для исполнения судебного приговора.

Делегаты от комитета во главе с Шадыгиным направились к арестованным для переговоров. Офицеры молча выслушали ультиматум моряков.

– Нам надо обдумать ваше предложение. О своём решении мы вас уведомим сегодня в 20 часов, – весомо сказал Кропотков. Как только закрылся люк за матросами, в трюме возбуждённо стали обсуждать ситуацию. Кто-то негодовал от наглости «матросни», предлагая жестоко расправиться с зачинщиками. Больше всех возмущался боцман Стукалов:

– На рее их, гадов, всех повесить! За борт всех!

– Успокойтесь, боцман, пока они нас за борт не сбросили, или вы хотите отправиться на дно вслед за Руднишким и Миллером, да упокой Господь их души? – остановил его врач корабля Ракитин.

– Перевес на их стороне, – поддержали Ракитина офицеры. – Придётся принять их условия. «Младу» надо России доставить.

– А уж там, на родном берегу, всех зачинщиков арестовать и расстрелять, – Кропотков в сердцах стукнул кулаком о стенку трюма. Шека его нервно подёргивалась, усы ошетились. Сейчас он был похож на кота, загнанного собакой в угол.

– В России революция. Власть захватило Временное правительство. Монархия пала. Нужно реально смотреть на вещи, господа, – спокойно, но весомо сказал инженер Терёхин.

– Есть сведения, что Владивосток контролируют войска адмирала Колчака.

– По прибытии мы встанем под его начало, – уверенно сказал Кропотков.

– До России ещё дойти надо. А для этого из трюма на волю выйти. Значит, из данной ситуации следует, что на предложение матросов надо дать согласие, – предложил капитан 2-ого ранга Сивцов.

– А вы, господин хороший, давненько с матроснёй заигрываете. Думаете, они вас пощадят? Я за вами давно наблюдаю, – язвительно заметил боцман Стукалов.

– Прекратить распри! – приказал Кропотков. – Не об этом думать

сейчас надо. Лучше предложите, кто с бунтарями сможет договориться и на каких условиях.

– Пусть Сивцов Илья Спиридонович переговоры ведёт. Они его послушают, – предложил Ракитин. Его предложение одобрили все.

Ровно в 20 часов ревсовет и представители офицерства начали переговоры. Пришли к общему соглашению, из которого следовало: арест снять, службу продолжить, все вопросы согласовывать с комитетом, личное оружие офицерам не выдавать. На корабле наступило временное затишье. Все заняли свои места по рангу и судовому предписанию.

«Млада» медленно отчалила от Японских берегов, уходя в открытое море. Впереди – Россия! Что ждёт каждого на родном берегу, в Отчизне, обнятой заревом революции, где идёт гражданская война? Брат поднял руку на брата, русский на русского. Льётся кровь рекой, пылают города и сёла. Как распорядится судьба жизнями моряков с «Пересвета»? Не заглянешь вперёд, судьбу свою не угадаешь. Только одному Богу известно. А пока позади в сизой дымке оставались скалистые берега японского острова Хонсю. Пройдя Корейский пролив, «Млада» вышла в Японское море. Впереди Владивосток – родная земля.

Степан ворочался ночами, долго не мог заснуть. «Жива ли маманя? Дождётся ли своего блудного сына? Фома как там, небось, женился, детьми обзавёлся. Теперь вот, говорят, царя скинули, а как же без него? Чего теперь в России делается? – всё перепуталось в голове Степана. Столько всего непонятного, тревожного. – Вон Иван, всё у него по полочкам разложено, никаких сомнений насчет новой власти. Твёрдо на своём пути стоит, знает, что от жизни хочет», – Степан тяжело вздохнул.

Владивосток встретил хмурым дождливым утром. Небо затянуло свинцовыми тучами. На пирсе сновали вооружённые люди. «Млада», застопорив моторы, устало затихла, пришвартовалась к причалу. Команда из пяти вооружённых матросов с красными повязками на руках бушлатов поднялась по трапу на палубу. Их встретил ревком корабля. Шадыгин доложил обстановку. Некоторые офицеры во главе с инженером Терёхиным примкнули к революционной массе. Остальных по распоряжению реввоенсовета Владивостока увели под конвоем. Прибывших разместили в бывшем офицерском доме, выделили продуктовый паёк. Обстановка во Владивостоке была беспокойная. В Сибири зверствовали казачьи сотни Власова. К городу приближалась многочисленная армия адмирала Колчака, которого уважали на флоте за его прошлые боевые заслуги. В бой за ним шли не раздумывая не только офицеры, но и матросы. Смогут ли удержать город революционные моряки или придётся отступить, сдать его Колчаку?

(Продолжение следует.)

А у жизни своя симметрия...

Бах АХМЕДОВ

Повесть о двух стариках

Как сказал однажды английский старик,
Время – не более чем хитрый трюк.
А русский старик сказал бы «трюк».
У обоих был бы – короткий звук.

У обоих был бы спокойный взгляд,
ибо старость всего лишь осенний сад.
И чем ближе к снегу, тем мягче свет,
что с небес струится – другого нет.

И один старик поправляет бинт.
А второй произносит негромко: «Wind»,
словно слышит вечности дальней дрожь.
Добавляет задумчиво: «Будет дождь...»

И не зная друг друга, они знают всё.
И один другому слова несёт,
словно чая чашечку с молоком.
Но и это окажется завтра сном.

Ибо время и вправду всего лишь трюк.
Остается шепот от нас, не крик.
Остается снежная тишина.
И она на всех стариков одна.

Бах АХМЕДОВ. Член СП Узбекистана. Родился в 1967 г. в Ташкенте. Окончил МГУ. Кандидат физико-математических наук. Публикуется в литературных журналах и альманахах Узбекистана, России, Великобритании, Израиля, Казахстана, Эстонии. Участник международных конкурсов, форумов и конференций. Автор нескольких сборников стихотворений.

Осколки разбитых иллюзий
сильнее зажми в кулаке.
И вечный развяжется узел
в оборванной горькой строке.

Мы – люди, мы все человеки.
Блуждаем в обманах своих.
Мы – небо, мы – бездна, мы – реки,
мы – боль от прозрений чужих.

Но выбора нет, и навстречу
летит ослепительный свет.
Мы то, что останется речью
от наших обугленных лет.

По мотивам «Чайки»

Люди, львы, орлы и куропатки,
всё ли с вами, милые, в порядке?

«Нет, не все порядке, – отвечают, –
Автор нас покинул навсегда.
Медленно по небу проплывают
наши тени...
Тают города.
И давно скукожилась шагренью
мировая вечная душа.
То ли притупилось наше зренье,
то ли острие карандаша...»

Их слова звучат все глуше, глуше...
В зале пусто, тихо и темно.
Лишь неслышно плачут чьи-то души,
о финале, пройденном давно.

Даже малая вероятность –
это все-таки вероятность...
Как и шанс бесконечно малый –
это все же какой-то шанс.
Даже если смешна надежда,
и уже никогда обратно,
все равно по дороге той же
хочет снова пройти душа...

И, наверно, сегодня тоже
я не встречу тебя случайно.
Да и завтра не больше шансов –
математика вновь права.
И лимит у судьбы исчерпан –
пожимает она плечами
и разводит руками молча,
потому что к чему слова...

Потому что пройдет три жизни,
Или, может быть, двадцать восемь,
прежде чем мы однажды снова
совпадем в нашем общем сне.
Чтобы вспомнить опять друг друга,
чтобы вновь нас узнала осень,
перед первым и робким снегом
в том далеком прозрачном дне.

Но смешному смешное грустно...
И опять я хожу кругами...
И опять сам себе не верю
и считаю в уме нули.
Может, встречу тебя сегодня,
вопреки всем безумным числам,
вопреки всем слепым законам
этой круглой пустой земли?

Только бы было к чему прислониться...
Только бы было на что опереться.
Только б хватило последней страницы
для занесенного временем сердца.

Только бы строчки последней хватило
для приближенья к небесному звуку.
Жизнь пролетела, судьба сочинилась.
Только б еще раз присниться друг другу...

* * *

* * *

Равновесие неустойчиво.
И свобода всегда обманчива.
Смотрит время в глаза настойчиво,
заставляет счета оплачивать.

В каждой строчке осенней ветрено.
В многоточье – усталость вечная.
А у жизни своя симметрия,
беспошадная, безупречная...

Но тепло дуновенье прошлого
перед снегом еще не выпавшим.
Пусть надежда давно изношена,
все равно я ее не выброшу.

* * *

* * *

Она была красивее своих стихов.

Краткосрочные метафоры
мучительно таяли
в свете ее красоты.

Простые строчки пытались выжить,
апеллируя к простоте.

Но постепенно
сквозь каждое стихотворение
прорастал совсем другой текст.
Никому не видимый,
хранящий свой звук взаперти прошлого.

И тонкая линия
между правдой и вымыслом
медленно исчезала
в тревожном жесте.

Все тоньше мироздания лед...
И страшно двигаться вперед.
Но помнит нишенка-душа,
что каждый шаг – последний шаг.

Что каждый в Лете растворим,
что лгут всегда календари.
И есть всего одна река...
И лишь одна на всех строка.

И жизнь короче и точней,
чем сотни тысяч слов о ней.
И рыбы плачут под водой
о нас с тобой.

Английская погода, легкий бриз.
И облаков простая переключка.
И медленно садится на карниз
усталый ангел, тоненький, как спичка.

Он слышит наши мысли напрямик,
и он устал от этого потока.
Цитаты из давно забытых книг,
надежды, поседевшие до срока.

Как много человеческого в нем!
В его глазах, слезящихся от ветра.
И в том, как он грустит, и даже в том,
что сам не знает точного ответа.

А мы все продолжаем жить вокруг
своих неуловимых постижений.
И только ангел слышит тихий звук
бессмертье обретающих растений.

Собир УНАР

ЧУЖОЙ ГОСТЬ

Рассказ

История эта похожа на легенду. Сам я верю в нее, хотя в этой истории реальные события причудливо переплетаются с вымыслом. Так все странно. По той причине, что...

Оказывается, Матлаб пришел в этот мир, чтобы встретить Окморал. К такому выводу он пришел, дожив до восьмидесяти, пересматривая всю свою жизнь. Вы только подумайте, на весь свой долгий жизненный путь Матлаб был обречен быть скитальцем и узником! Если вы спросите: но почему? Услышите традиционное: потому что на роду было написано... В молодости, когда он сгорал от любви к Окморал, судьба кружила его, как смерч кружит соринку, бросая в чужие края, на сотни километров от любимой. И вот теперь, когда он постарел, поседел, судьба отвесила ему оплеуху...

В свои восемьдесят, в чарыках, с пастушьим посохом, он все еще вылалял в предгорьях Таласа. Верой и правдой служил тому, кому принадлежали стада, пастбища, загоны в долине, – самозваному хозяину этих мест, новому богачу Замонбаю.

Но однажды появились лихие вооруженные джигиты на конях и средь бела дня увели из загонов скот. Однако старика до глубины души потрясло другое: бандиты, вплетая в киргизскую речь русские матерные слова, озлобясь, расстреляли напарника Матлаба – чабана Коракула. Когда его жена подняла плач, они застрелили и ее с двумя малыми детьми. Трех верных волкодавов, бросившихся на них, бандиты уложили очередью из автомата.

Один из бандитов повернулся к Матлабу и сообщил, что Замонбай приказал долго жить. Спокойно и подробно рассказал Матлабу, как они отправили Замонбая на тот свет. Нагнав на старика страху, собеседник стал выпрашивать, где пасутся табуны коней, кто пасет стада коров, где находятся загоны для овец. Оставшись на свете один-одинёшенек, беззащитный старик, скрепя сердце, вынужден был назвать горы, долины, реки и родники, те места, где паслись стада.

Всадник, хмуря брови, слушал его и вдруг что есть силы хлестнул старика плетью по лицу. Кровь залила старику глаза, он сказал по-узбекски:

Собир УНАР. Родился в 1964 году в Самаркандской области. Окончил факультет журналистики НУУз. Член СП Узбекистана. Лауреат Государственной премии. Публиковался в республиканских изданиях.

«Будь проклят тот, кто тебя породил» и прикрыл глаза ладонью. Головорез, схватив его за руку, приволок к привязанной кобыле, приказав показать те места, где пасется скот. Старик, отирая стекавшую кровь, завозился, седлая кобылу, и за свою нерасторопность получил очередной удар по пояснице. От пронзительной боли старик дал волю языку, отматерив обидчика. Тот аж в лице изменился. Но на этот раз почему-то бить его не стал. Старик был ему еще нужен.

– Судя по глазам и лицу, ты узбек? – спросил он удивленно.

Кровь, стекая к подбородку, загустела, превратившись в клейкое месиво. Брезгливо вытирая, старик хотел резко ответить: «Какое тебе до этого дело? Если собираешься убить, то прикончи меня здесь одной пулей – и дело с концом!» Его подбородок и губы задрожали, но он ни слова не промолвил. Может, все еще надеялся уцелеть?! Когда старик сел в седло, бандит ударил кобылу плетью по крупу. Своего фыркающего коня пустил за ней вдогонку.

Словом, старый, беспомощный человек ради спасения своей жизни вынужден был передать в распоряжение всадников несметные стада овец и коз, крупного рогатого скота, табуны коней. Вместо благодарности Матлаб получил еще два удара плетью, мерзавцы отняли у него кобылу, с криками, гиканьем поскакали по горам и долам и скрылись из виду.

Старик воспринял все происшедшее как некий знак: может, самое важное в его жизни свершилось, и он доживает свой последний день... Ведь в Коране сказано: «Не возлагает Аллах на душу ничего, кроме возможного для нее. Ей – то, что она приобрела, и против нее – то, что она приобрела для себя...» И никуда не денешься от роковых вопросов, где родился, где жил, где умрешь. Но самый главный вопрос – ради чего живешь? Вернее, жил?

Матлаб вспомнил кишлак Хартанг, где родился и вырос. Земельный надел у отца был не больше, и не меньше, чем у других, но, похоже, руки у него были золотые: отец всегда собирал богатый урожай. Вспомнилось Матлабу, как они с отцом, впрягая осла в телегу, везли виноград на самаркандский базар, возвращаясь, покупали сладости и обновки себе, младшим братьям и сестренкам, матери платок. Отец всей душой желал, чтобы сын вырос достойным человеком. Все к этому и шло. Матлаб поступил в университет, открывшийся в Самарканде. Но тут черт и попутал: он без памяти влюбился в девушку по имени Окморал из далекого Джамбула. Со временем и девушка полюбила его. Только родители парня и девушки были против их женитьбы. Скажите, как родниться семьям, если их разделяет расстояние в пятьсот километров? И опять же как тут не удивляться прихотям судьбы, так далеко разбросавшей по свету узбеков! Чистокровная узбечка из Джамбула с глазами лани – Окморал! Поскольку воля родителей – закон, то парень с девушкой, закончив учебу, возвратились по домам. В те времена учителей на селе днем с огнем невозможно было найти, поэтому Матлаб в одночасье стал директором школы, хашаром построенной жителями. Столько забот и хлопот свалилось на плечи молодого директора! Но они не затмили его чувств, не мог он забыть свою девушку. Как пишут в книгах, день и ночь томился и страдал: писал письма, получал ответные. Окморал! В переводе с казахского – белая лань! Белая лань! Оказывается, отец дал ей это имя по предложению своего близкого друга казаха. Этого мало, когда Окморал была еще в колыбели, тот самый казах сделал бешиккертди – помолвил ее со своим сыном. Окморал

писала, что в их краю строго следуют обычаям, ставят их выше законов шариата.

Матлаб, читая эти строки, вспыхивал, как пламя. Сжигаемый страстью, он ревновал к незнакомым парням свою белолицую красавицу, белую лань. Его страсть была настолько сильна, что он в конце концов занемог. Ночи напролет рыдал. Отец, понимая, что это может плохо кончиться, стал искать ему невесту и вскоре женил сына на дочери родственника. Молодые прожили месяц. Парень по-прежнему томился душой по любимой. Однажды, не говоря ни слова, Матлаб поехал на самаркандский вокзал, взял билет до Джамбула – и был таков.

Нашел. Нашел свою Окморал. Поскольку учителя тогда были везде нужны, то парень и здесь нашел работу в школе. А к девушке засылала сватов местная знать. Председатель колхоза сватал ее за своего тшедушного сына, но жених оказался немошным, поэтому, сетуя на судьбу, сваты больше не беспокоили семейство девушки. Парень, помолвленный с Окморал в детстве, торопил родителей со свадьбой, но как-то прихватил с элеватора полмешка зерна. Его поймали, осудили, посадили в тюрьму. Судьба сыграла злую шутку с соперниками. Матлаб, устроив скромную свадьбу, соединил свою судьбу с Окморал и стал жить в доме тестя. Несмотря на то, что был примаком, он чувствовал себя счастливым. Невероятно счастливым! То, что где-то далеко остались родители, молодая жена, было напрочь забыто, выветрилось из памяти.

Однако жители села были недовольны тем, что чужак увел у них изпод носа первую красавицу. На волне послевоенных судебных процессов и на Матлаба стали писать доносы. Скромного школьного учителя объявили не больше, не меньше врагом народа и уpekли за решетку. Вскоре Матлаб был сослан в Сибирь.

Родители жены да, похоже, и сама Окморал поставили на нем крест. Ибо из Сибири обычно не возвращались.

Окморал ждала ребенка. Тесть, опасаясь клейма «ребенок врага народа», отвез Окморал в больницу в Джамбул, где ей сделали аборт. Время шло, из тюрьмы вышел «нареченный» с детства жених и заслал сватов. Родители посоветовались и, недолго думая, поженили молодых. Они прожили пять, десять лет, но детей не нажили. По настоянию супруга и желанию родителей Окморал дала согласие на то, чтобы муж взял вторую жену, а сама она осталась в доме мужа приживалкой.

Но посмотрите, какова воля судьбы! По прошествии двадцати с лишним лет Матлаб, живой и невредимый, вновь постучался в дверь Окморал. Узнав о ее горестной судьбе, обезумел, как Межнун, и стал скитаться в пустыне, в горах, в степи. Стал подручным чабана. Состарился. Смирившись со своей судьбой.

Сами видите, чем все закончилось...

Но и этого было мало. Оказывается, это еще не конец...

* * *

Испытывая острую боль от ран, ломоту в костях, старик сделал несколько шагов и увидел камень, словно отшлифованный человеческой рукой. Подойдя ближе, посидел, свесив ноги. Набравшись сил, подошел к роднику.

Ключевая вода не только смыла кровь с его лица, но, будто бальзам, облегчила его душевную боль, ему захотелось смыть кровь и с одежды. Всем своим существом он ощутил, что судьба вновь готовит ему что-то. На мгновение, испытав жалость к себе, он опечалился: во всем белом свете нет у него ни опоры, ни зашиты. При нем бандиты учинили расправу над семьей пастуха, убили его жену и двоих детей. Чем эти бедняги провинились перед ними? Можно ведь было и без убийства перегнать стада. Никто не оказывал им сопротивления. О Боже, о Всемогуший, кто они, почему их глаза налиты кровью? Храни меня, Боже, и спаси!

Когда, с трудом открыв затекший глаз, он осмотрелся вокруг, то будто впервые увидел громогласящий, словно лестница, Чаткальский хребет. Горные вершины были покрыты белым снегом. Говорили, что там, наверху, под громадным ледником, образовалось озеро. Там круглый год, то падает снег, то льет дождь, вода из озера бьет родниками из горных расщелин.

Это слезы такого же, как я, обледевшего от горя горемыки.

Снег на вершинах показался старику блее обычного, он сверкал и слепил глаза. Бывалые люди говорили, что в этих горах водятся белые барсы. Да, белые барсы. Привыкшие к снегу, они не спускаются в предгорья и долины. А еще говорили, что белые барсы уцелели только здесь. Белоснежные барсы. Они охотятся на таких же, как сами, белых ланей.

На белых моралов...

Окморал!..

Чьей добычей, чьей жертвой ты стала, белая лань?!

Не успел глазом моргнуть, а жизнь уже прошла. Что от меня осталось?

Хартанг... Как же он далек, в какой дальней дали остался! Отец и мать, наверное, превратились в прах. Что стало с братьями, сестрами?

На что была потрачена жизнь?

Когда он нечаянно задел рукой камень, на котором сидел, его душу озярilo, словно молния, одно воспоминание.

...Однажды в сопровождении двух старейшин здесь появился важный гость. За день до того приехал сам Замонбай, дал распоряжение резать барана, сделать колбасу из конины. Его приятели привели в порядок место, где стояла юрта, все разровняли, разостлали кошму. Гость не заставил себя ждать: белая рубаха и хорошо подогнанный белый костюм подчеркивали его загорелое лицо и густые черные волосы, зачесанные назад, хотя он был в возрасте, но еще чувствовалась молодецкая удаль, лицо, облагороженное мыслью, проницательный, мудрый взгляд. Гость сел на кошму, на голову надел киргизскую шапку. В таком виде его и запечатлели, затем и присутствующие захотели сфотографироваться с ним на память.

Гость к мясу даже не притронулся. Оказывается, он любил парное молоко. Ну и, конечно, кумыс, кимрон. Он был добрым собеседником, живо, с интересом расспрашивал у старейшин об их родословной. Старик-сказитель, наигрывая на домбре, стал вдохновенно напевать эпос «Манас». Гость весь обратился в слух. Затем ему захотелось прогуляться по округе пешком, вернувшись, он решил, отдохнуть именно на этом камне. Распросил старика Матлаба, как называются горы, реки, долины в этой местности. Поинтересовался, какого роду-племени он. Когда Матлаб вкратце поведал свою родословную, гость заметил, что это интересно. Взял с Матлаба слово, что при

следующей встрече, тот расскажет о себе более подробно. Старик Матлаб сидел тише воды, ниже травы, скрестив руки на груди. Но гость именно у него спросил: «Тебе довелось увидеть белого барса?» Услышав в ответ «нет», гость искренне удивился: «Прожить здесь столько лет и не увидеть белого барса?..»

С тех пор прошло десять лет.

Как позже он узнал... Да, позже он узнал, что человек этот был не из простых, вон там, в долине, прошло его детство, и был это не кто иной, как Чингиз Айтматов, один из знаменитых писателей нашего времени. Да, Чингиз Айтматов!

С тех пор одна эпоха сменила другую. И мир другой, и время другое. И Айтматова нет на свете. Да, говорили, что он завещал, чтобы его похоронили в родном селе, это неподалеку отсюда. Замонбаб сообщил ему об этом. Так что беседа со стариком Матлабом отложилась... А повторная встреча на этом свете им не была суждена.

«Почему же мне не сказали, что это был Чингиз Айтматов, ведь я почти наизусть помню его повести и романы?! Лишили меня возможности поговорить с ним по душам, я ведь принял его за нового богача, вот незадача!», – сокрушался Матлаб, не находя себе места от досады. Старейший Айтматов написал роман-исповедь «Разрушающаяся гора». В романе он описал эту гору, белых барсов на ней, жестокость и произвол, чинимые бандами головорезов, описал до какого состояния дошли его сородичи, какими неблагоприятными поступками запятнали себя, описал это с болью и покаянием...

Да озарится светом твоя могила, друг мой Чингиз!..

Когда-то ты спросил: «Эй, старик-узбек, какими судьбами ты оказался в этих краях?» Спросить-то спросил, но ведь моей исповеди не выслушал. А если бы выслушал и узнал о моей судьбе, то, вполне возможно, включил бы в какое-нибудь произведение историю несчастного старика и, как все свои книги, сделал бы рассказ о моей жизни знаменитой поэмой...

Теперь же на свете нет ни Окморал, ни Чингиза...

Пусто в мире и безлюдно...

Еще недавно старик считал, что в этом обжитом месте ему и суждено дожить свой век. Обезлюдевшая местность, казалось, готова была поглотить его. О Замонбае ни слуху, ни духу, похоже, и в самом деле его уже нет на свете.

Судьба сама вынуждала, чтобы он, собрав пожитки, отправился в путь. Шел он по горам, по долам в сторону Джамбула, пока его не остановили на границе. Поскольку паспорта при нем не было, то военные собирались отправить его назад. Матлаб с места не сдвинулся. Тогда старший по званию, взял старика под стражу. Наутро пришел майор и выговорил всем: «Что же вы над старым человеком издеваетесь?» Он велел освободить его из-под стражи. Доведенный до точки кипения, старик, еще сидя в камере, начал крыть стражников на чем свет стоит. А уж когда вышел на волю, то решил сквитаться со вчерашним обидчиком и пригрозил: «Ты смотри, парень, за твой беспредел я взорву дамбу вон того водохранилища и всех вас утоплю!»

– Оставь его в покое! – приказал майор. – Собираешься мериться

силой со стариком? Если он такой могучий, пусть взорвет дамбу! – рассмеялся майор и, как бы давая старику знак уйти, помахал рукой.

На следующей границе Матлаб вновь подвергся унижениям и оскорблениям. Доведенный до отчаяния, он закричал: «Я всех вас взорву!» И вновь его задержали, хоть и понимали, что старик просто грозит, взорвать дамбу ему не по силам.

– А что у тебя есть? – спросил пограничник.

– Денег нет, – предупредил старик.

– Я спрашиваю, чем ты собираешься взрывать дамбу?

– Сам знаю, а тебе не скажу.

– У тебя есть родные, друзья, кого ты здесь ищешь?

В памяти старика Матлаба стали один за другим всплывать лица друзей и знакомых. Оказалось, что все, кого он вспомнил, давным-давно поумирали. Надо ли говорить, как тяжело было услышать это. Ему не оставалось ничего другого, кроме как сказать им правду: «Я иду к Окморал!»

– Мы вели с тобой разговор о мужчинах, а говорить о женщинах у нас не принято. Проходи, – пропустили они старика.

Город изменился до неузнаваемости, Матлаб не мог отыскать зданий времен своей молодости. Распрашивая пожилых людей, он с трудом отыскал дом своего приятеля Матьякуба, который одно время был завскладом на ферме. Матьякуб постарел, сгорбился, однако мыслит и говорит здраво. Сокрушаясь о молодости, восклицая и вздыхая, что-то вспоминая, а иногда выдавая желаемое за действительное, скоротали ночь до рассвета. «Так уж, наверное, суждено – жить и умереть вдали от родных, а моим костям покоиться в чужой земле», – горевал Матлаб. На что друг сказал: «Похоже, тебе теперь некуда деваться, так что доживай свой век у меня, внуки похоронят и тебя, и меня, пусть с пинками и бранью, но на земле не оставят». Приятель поведал ему о судьбе Окморал. Говорили, что она долгие годы была директором школы, когда уж совсем состарилась, то вышла на пенсию, и заботу о ней взял на себя ее младший брат. Но даже старость особо не изменила ее, она стала симпатичной милой старушкой...

А между тем пошли слухи, что некий безумный старик, пришедший из-за горного перевала, грозился взорвать водохранилище и будто бы разыскивал женщину по имени Окморал. Взорвать дамбу ему, конечно, не по силам, но кем ему приходится симпатичная старушка – интересовало всех.

Шли дни за днями. Старик томился желанием найти Окморал, может, в последний раз поговорить с ней обо всем пережитом, отвести душу, ни о чем другом он уже и думать не мог. Он и Матьякуба сумел убедить: «Имею же я право на старости лет еще раз повидаться с ней, найти ее и постучаться в дверь, что скажешь?»

А тут поползли тревожные слухи о том, что наверху, в водохранилище, вода вышла из берегов. Дамбу будет затоплен! У старика Матлаба перехватило дыхание.

А вдруг и в самом деле прорвало дамбу водохранилища? У него чуть сердце не разорвалось. А на каждый роток не накинешь платок. Заговорили, что недавно один безумный старик пригрозил пограничникам взорвать дамбу, устроить наводнение и утопить город. Похоже, что старик выполнил обещание. Мы пропали, если не поднимемся в горы, то погибнем.

В нижней части водохранилища, откуда стекала вода в город, и в самом деле две соседние махалли оказались подтопленными, бахча, огороды остались под водой, глинобитные дома тоже подтопило... Люди, обезумев от страха, стали хватать все, что под руку попадало, стараясь забраться куда повыше – кто пешком, кто на коне или осле, кто на машине. На закате кто-то гнал стадо в предгорья, кто-то, закинув узел с вещами за плечи, преодолевая поток воды, шел вверх. С детьми на закорках или ведя их за руки, люди в панике устремились к холмам. Каждому во что бы то ни стало хотелось уцелеть, спастись, убежать к самым горам Таласа. Заалевшая в лучах закатного солнца гора едва виднелась вдали. Шум и гам напоминал ей шум прибора. Сбившись гуртом, эти слабые создания будто превратились в большое стадо, оставшееся без пастуха, неуправляемое, неподвластное голосу разума...

В тот памятный день в верхней махалле, где жила Окморал, ее младший брат, встав пораньше, расчистил запруду, пустил воду из арыка в свой огород и с чувством исполненного долга прилег на топчане, неторопливо беседуя с женой и сестрой, велел невестке приготовить чай. Вдруг жена вскрикнула: «Смотрите, вода затопила двор!» Когда мужчина торопливо поднялся с места, чтоб надеть шлепанцы, вода уже унесла их в конец двора, к овечьему загону. Не на шутку встревоженный, он побежал к запруде, но, увидев, с какой быстротой и силой прибывает вода, перепугался до смерти. В панике он закричал: «Мы погибли, выходите все из дома!»

Наводнение стало реальностью, люди в самом деле поверили, что безумный старик взорвал дамбу. Говорят, что общая беда объединяет людей. Но, оказывается, беда не только объединяет, но может и вражду посеять. К примеру, симпатичная старушка, то есть Окморал, единственная из всех членов семьи, живущих в этом доме, была обречена стать жертвой наводнения. По той простой причине, что в «Волге» нашлось место брату, его жене, снохе, сыну, дочери, внукам, а для нее одной места не оказалось. По настойчивому требованию племянника она села на переднее сидение. Позже выяснилось, что в их семье не много, но мало, а шестнадцать душ!

Шестнадцать человек, а! Как могло столько людей уместиться в одной легковой машине? Как говорится, даже тесную тюбетейку можно надеть. Багажник был набит одеялами, узлами, одеждой, обувью...

Вот это да! Передняя дверца перестала закрываться. Родственники, прижавшись, согнувшись, усевшись друг на дружку, так уплотнились, что не могли шевельнуться. Брат хотел приналечь на дверцу снаружи, но его усилия были бесполезны, уж слишком машина была переполнена. Тогда-то мужской ум и сработал. Он многозначительно уставился на сестру и, быстро-быстро моргая, произнес:

– Сестра! – Старушка поняла, что он хотел сказать, и растерялась. – Вам ведь уже восемьдесят?..

– Какая же я глупая... какая же я глупая... – краска стыда залила ее лицо, старушка, растолкав внучатых племянников, вышла из машины.

– Только без обиды: кому суждено было дожить до ваших лет, а кому и нет... Кроме того... будете караулить дом. Мало ли что... кто знает, ведь всякое бывает!.. Воры и разбойники не перевелись еще на свете... Извините, сами видите, какое положение. На нас не обижайтесь...

Старая досадовала на себя, что сама раньше не сообразила.

– Я растяпа, я бестолковая... светик мой, дорогой, смотри, я думала спасти свою душу. Совсем разума лишилась... поторопись, быстрее уезжай, а то ведь дороги может размыть... Простите меня... смотри, голова совсем не работает. Будь осторожен в пути.

Брат сел за руль, включил мотор. Сестра сделала все, как ее научил брат, с силой захлопнула за ним калитку.

Только отъехали, старшая внучка закричала:

– Ой, моя сотка!..

– Не кричи, ты видишь, что творится...

– Ну тогда я останусь...

– Тебе сотка нужна или жизнь?

– Это подарок Бахрома... Ладно, вы поезжайте...

Брат со злостью нажал на тормоза, резко открыл дверцу, закричал:

– Сестра! Сестра, тебе говорю! Оглохла, что ли... Сест-ра!

Старая только было поднялась до террасы. Постояла в растерянности. Услышав голос брата, посмотрела в их сторону. Помахала рукой. Она хотела сказать, что же вы стоите, почему не едете.

– С Богом, я вас прошаю, – сказала она и прибавила: – Не переживайте, бывают ведь жертвоприношения воде, – сказала и, как бы прощаясь навеки, помахала рукой. Хотела отвернуться, но брат изо всех сил закричал:

– Я вам говорю, вынесите сотку Сарви! Вы что, не слышите, на телевизоре лежит, на зарядке.

Старушка, наконец, расслышала его слова и вошла в дом. Через минуту вышла, подняв телефон высоко над головой, показывая брату. И опять пошла в сторону топчана. Брат побагровел от злости:

– Несите сюда!

Только тогда старушка поняла, что он хотел сказать и пошла в его сторону. Брат, потеряв терпение, быстро подошел и буквально вырвал телефон из ее рук.

– Ой, родненький мой, я думала, что вы оставляете телефон, чтобы говорить со мной, прости меня, старость не радость...

Пока брат ходил за телефоном, мотор заглох, сколько бы он ни вертел ключ, зажигание не включалось.

– Мы очень обидели сестру, – сказала жена.

– Что? – заорал на нее муж.

– Я думаю, может, сестра обиделась на нас. Вот и техника отказала.

– Замолчи. Свое мнение оставь при себе, видишь, что творится вокруг... Еще ты тут под руку бубнишь. Сестре исполнилось восемьдесят, представляешь, восемьдесят... Если жалко, то оставайся вместо нее. Давай выходи из машины...

– Дорогой...

– Тогда, давай я останусь, вот, садись за руль.

– Дорогой... Ради вас...

– Тогда молчи...

Однако машина по-прежнему не двигалась с места.

– Сестра! – опять позвал брат.

Сестра глянула, как брат машет рукой. Ей показалось, что он торопит ее.

Даже не надев галоши, она заспешила к нему. Шаровары и платье намокли. Вода все прибывала.

– Родной, оставь меня, я уже не жилица на этом свете. Я тебя прощаю, – сказала она, печально глядя на него.

– Э, да я не для этого вас позвал. Подтолкните машину сзади, что-то она застопорилась.

– Да-а... какая же я глупая... а хватит ли у меня сил?..

– Хватит, хватит: чуть подтолкнете, она с горки и съедет.

Старушка подошла к машине сзади, стала толкать. Брат, упираясь левой ногой, тоже старался изо всех сил, машина сдвинулась с места. Когда же поехала, включилось и зажигание.

Внуки подняли шум: «Почему тетушка осталась, она ведь может утунуть!»

Машина какое-то время ехала вниз, затем, изменив направление, стала подниматься вверх. На укатанной асфальтированной дороге так увеличилась скорость, что только камешки вылетали из-под колес. Удаляясь, она все уменьшалась и уменьшалась.

Симпатичная старушка не отрывала от нее взгляда. Когда машина скрылась с глаз, она тихо произнесла: «С Богом!»

Теперь она отчаянно желала, чтобы все произошло быстро. Она была готова и к наводнению, и к самой смерти.

* * *

Старик Матлаб, не вливаясь в людской поток, с шумом стремящийся в сторону гор, в одиночестве брел в наступающих сумерках. Он держал путь в верхнюю махаллу, где началось наводнение. Матлаб чувствовал, что этот паводок лишь начало, если дамба и в самом деле взорвана, то, считай, наступил конец света. Однако дамба никогда не остается без надзора. Столь важный стратегический объект, как водохранилище, имеющий первостепенное значение для жизни населения, конечно, охраняется. В тот день, когда он добрался до Джамбула и, рассердившись на военных, пригрозил, что взорвет дамбу, они не зря подняли его на смех.

Старик увидел, что поток воды, переполнивший арыки, перекатывающий гальку на дороге, был не так уж силен, поэтому Матлаб не поддался панике, охватившей людей. Что-то подсказывало ему, что для волнения нет причины, все будет хорошо. В странно спокойном расположении духа он поднимался вверх, к объекту, считавшемуся одним из крупнейших гидросооружений в масштабах страны, построенному в первые послевоенные годы. В обращенной к городу части вода стремительно стекала по бетонному каналу, здесь установлено гигантское водяное колесо. Черпаки на этом колесе наминали большие свадебные котлы. Они были достаточно тяжелые, но тем не менее колесо вращалось, черпаки поочередно сливали воду в большие бетонные арыки с правой и левой стороны. Вода красиво сверкала в солнечных лучах, крохотные радуги из водяной пыли радовали глаз. Разносимые ветром брызги кропили тополя, арчу, чинары в разбитом рядом парке, влажная листва деревьев, словно лакированная, блестела на солнце.

Когда-то Матлаб был полон сил и молодецкой удачи. В свободное время они с Окморал приходили сюда, смеялись, шутили, не могли

наговориться. Казалось, что все это было только вчера... Будто бы только вчера. Но сколько с той поры воды утекло... Все унесла вода! Что осталось, кроме воспоминаний, все еще волнующих душу? Страдания, муки, клевета, Сибирь... Горькая участь Окморал, оставленной на произвол судьбы. Он понимал, что не в праве кого-то винить за то, что Окморал выдали замуж. Ибо ссылка в Сибирь была равнозначна смерти. Однако невозможно было не признать, что из-за его возлюбленной, подобной пери, вся его жизнь пошла прахом.

...Переполнив бетонный арык, вода смывала все на пути. Чудак-старик, «виновник наводнения», вновь оказался в эпицентре своей судьбы. В былые времена приходили сюда с Окморал, поднимались и с блаженством подставляли брызгам загоревшие дочерна лица. Матлаб, проделав тот же путь, оказался возле большого железного желоба. Он все еще был в плену воспоминаний. В давние времена вода из черпаков водяного колеса лилась в бетонные арыки, а затем, кристально чистая, потоком срывалась в желоб, душа замирала и радовалась этому водопаду. Не только брызги осыпали их, они зачерпывали воду пригоршнями, обливали друг друга, белая нейлоновая рубаша парня, атласное платье девушки, только вошедшее в моду, прилипали к телу. Явно вырисовывалась крепкая грудь Окморал, ее тяжелые черные косы, спрятанные под сиреневой косынкой, тоже мокрые, одна коса, вырвавшись из-под косынки, извивалась на груди, участвуя в их молодых шалостях. Затем они вдвоем удалялись в густые заросли, чтобы высушить мокрую одежду, и оставались там довольно долго, видимо, ожидая, когда высохнет одежда, и выходили раскрасневшиеся...

Воспоминания о молодости, были настолько живыми и яркими, что старик готов был плакать и кататься по земле.

Ему, растревоженному воспоминаниями, в лучах прожекторов, освещающих округу, вдруг бросилось в глаза что-то громадное и черное, заткнувшее жерло трубы, он сразу догадался, в чем дело, и от этой догадки у него посветлело на душе. Но его остановило предположение: а вдруг это какая-то скверна, падаль. Его аж передернуло. Он искренне удивился, что его, доживающего век старика, могла испугать туша животного. Стоило ему лишь на мгновение воскресить в памяти волчьи логова и свирепых хищников Таласа, как он вброд смело побрел к трубе. В том месте, где вода била через край, действительно что-то застряло. Удивительно: среди стольких людей не нашлось человека, который бы обратил на это внимание. Отыскав длинную палку, он засучил рукава и попытался пробить брешь в запруде. Не осилил. Подумал, что будет лучше, если он пойдет поверх трубы. Как подумал, так и сделал. Когда сунул палку с другого конца, понял, что труба забита опавшей листвой. И то ли одеяло, то ли шкура плотно закупорили выход – вот и получилась запруда. Матлаб вспомнил, что на зиму колесо останавливали. Был какой-то механизм, напоминающий тормоз. Увы, старику не удалось его отыскать. И вновь он поднялся наверх, лег поверх трубы и что есть силы потянул за угол эту черную вещь. И выдрал-таки кусок. Вновь приналег, опять удалось что-то вырвать. Еще разок потяну, и разорву ее всю, понадеялся он, но не тут-то было, затычка еще больше уплотнилась. От сильного напряжения мозг старика сообщал лучше. Теперь нужно было протолкнуть той самой палкой ветки и листву с другой стороны трубы. И он вновь изо всех сил

стал пробивать брешь в запруде. Стремительный поток подхватывал и уносил обломки веток и части разодранной черной вешки. Когда он, наконец, освободил трубу от запруды, паводок постепенно прекратился. Через какое-то время вода вошла в берега...

В гузарах махали – ни души. Старик воодушевился, понимая, что совершил что-то очень важное. Но вокруг не было ни души, будто все, спасая свои жизни, поднялись на холмы и горы... А другие, устав от переживаний и волнений, видно, спали в темноте. Как бы там ни было, потопа ведь и не было! Затопило два гузара на холмах, только и всего.

Старик не знал, куда ему идти, и чувствовал, что выбился из сил. Усевшись на пенек чинары, немного отдышался. Воспоминания молодости не оставляли его.

Вон там, где сейчас буйные заросли, наверняка остались следы его черных хромовых башмаков, вошедших в ту пору в моду, и белых узконосых лодочек на высоком каблуке его любимой Окморал. Но какое значение имеет это теперь?

Его одолевала усталость, озноб от ночной прохлады, он решил, что у него нет другого выхода, кроме как добрести до дома своего приятеля Матьякуба. Ломило поясницу, хотелось завернуться в теплое одеяло.

Был ли у него хоть один безмятежный день в этой жизни? И не смог вспомнить такого дня.

И вот тогда... он заметил, что из-за деревьев, что росли поодаль, ему навстречу двигалась какая-то черная тень. Он поднялся и кашлянул. Тень остановилась и кашлянула в ответ. Женщина.

Они двигались навстречу друг к другу, пока, наконец, не встретились.

– Приветствую вас, – обратился он к женщине.

– Ассалому алейкум, уважаемый. Бессонница одолела. Сегодня мои домочадцы и соседи, побросав дома, подались в горы. Паводок – это беда.

– А вы почему остались в одиночестве?

– В полном одиночестве... да, но ведь нужно же кому-то дом сторожить... Паника – страшная вещь. Каждый думает только о том, как спастись. Какой-то чудака-старик пришел из-за перевала и предсказал потоп. Когда началось наводнение, все заговорили о том, что предсказание чудака сбылось, и бросились бежать.

– Нет никакого потопа, это вода вон от того колеса вышла из берегов, – сказал старик.

– Как же так? – удивилась собеседница.

– Да вот так... Да... как же так вас, почтенную старушку, дети оставили сторожить дом, оказавшийся в зоне затопления, почему они так обошлись с вами?..

– Посчитали, что я зажились на белом свете. Состарилась. Многое успела повидать на своем веку. Из того, о чем когда-то мечтала, что-то сбылось, что-то нет, в любом случае, жила достойно. Жизнь осталась позади. Беги хоть в горы, хоть в степи, разве от смерти убежишь?

– Вы правы! Я навестил своего приятеля Матьякуба, он живет в начале улицы. Говорили о прошлом, вспоминали молодость, набежали родственники, нагнали страху, вода, мол, затопила гузар, загрузили пожитки в машину и уехали, и приятеля моего увезли. Меня, как чужого... чужого

гостя... оставили. Я на них не обижаюсь. Кто я им? Я бездомный пес, который в свое время увязался за ангельским созданием и прижился здесь...

– Прошу вас, не называйте себя бродячим псом, – сказала старушка, опустив голову. – Вы из кишлака Хартанг, что в окрестностях Самарканда? Из того самого кишлака, где похоронен прославленный на весь мир богослов Имам Бухари?

– Удивительно, вы, оказывается, знаете... – собравшись с духом, спросил старик. – Но откуда вам это известно?

Приставив ладонь к уху, он терпеливо ждал ответа.

(Здесь было бы уместно привести знаменитый вопрос героини «Минувших дней» Кумушбиби: «Так это вы?» Но наши герои – старик и старушка. Сходство же их судеб лишь в том, что и их жизнь прошла в разлуке. Произвол судьбы оказался чересчур жестоким: двух любящих людей разбросало в разные стороны. Нас заинтересовало именно это: их неповторимые судьбы. Если на то пошло...)

Если на то пошло...

(В вашей воле сделать их в конце жизни опорой друг другу. Если хотите, напишите эту картину в своем воображении. Нам же, как рассказчику, этой темы лучше не касаться. Причину вы сами понимаете: очень непростая ситуация...)

Тем временем симпатичная старушка и старик дошли до дома брата. Вместе встретили рассвет. Наутро жизнь стала возвращаться в свое русло. Беженцы один за другим спускались с гор. Младшие внучата брата миловидной старушки возвратились домой и стали наперебой рассказывать, как они в машине поднимались в гору, бесстрашно преодолевали скалы.

Только вот когда утром возвращались назад, машина почему-то застряла в одном месте. Увидев наутро опасные спуски, которые накануне мы преодолели, дед так испугался, что ему с сердцем плохо стало. Он просит вашей помощи...

Старик и старушка поняли, что семья брата и в самом деле нуждается в помощи, переглянулись и поднялись с места...

Матлаб и Окморал не стали счастливыми, как это бывает с героями сказок. Однако что такое счастье? Кто может дать гарантию, что если стремиться к нему, то обязательно достигнешь? Разве это в наших руках?

Словом, теперь дело за вами. Если хотите, можете отправить старика Матлаба в Самарканд, если хотите, пусть старик и старушка вместе доживают век. Допишите их судьбу по своему усмотрению.

Мы свою задачу выполнили.

Перевод с узбекского Зульфиры ХАСАНОВОЙ.

Зульфира ХАСАНОВА. Переводчик, прозаик. Родилась в 1951 г. Окончила Литературный институт им. М. Горького в Москве. Публиковалась в периодических изданиях Узбекистана.

ОДА БАХОДЫРУ ДЖАЛАЛОВУ

Динора АЗИМ

О эта речь, что прозвучит во мне через века,
Так ясно, будто предки здесь, у изголовья!
И в зыбком свете нарождающегося дня
Волшебный звук вдруг формой обернется,
И гибкой линией Хайяма мудрость отзовется.

Все оживёт под мастерским пером...
Твори, Маэстро, пир устроив Музам!
Пусть новым полотном Хайяма станет песнь,
Да воссияет цвет, рожденный их союзом!

Да разве же это возможно – соединить интуицию и рационализм? Искусство и наука... о, сколь же это различны способы познания и освоения мира, жизни в нем!

Они и воспринимают друг друга как некую Тайну. Враждебную тайну.

Однако ни в сфере рационального, ни в искусстве нельзя обойтись без фантазии, без умения представить себе то, что существует поначалу только в воображении, только в мыслях, если хотите – в мечтах.

Как Вы думаете, может ли искусство помочь разгадать тайны Вселенной? Показать картины будущего?

Может ли творчество художника приоткрыть завесу Тайны?

Тайны мироздания или Тайны нас самих?

Ведь любое искусство – волшебство.

И вещественный отпечаток невещественных отношений, в котором высвечивается глубинная связь.

Но что же поставить в начало – науку или искусство?

«Число есть сущность всех вещей», – сказал Пифагор.

Леонардо да Винчи – великий Хазрат мира художников – тоже отмечал: «Никакой достоверности нет в том, что не имеет связи с математикой»!
(Г. 36 v.)

Как знать, может быть, вначале было число?

Ведь Омар Хайям был математиком, и магию чисел он

понимал непонаслышке.

Но каким, каким же именно образом происходит волшебное соединение законов геометрии, цвета и... изображения?

Как родился и получил право на жизнь сей алгоритм, пульсирующий в работах Баходыра Джалалова?

Как известно, законы геометрии постоянны... Они вечны. Но тогда почему же Баходыр не возьмет кисть в руки, пока душа не поможет ему настроиться в унисон с небесной гармонией?

Пока не произойдет единение состояния души-ауры-ойкумены, кисти-палитра-краски-холст не придут в согласие друг с другом, сможет сложиться новая Вселенная.

Не может все обратиться в мир,
где каждый день переплетается с Вечностью
в гармонии звучания небесных сфер.

Ведь Творчество – это вселенская игра, игра космоса, где человек – космическая былинка, капелька, пылинка...

О, нет!

Баходыр уверен: каждый человек на этой планете – маленькая Вселенная. Баходыр в этом мироздании ощущает себя частью целого, только одним из семи с половиной миллиардов.

Только одним из тридцати трех миллионов – своей ойкумены.

Он – узбек.

Он родился в Узбекистане –
волшебном солнечном крае,
о котором сложено столько легенд...

В их семье он первый, кто имеет дело с холстом и красками. Но его отец в молодости был подмастерьем у лучшего маргиланского мастера. Он раскрашивал шелковые нити красками, подаренными природой. А потом в жизнь отца вошла война.

Путь его сына – только его путь – судьба художника,
чье предназначение – выразить в холстах Вечность.

Вечность, не скованную золочеными багетами и роскошными рамами.

Тот мир, что открывался внутреннему взору Баходыра Джалалова на пути творчества, был для него неожиданным.

А самое интересное – с каждым десятилетием это зрелище становилось все более и более захватывающим. Оно становилось до такой степени завораживающим, что у него сжималось сердце в преддверии чего-то невероятного. Чего-то небывало чудесного.

Вы не поверите, но... предчувствия его сбывались!

В какой-то миг ему стало понятно,
что ни один его холст не был случайным.

Что есть Всевышний –

Тот, кто желает явить свой взгляд на мир через него.

Он – неведомый поводырь – ведет его ясным путем.

Путь тот ведет к истоку его – к игре солнечного света.

Миссию свою Баходыр видит в том,
чтобы сделать невидимое –

то полотно, которое на первых порах видел

внутренним взором

только он –

видимым!

Он всего лишь старается сделать его видимым для всех,

порою оушая себя просто посредником

между космосом и

зрителем своим.

В молодости он и не задумывался об этой таинственной связи!

Почему именно через него прошла эта дорога?

Эта магическая сцепка, где *свет, геометрия, форма и слово*
соединились в творчестве художника...

И родилась его новая картина.

Ему достаточно было поставить первую точку на чистом полотне...

а дальше всё происходило само собой.

Рисунок возникал настолько легко,

будто кто-то вёл его рукою...

Нередко Баходыр даже не знал, как это объяснить.

Только сейчас, спустя годы, пытается дать он ответ на этот вопрос.

Пытается дать Свободу

не только карандашу или кисти, которые (Хвала Аллаху!)

твёрдо держит в руке –

руке лучезарного Творца.

Но мучается он в попытке дать Свободу пониманию того, как же это случилось?

Как появились на свет эти сотни, нет, тысячи рисунков, набросков, картин, создавая которые, слышал он музыку Вселенной и воплотил ее?

Когда окончилась война, отец Баходыра вернулся в Ташкент. Фронтовики встречали хорошо. Быстро решали вопросы трудоустройства.

Работать нужно было идти туда, где ты нужен. Оказалось, его крепкие руки, хозяйский глаз, организованность, трудолюбие – всё это было нужно в здравоохранении. И стал он помощником главврача по хозяйственной части в небольшой больнице в старом городе.

Неподалеку Фазлидину Джалалову выделили маленький участок с неблагоустроенным домиком, без воды, газа. Многого там не было с точки зрения современного горожанина. Но это была своя «крыша»! А вскоре счастливый порог дома переступила его хозяйка. Потом дом наполнился детскими голосами. Баходыр – второй сын в семье, выполняющий почетную должность семейного водоноса. В начале их улицы, сверкая пухлыми темными боками, стояла мокрая-премокрая водокачка. Добывать воду было непросто. В многолюдном доме запасы воды кончались быстро! И маленький водонос все носил да носил. Делал он это, как и все в своей жизни, с улыбкой, не уставая.

Именно тогда, выполняя детскую обязанность водоноса, он и поймал «птицу счастья». А дело было так: как-то, прибежав с ведрами за чистой водой, Баходыр увидел рядом с водокачкой незнакомого человека. Полуоблокотившись на стену, тот рисовал саманный домик, что стоял напротив. Баходыр подбежал посмотреть и... от удивления даже выронил ведра из рук – настолько поразило его сходство! Было и похоже, и нет. Потому что незнакомого человек

показал красоту старого дома, которая не бросалась в глаза... да и не каждый взгляд ее приметит. Художник работал так быстро! Баходыр сделал вокруг него один круг, потом – второй... А потом-таки осмелел и сказал:

– Дядя! А вы... меня тоже... это... нарисуйте, а?

И тот не стал возражать!

– Ну давай беги вставай вон там, около стены.

Баходыр мигом оказался в указанном месте. Стоял с бьющимся сердцем и думал: «Ох, что ж там дома будет, а? Ко-о-огда же меня этот дядя нарисует?.. Мама чай захочет поставить – а воды нет!..»

Будто прочитав его мысли, художник сделал все на удивление быстро. Буквально через 3-4 минуты сказал:

– Всё готово!

Баходыр оказался рядом в два прыжка. И действительно, это он был изображён на той картине: теперь у самого дома стоял мальчик в голубой рубашке, с венчиком черных кудряшек. Замечательно получился на фоне знакомой стены... О портретном сходстве, конечно же, речь не шла, но для него самого – вполне узнаваемо! Его одинаково поразили и легкость, с какой незнакомец писал картину, и ее красота.

Приглядывайтесь! Если Вы увидите картину конца пятидесятих годов прошлого века с кудрявым мальчиком в рубашке небесного цвета около глиняного дома, – это он, Баходыр. Так и состоялось его первое знакомство с живым художником. Надо же, он – маленький водонос – был изображен в центре настоящей картины... Ваххх!

Как истинно восточный человек, корнями из Ферганской долины, он не мог отпустить «своего портретиста» просто так.

– Дядя, вы подождите! Вы никуда не уходите!!!

Второпях набрал воды и... побежал. Редко с ним случалась такая недобросовестность! Но и случай был не из тех, что часто встречаются. Был у него дома подарок для мастера! Дед Баходыра работал в издательстве. Иногда приносил домой бракованные картончики, не подходившие для книг. Поскольку писал тот художник на картонке, Баходыр почувствовал, что картонки могут как-то художнику сгодиться. И правда, когда он вручил несколько картонок, тот обрадовался, лицо у него прямо просияло. Распрошались они обоюдодовольные встречей. Ничего не скажу про художника, но наш маленький водонос встречу у водокачки запомнил на всю жизнь. И вспоминал ее как явление живого волшебника у живого отца. Тогда и родилась у него мысль... Даже и мыслью это не назовешь, скорее... зародыш мечты: а... что, если самому попробовать... вот так... рисовать?

Есть такая пословица: «Мимо каждого проскакивает лошадь удачи! Но... не каждый умеет её оседлать». Вроде бы все тут сказано. Ан... не-ет. Можно и добавить: не каждый даже приметит свою лошадь удачи, не каждый её узнает и удосужится бросить на неё взгляд. Но маленький водонос приметил ее издали и поторопился схватить за за гривку!

Лошадь удачи

Отец Бахадыра из Ферганской долины, Маргилана – города, славившегося умельцами, создававшими *адрас*. Волшебство претворения нитки в цельный кусок ткани, игра окраса, всякий раз другого, нового, где каждый развод был волшебным, а рисунок менялся раз от разу, никогда не повторяясь... Его это увлекало, и он готов был пойти в ученики к мастеру. Когда бы не война... В глубине его сердца так и сохранилась любовь к краскам, к живому узору.

И когда он подметил эту же любовь в сыне, старался взрастить проклюнувшийся росточек таланта.

И Баходыр благодарен отцу за это. Тот дарил ему альбомы, карандаши, краски. Одобрение в глазах старших помогало в непростой дороге к... новой встрече с незнакомцем у водокачки. На этот раз он задумал появиться перед ним не с пустыми ведрами, а с мольбертом в руках.

Сначала был кружок рисования в школе. Потом дедушка отвел его в городской Дом пионеров, располагавшийся в усадьбе, принадлежавшей когда-то князю Николаю Константиновичу Романову – внуку императора Николая I – большому ценителю искусств, коллекционеру, ориенталисту.

Там-то его учитель и подсказал, что учебу нужно продолжать в художественном училище им. П. Бенькова. Училище с традициями, хорошими библиотеками, опытными педагогами... Баходыр успешно окончил его. После выпуска решил поступать в Ленинградскую художественную академию. Ту самую, что основала императрица Екатерина в XVII веке, лучшую в стране.

Баходыр помнит первый экзамен, будто это случилось вчера. Абитуриенты заняли свои места в аудитории главного корпуса, получили задание: вариации на свободную тему. Минут через 40 один из педагогов, остановившись около Баходыра, с минуту рассматривал его лист ватмана, потом громко сказал:

– Так! Всё!!! Ты удален с экзамена! Снят с участия в приемных испытаниях! Ты понял?

Если честно, он не понял. На его счастье, оказалось, что ребята вокруг поняли. Стали возражать:

– Да он сам рисовал!

– Мы же видели.

– Да вы что?

– Это его работа!

Проверявший был убежден: абитуриент не может так рисовать! Он повысил голос:

– Всё! Я сказал – уходишь!

Ребята подняли шум, гвалт, поспешил подойти второй преподаватель и предложил:

– Тогда так: мы тебя забираем. Будешь выполнять задание около нашего стола.

Баходыр предложил:

– Хотите, этот лист я порву и начну задание сначала?

– Но ведь уже почти час прошел!

– Да ничего, я успею!

И он начал все с чистого листа.

Через час рядом с ним появился тот, первый сомневающийся, преподаватель:

– Давай, выйдем.

– Мне надо уйти, да? – переспросил Баходыр.

– Да нет, пойдем покурим.

– Не курю – отказался он.

– Я... хотел тебя поздравить. Ты принял.

Хотя сказано это было негромко, аудитория, внимательно следившая за происходящим, радостно зашумела... Кто-то сказал:

– Урра! Один студент среди нас уже есть...

– Даст бог, – не последний, – добавил кто-то с другого конца зала.

Что уж говорить... были и восторженные девичьи лица... Взгляд зацепил распахнутые то ли от удивления, то ли от восторга серые глаза хрупкой девушки из Туркмении. Потом она попала в список резервистов. Походила-походила в сентябре на занятия, а в октябре уехала домой.

На одном из студенческих вечеров подошла к нему голубоглазая девушка Галя, чтоб передать привет от подруги из Туркмении... Вот так оно и началось.

Галя вместе с подружкой из Ашхабада нет-нет встречала Баходыра в коридорах академии. Как-то юноша пригласил их в настоящую кондитерскую! В центре Ленинграда.

О эти белые металлические столики-стульчики, над которыми струились запахи праздников, запахи счастливого дома, ароматы грядущего Нового года... О, вековые питерские кондитерские, прелесть которых не смог вытеснить даже долгий совковый век! Царство горячего теста, свежей выпечки, корицы, ванили и... портовой контрабанды!

О эти горячие сдобные булочки, усыпанные темными зернышками мака!

Стоило только их надкусить, и открывалась невозможная в своем совершенстве белая-пребелая «нутряшка» – мягкая, теплая, нежная... Будто тело красавицы из детской и... недетской сказки.

Поверьте, было что-то волшебное в первой трапезе юных художников. Как есть у каждого свой ангел... как знать, может быть, целая компания ангелов... в теплой кондитерской. Разве без маленьких амуров сурового Петербурга клейковина свежей выпечки может скрепить души так вот, не на шутку... а навек? Очень надеюсь, что у всякого была такая кондитерская неподалеку от дома!

...Баходыр закупил всем целую гору булочек и по стакану чая с сахаром. Девушки осилили по одной, но справиться со всей тарелкой уже не смогли.

Как назло, ту самую первую встречу Баходыр не помнит: ни чая, ни булочек, ни ашхабадскую девушку. Даже Галю он не запомнил.

Для него история их знакомства началась именно с того вечера, когда он пригласил ее танцевать. И уже во время первого танца попросил разрешения... нарисовать ее портрет!

И по сей день, можно сказать, не переставая, пишет и пишет он портреты Гали.

Ей удалось выскочить из танцевального круга.

Но не из крепкого кольца его рук.

Да она и не пыталась.

Ведь очень скоро стала она Gala Jalal.

Свадьбу они сыграли маленькую, студенческую. Теперь у них была своя отдельная, комнатка в общежитии.

Очень скоро они убедились, что семейное счастье нужно оберегать. Что за него... нужно бороться! Например, со строгой комендантшей их этажа. Не реже, чем раз в месяц она прибегала к ним с криком, что в общежитии всем положено жить по трое! Шумная тетя в синем конторском халате требовала, чтобы норматив на ее этаже не нарушался и грозила поставить в комнате кровать для третьего человека. И... заселить этого третьего во что бы то ни стало!

Баходыр бежал в магазин за чекушкой, а если в доме были фрукты из Ташкента, «гроза этажа» обходилась им малой кровью.

Галина ШИРЯЕВА

МИНАРЕТ

Рассказ

*Рассказ занял первое место в литературном конкурсе
«Страны моей жемчужины».*

Едва первые лучи солнца коснулись куполов священной Бухары, как послышался призыв к бамдаду (первому намазу), и благословенный город стал излучать свет, восходящий к ясному небу.

Специально выбрав для прогулки утреннее время, пока июльская жара не вступила в свои права, я медленно прошла по базару, направляясь к сакральному Минарету Калян, который, царствуя над городом, указывал путь к кафедральной мечети Калян.

Базар просыпался рано. Торговцы уже раскладывали на прилавках товар. То здесь, то там, повинувшись зову азана, расстилали молитвенные коврики кузнец и чайханщик, продавец лепешек и гончар. Только сейчас я поймала себя на мысли, что прошло достаточно много времени, с тех пор как я в этом городе. Люди изменились, стали жить и одеваться иначе, а дух базара остался прежним: все та же пестрота, шум и яркость красок, объединяющая продавцов и покупателей в единое сообщество.

Не дойдя до минарета сотню шагов, я остановилась. Он совсем не изменился. Все так же строг и величав, четок, ясен и филигранно тонко проработан во всех деталях. Его пропорции строго выдержаны, построен он с большим мастерством. По одной из легенд мастер – строитель Бако, заложивший фундамент минарета из алебастра и молока верблюдицы – исчез, дабы не навлечь гнев эмира из-за задержки работ, вернулся только через два года, когда фундамент прочно осел и застыл, и продолжил строительство.

Это в назидание потомкам, которые, к сожалению, даже и не мечтают прославиться в веках или хотя бы оставить о себе добрую память. Их единственное желание – обогатиться, быстро и постыдно, строить торопятся, создавая некачественные и опасные для людей здания.

Много раз я приходила полюбоваться этим величественным сооружением, восхищаясь заставшей музыкой его узорчатой кладки. Однако всякий

Галина ШИРЯЕВА. Родилась в 1961 году. Окончила Таш. институт инженеров железнодорожного транспорта. По профессии инженер-экономист. Участник многих литературных конкурсов. В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые.

раз, когда вспоминаю сто пять ступеней к верхней площадке, каждая из которых приближала к смерти, мне становится не по себе.

С трудом оторвавшись от созерцания Минарета, я напредила себе о неотложном деле. Несколько дней блуждания по Бухаре не принесли ожидаемого результата. Солнце жгло немилосердно, когда, уже почти отчаявшись, я медленно брела вдоль рядов небольших лавочек и магазинчиков. Поэтому, когда браслет на левой руке, который вообще-то является прибором, тихонько зажужжал, я в растерянности остановилась. Не веря удаче, огляделась вокруг, определяя место сигнала. К счастью, поблизости, кроме старой сувенирной лавочки, ничего не было. В таких убогих лавчонках часто продают поделки местных мастеров, но ведь сигнал не мог меня обмануть! Хозяин, не замедлив появиться, стал расхваливать товар, который обычно предлагают туристам. Заметив, что меня ничего не заинтересовало, и не желая упустить выгодного покупателя, он предложил выпить кофе. Я очень люблю этот замечательный напиток и сам ритуал его приготовления. Сев в небольшое кресло в прохладном помещении, я с удовольствием наблюдала, как хозяин варит на углях кофе в турке.

— А нет ли у вас старинных поясов? — решила я приоткрыть карты.

Лавочник, оторвавшись от своего занятия, с воодушевлением выложил передо мной целый ворох самых разнообразных поясов, но я сразу увидела **его**, и сердце вздрогнуло. Неприметный тонкий черный пояс с несколькими небольшими камешками. Хозяин очевидно был разочарован моим выбором. С его точки зрения, этот пояс был слишком прост и непримечателен и стоил совсем недорого. Однако, как истинно восточный торговец, он с детства был приучен уважать вкусы покупателей и угождать им. Поставив передо мной на столик чашечку кофе и стакан воды, он стал рассказывать историю пояса, явно желая поднять его цену.

— А знаете ли вы, уважаемая госпожа, что по легенде этот пояс принадлежал жене шаха Асланхана прекрасной Агаханум? — и, не дожидаясь ответа, начал повествование:

— В стародавние времена правил... — голос лавочника звучал монотонно и успокаивающе.

Я не слушала его, потому что охватившие меня воспоминания были ярче, красочнее и трагичнее легенды.

Восточная сказка

Комната была поразительно красива: толстые красочные ковры на полу, блестящие медные лампы, полированная деревянная мебель, разноцветный шелк и бархат портьер. Столь же великолепно была и женщина, сидящая на тахте среди многочисленных подушек. Жена шаха Агаханум была одета в золотистые одежды. Темные волосы распущены, за исключением одной-единственной тонкой косички с жемчужной заколкой. Изящную шею украшало великолепное бриллиантовое ожерелье.

Постучавшись, в комнату вошла любимая служанка шахини Гузель и склонилась в ожидании приказаний.

— Гузель, а не поехать ли нам в город? — немного оживившись, предложила госпожа.

Она была добра, умна, деликатна и очень одинока. Большую часть дня

женщина проводила за чтением книг, что было не свойственно обитателям гарема. Окружавшая роскошь не радовала ее, Агаханум была несчастна. Причина грусти была ясна всем: шах Асланхан не любил молодую госпожу. Он взял ее в жены из политических соображений, чтобы привлечь в союзники ее брата, могущественного хана Саида Ахмета. Не смея обижать женщину из влиятельного рода, он был с ней холодно-вежлив, предпочитая проводить время с наложницами в пирах и празднествах.

Накинув покрывала, женщины вышли из ворот дворца. Их уже ожидал нарядный паланкин. Сопровождаемая охраной и рабами, Агаханум решила поехать в недавно построенную ею больницу для бедных. Жители благословенной Бухары любили свою госпожу за щедрость и доброту и встречали ее радостными криками. По ее милости в городе строились мечети, медресе, столовые, больницы.

Тем временем в оставленном шахиней дворце происходили некоторые события.

Евнух гарема Хасан-ага отдыхал. Поэтому был весьма недоволен, когда его послеобеденный сон нарушил появившийся раб. Он хотел было прогнать беднягу, но тот, пав ниц, протянул письмо.

– Благословенной госпоже Агаханум от великого хана Саида Ахмета.

Хасан-ага внимательно разглядывал запечатанный свиток, прикидывая, как ему следует поступить. С одной стороны, по долгу службы он обязан был передать госпоже письмо от брата. С другой – личный интерес диктовал передать это послание фаворитке Асланхана госпоже Айгуль, которая ненавидела жену шаха и щедро одаривала евнуха за сведения о всяком шаге соперницы. Открыв крышку сундука, евнух пересчитал спрятанные в самом дальнем уголке свои сокровища – небольшие мешочки с монетами – и вздохнул.

– Да, здесь явно не хватает еще одного, – мечтательно прошептал ага.

Спрятав письмо за пазуху парчового халата и воровато озираясь, Хасан-ага медленно пошел в покои фаворитки. Возвратившись к себе, евнух добавил к своим сокровищам еще один вожаденный мешочек.

Гнев Асланхана

В комнате сидел человек в богатых одеждах, на лице его застыло выражение крайней апатии и скуки. Мешки под глазами и нездоровый цвет лица указывали на бессонные ночи, проводимые в пирах и излишествах. Этим человеком был правитель Бухары Асланхан. У ног его сидела женщина редкой красоты в шелковых лиловых шароварах и такого же цвета лифе, украшенном пурпурным бархатом. Наряд дополняли красиво сработанный пояс с золотом и аметистами, изящные парчовые туфельки и пурпурное шелковое покрывало. Иссиня-черные волосы были зачесаны назад, открывая и подчеркивая тонкие черты лица восточной красавицы. Одежда была великолепна, но застывшая на лице маска неумеренной гордости и надменного пренебрежения портила ее красивое лицо, производившее отталкивающее впечатление. Этой женщиной была фаворитка шаха госпожа Айгуль.

– Великий шах, – обратилась она к повелителю, что пишет благословенный хан Саид Ахмет?

– Не знаю, давно не получал от него известий, – зевнул шах.

– Как? – пери сделала удивленные глаза, – я вчера сама видела, как госпоже Агаханум вручили письмо. Видя, что Асланхан никак не реагирует на ее известие, она тихонько прошептала;

– А может, и не от хана Саида Ахмета?..

– Что ты болтаешь, несчастная! – шах вскочил на ноги, – сонливость как рукой сняло. Правитель был флегматичным и ленивым человеком, но очень вспыльчивым. Когда его охватывал приступ гнева, вся дворцовая челядь пряталась по углам. Красавица Айгуль хорошо знала об этих свойствах его характера и частенько манипулировала господином. Быстро выйдя из комнаты, шах направился к покоям Агаханум.

После умывания розовой водой Гузель точными движениями стала наносить на лицо госпожи крем из драгоценных масел и настоя фиалки.

– Гузель, расскажи мне еще раз милую историю про мужчину, который, будучи уже в возрасте и счастливом браке, встретил загадочную девушку. Она стояла на невысоком холме в белоснежном платье, и ветер трепал ее волосы, золотистые, как цветок одуванчика.

Эта девушка утверждала, что прибыла из будущего. Мужчина, конечно, не поверил. Бедняжка потеряла отца – изобретателя машины времени – и рискнула всем, отправившись в прошлое, на двадцать лет назад. К счастью, этот мужчина, который полюбил ее в зрелом возрасте, смог полюбить и в молодости, и они поженились. Позже, когда он нашел чудесное белое платье, будто сшитое из морской пены и снега, он все понял. Этой девушкой была его жена, с которой он счастливо прожил двадцать лет. Какая изумительная история! Бросить все, что тебе дорого, ради любимого, – слезы умиления текли по лицу Агаханум. – Впрочем, я эту сказку хорошо помню, расскажи-ка мне лучше еще раз предание о супергерое, сумевшем повернуть Землю, чтобы спасти подругу.

Агаханум очень нравились странные истории, которые рассказывала ей служанка. И она вновь и вновь просила их повторить.

– Это так интересно! Неужели мужчина может подчинить себе столь могучих джинов? Получается, что все подвиги в мире совершаются ради любимых. Гузель, откуда ты знаешь такие странные сказки? Может, ты пери из волшебной страны?

Необычные рассказы служанки действовали на госпожу завораживающе и позволяли отвлекаться от роскошной, но, в сущности, пустой и однообразной жизни. Агаханум тянулась ко всему необычному. Может быть, потому, что она была умна, очень образованна для своего времени и восприимчива ко всему новому.

– Я все это придумываю, госпожа, – слегка улыбнувшись, ответила девушка.

Милая болтовня женщин была прервана. Со стуком открылась дверь, и в комнату вошел шах. Глаза его пылали гневом.

– Где письмо? – прорычал правитель.

– Какое письмо, повелитель? – Растерявшаяся женщина не знала, что и сказать. Шах сделал нетерпеливое движение рукой, и евнухи начали обыскивать комнату. Наконец один из них с поклоном подал свиток.

Чем больше шах читал, тем сильнее гневался:

Лунолика моя, когда ты в следующий раз поедешь навестить

несчастных бедняков в больнице, позволь хоть на секундочку увидеть твое прекрасное, воспеваемое в народе лицо.

– Что?! – взревел шах. – Нечестивая! Вот почему ты постоянно едешь в город. А я-то думал, ты занимаешься благотворительностью!

– Повелитель, – женщина упала на колени. – Это не мое письмо. Сжался. Я ничего плохого не сделала и ни в чем не виновата, – рыдала несчастная. Но рабы, подхватив под руки, уже ташили ее в подземелье. Никто не заметил, как прячущаяся за колонной Айгуль злорадно и торжествующе улыбалась.

До поздней ночи Гузель ходила по комнате и думала, как спасти бедную женщину. В том, что ее ждет ужасная участь, она не сомневалась. В те времена, даже недоказанная измена правителю каралась беспощадно – смерть, без суда и следствия. Минарет Калян служил не только местом призыва к намазу и маяком для караванов, заблудившихся в пустыне. У него было ещё одно название – Башня Смерти, так как с него сбрасывали осужденных шахом людей.

Нужно было срочно что-то делать. Наконец, ей в голову пришла блестящая идея. Во дворце Агаханум любили за приветливость и доброе отношение к слугам, поэтому девушке легко удалось пробраться в темницу – охрана сделала вид, что ничего не видит.

Бедная женщина сидела на полу, закрыв лицо руками.

– Госпожа, – тихо позвала девушка. Пленница тут же встрепенулась и подбежала к решетке.

– Гузель, ты ведь знаешь, что это происки злобной Айгуль.

– Я знаю, госпожа, но не отчаивайтесь. Я обещаю, что вы не умрете, если исполните в точности то, что я скажу.

– Я верю тебе, Гузель, как самой себе. Говори.

Гузель что-то прошептала шахине на ухо, одновременно протягивая небольшой предмет. Пленница удивилась, но обещала все исполнить в точности.

На следующий день у башни собрался народ, чтобы проводить в мир иной любимую госпожу. Многие плакали. Агаханум, разодетая в несколько богатых платьев, гордо подошла к башне и стала взбираться наверх. Гузель мысленно поднималась вместе с ней – ступенька за ступенькой. Ровно сто пять, каждая из которых приближала к неминуемой гибели. Несмотря на то, что девушка была уверена в счастливом исходе, ей все же было страшно.

Очнувшись от дум, я услышала, как лавочник рассказывает окончание легенды.

– Шахиня была женщиной умной. Накануне казни она попросила шаха исполнить ее последнее желание. Он согласился. В день казни Агаханум надела все свои платья и юбки и с гордо поднятой головой поднялась на башню.

Мудрая женщина спокойно встала на край минарета и прыгнула вниз. Народ замер, но в ту же секунду в толпе послышались крики: «О чудо!» Женщина не погибла, потому что её платья надулись парашютом и плавно спустили её вниз, на землю. Отдав должное смелости и смекалке жены,

Асланхан отменил казнь.

Аккуратно сложив купленный пояс, я положила его в сумочку. День клонился к вечеру, жара спала, и вечерняя Бухара стала еще прекрасней. Миссия выполнена, можно было возвращаться домой. Меня охватило чувство гордости: я стояла у минарета, о котором народ слагал легенды.

Не могу назвать себя иностранкой, скорее, иновременкой. Мы не можем вмешиваться в историю древних веков, а лишь наблюдаем и слегка корректируем некоторые события.

Когда бедную шахиню ждала неминуемая кара за преступление, которого она не совершала, пришлось пойти на крайнюю меру – использовать для ее спасения антигравитационный прибор в виде пояса. Но если бы она осталась жива по непонятной людям причине, то те, кто так радовался ее спасению, вне сомнения, признали бы ее ведьмой и закидали камнями. Таковы уж средневековые нравы. Вот и пришлось придумать многочисленные платья, якобы выполнившие роль парашюта.

Теперь мне предстояло срочно покинуть это время, но я не могла уйти, не решив одного вопроса. Я «уговорила» главного евнуха Хасана-агу пойти к шаху и рассказать, что злополучное письмо было от брата госпожи. Большой мешок с золотыми монетами послужил неопровержимым доказательством. Люди во все времена жаждали золота и готовы были ради него потерять честь, совесть и достоинство, не понимая, что это просто жалкая горстка металла. Не смог преодолеть свою алчность и евнух...

После моих «уговоров», ворча и стenea, он все же отправился к повелителю, солгав однако господину, что коварная Айгуль якобы украла у него письмо. Шах, по обыкновению, разгневался и прогнал жадного евнуха из дворца. Впрочем, тот был уже так богат, что не слишком этому огорчился. Кстати, Айгуль шах тоже прогнал, но ее судьба мне неинтересна.

Я думаю, Агаханум скучала без меня. Впоследствии она записала мои рассказы, назвав их «Сказания пери Гузель». Они не понравились современникам, которые усомнились в нравственном здоровье шахини и посчитали, что к подобным выдумкам ее привел шок, полученный бедной женщиной после прыжка с Башни Смерти. Хорошо, что она догадалась не упоминать пояс в своей рукописи.

То, что должно было случиться, случилось. Все пошло своим чередом, как и написано в истории. У Агаханум родилась девочка, которая впоследствии вышла замуж за важного знатного человека. У них родилась дочь, известная в истории как Гаухаршад-бегим, вышедшая замуж за младшего сына Темура – Шахруха. Ее гениальные сыновья – Великий Улугбек и Байсонкур, основатель академии художеств в Герате, стали гордостью человечества. Наблюдательный Совет Времени не мог допустить, чтобы прервалась эта ниточка. Как бы я ни любила эту добрую женщину, но права вмешиваться в историю ее жизни не имела. Считаю, что Агаханум была достойной прабабушкой Великого Улугбека. Однако я допустила одно упущение – не успела вовремя забрать пояс. Теперь этот промах исправлен. Человечество нескоро, но все же изобретет этот замечательный прибор, позволяющий путешествовать во времени. А сейчас еще рано. Всеу свое время.

ЗА ПРЕДЕЛЫ РОДНОГО ЯЗЫКА

Сирожиддин РАУФ

В издательстве «Mashur press» опубликована книга переведенных на русский язык избранных стихотворений выдающегося узбекского поэта Абдулхамида Чулпана «Мгновения любви» (составитель и автор подстрочных текстов Рисолат Хайдарова, составитель и переводчик Николай Ильин). Сборник познакомит русскоязычных читателей с творчеством очень популярного узбекского лирика. Пока это самое крупное издание переведенных на русский язык стихотворений Чулпана, которое в какой-то мере позволит компенсировать многолетнее отсутствие его произведений у русскоязычной аудитории.

Причины, по которым творчество Чулпана приходит к международному читателю так поздно, носят политический характер. Поэт творил в исторический период, когда разрушались империи, происходили революции, внутренние и гражданские войны столкновения, а в обществе жестко противостояли идеологии различного толка. Чулпан по своему мировоззрению примыкал к движению джадидов и революционные события в Российской империи воспринимал как возможность обретения его родиной статуса самостоятельного государства. Социальная справедливость, технический прогресс и развитие национальной культуры казались ему необходимыми условиями становления нового государственного образования и жизненного уклада в нем. В стихотворении «Народ» он писал:

*Нет силы восставший народ обуздать,
Нет власти способной его удержать.
Империю он сокрушил и короны,
Народ пожелал – и обрушились троны...
Он жаждет свой край сделать вольной страной,
Да скроется тень над его головой.
И он уничтожит и бедность, и голод,
Обильным он сделает край на все годы.*

Сирожиддин РАУФ. Поэт, публицист, переводчик, член СП Узбекистана. Родился в 1967 г. в Карши. В 1992 г. окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУЗ), в 2002 г. – Юридический университет. Автор поэтических сборников «Йиғлаётган ой», «Кўк гўмба», «Сиз менга кераксиз», «Муаллақ керакслик».

При всем гуманизме своего мировоззрения Чулпан хорошо понимал, что поставленная цель требует решительной борьбы, возможных жертв.

*Борьба сурова и беспощадна, ей жизнь судить,
Жить иль не жить нам, но примиренья не может быть!*

(«Борьба»)

Сам поэт готов был к жертвенному служению на благо своего Отечества.

Многие взгляды поэта вполне совпадали с естественными в ту эпоху идеями социального равенства, защиты бедных и угнетенных (стихотворения «Ты как светильник меркнувший, бедняк...», «По пути в Баку на Восточный съезд»), обретения женщинами необходимых гражданских прав («Девушка Востока»). Но идея национальной независимости была неприемлема для советской власти. Несмотря на то что поэт со временем осознал невозможность осуществления своей мечты в тот исторический период и не входил в прямую конфронтацию с властью, он не вызывал доверия из-за независимости взглядов, нестандартности поэзии. В конце концов он был обвинен в буржуазном национализме и репрессирован в роковые для многих выдающихся представителей культуры 30-е годы. Жизнь поэта трагически оборвалась в расцвете творческих сил, а издание его произведений и изучение его наследия долгие годы находились под запретом. Лишь обретение Узбекистаном независимости позволило в полной мере восстановить честное имя великого поэта и открыть доступ к изданию и изучению его произведений.

Книга «Мгновения любви» композиционно делится на четыре раздела, представляющие основные идейно-тематические линии творчества Чулпана: это «Дорога моего края» (социально-политическая лирика), «По любимым следам» (любовная лирика), «По весне моя грусть» (тема природы), «Моя душа» (стихотворения философского плана). Разумеется, это деление носит условный характер, так как многие темы и идеи в лирических стихотворениях поэта пересекаются, в целом же оно представляется оправданным, так как составители книги не придерживались хронологической последовательности создания стихотворений или издания известных прижизненных сборников Чулпана.

Книга предваряется вступительной статьей переводчика и литературоведа Николая Ильина, в которой приведены биографические сведения о поэте, определяется его место и роль в развитии узбекской поэзии в период перехода от классики к современности. Здесь анализируются культурологические и идеологические истоки своеобразия творчества Чулпана, подчеркивается синтез разнообразных тенденций и влияний как литератур родного края, так и других стран и народов: русской, западноевропейской, арабской, персидской и турецкой. Этот анализ помогает уяснить новаторство поэзии Чулпана, нетрадиционность тематики, новизну и своеобразие формы чулпановских стихотворных текстов, отражающих новую эпоху, о которой поэт писал:

*Это время свободы, где людям высоты близки,
И свободная совесть, какой не вмещают убогих мозги!..*

Первый раздел («Дорога моего края») – это стихотворения-раздумья над путями развития родной страны, отражающие особенности мировоззрения узбекского мастера как представителя идеологии джадидизма. Здесь предчувствие предстоящих социальных перемен («Не близок ли час разорваться цепям, // Не близко ли время клинкам обломаться?»), вера в силу народных движений («Народ – это море и это волна, Народ – это сила, что мшеньем полна...»), в возможность распутать сложные социальные противоречия эпохи («И мы на себе крепко стянем ремни // И старый твой узел развяжем, Восток!») и, конечно, чувство личной причастности к судьбе народа:

*Мою душу больную, как будто сжигает огнем,
В этом пламени думы о крае заветном, о нем...*

Правомерно широко представлена любовная лирика поэта с его особым вниманием к теме женской судьбы (стихотворение «Девушка Востока») и раскрытием мира тонких любовных отношений лирического героя с его возлюбленными. Среди переведенных стихотворений такие известные произведения Чулпана, как «Прекрасная», «Любовь каландара», «Мгновения любви», «Фиалка» и др. Лирический герой искренен и глубок в проявлении любовных чувств, которые возвышают как самого героя, так и его возлюбленную.

*Я до небес вас возвеличить смогу,
И мне теперь до вас уж не подняться.*

Поэт полон сочувствия женщине, чья судьба была искалечена людской жестокостью.

В пейзажной лирике Чулпана природа предстает самостоятельной жизненной силой, а также средой, созвучной мыслям и состояниям поэта:

*Мой взгляд словно ожил и помолодел,
В себе ощущаю раздолье свободы,
Не стало в душе ни тревог, ни заботы,
Надежду, как нить, ухватить я сумел.*

Осмысление поэтом природы рождает ощущение причастности к ее жизненной силе и вечному обновлению.

Стихотворения, выбранные для перевода, позволяют в достаточной мере целостно обозреть характерные тематические и образные средства художественной манеры Чулпана, индивидуальность его стиля.

Большинство стихотворений узбекского автора переведены на русский язык достаточно точно, адекватно оригиналу, с оправданным выбором ритмических конструкций и образных деталей («Дорога моего края», «Борьба», «Ты как светильник меркнувший, бедняк», «Остались те прежние дни далеко», «Вода», «Воображение, мечты они прекрасны...» и др.). Иногда в переводном тексте удается достичь почти полной идентичности с содержанием оригинала (стихотворение «Весной»).

Подчас переводчику удается достичь ритмической эффектности

оригинала. В стихотворении «Осенний дождь» эффектно переданы ритмика дождя, игра капель на лепестках цветов.

В ряде случаев переводчику предстояло найти стилистически близкие образные параллели при невозможности или нежелательности буквального использования авторских вариантов, таков финал стихотворения «Жажда утешения»:

*Айтарлар бу тунда ёруғ шам ёнмас,
Чақмаса гугуртни асл ўғиллар...*

*Говорят, не зажжется свеча в злую ночь,
Если истины детям светильник не дать.*

В оригинале употреблено слово «спички» как источник огня и света, но в русском языке это слово имеет бытовой характер, и в переводе оно обособленно заменено стилистически более возвышенным. Такого типа мотивированных замен в переводных текстах немало, прямолинейная словесная точность вызвала бы стилистические расхождения.

Представляется оправданным в некоторых случаях использование узбекских слов с комментарием в сносках. Например, слово «баргак», обозначающее «сережки из соцветия ивы в волосах» или «венки из этих соцветий, надеваемые на голову». Перевести просто как «венки» или «сережки» было бы упрощением.

Иногда при общем соответствии узбекского и русского поэтических текстов обнаруживается неполное соответствие в передаче некоторых деталей, оттенков и обстоятельств. Так, в стихотворении «Прядь волос твоих...» мысль лирического героя «То, что хранила ты в моей груди, называя тайной, // Сохранять ли в тайне или раскрыть людям?» передана не совсем адекватно:

*Твою тайну, что в сердце своем я храню,
Сохранить ли в себе или людям раскрыть?*

Определенную трудность, безусловно, вызывал перевод стихотворений, содержащих особые приемы звукописи, насыщенные внутренней рифмой и созвучиями. Так, в переводе известного стихотворения «Гузаль» («Прекрасная») при достаточно точной передаче содержания не ощущается в должной мере музыкальность, присущая этому тексту.

Тем не менее предлагаемый сборник стихотворений Чулпана «Мгновения любви» создает целостное представление о художественном наследии поэта, о характере его творчества, так как переводные тексты максимально приближают читателя к восприятию художественной манеры узбекского автора.

Это один из этапов пути поэта за пределы родного языка в мир иных языков и культур, несущий читателям представление о внутреннем мире узбекского человека, словесной и духовной культуре народа.

Моим песням дано было души смягчать...

Абдулхамид ЧУЛПАН

Думы

Ту искру любви, что в душе пребывала,
Я в дум тайниках от себя затаил,
Но мошь этой искры мне душу сжигала,
Я раной жестокой ее ошутил.

И зов «Схвати счастье!» я слышал всечасно,
Как голос шайтана, он в уши шептал,
Поэтому той, что сулила мне счастье,
Я всяческих выдумок нарасказал.

Она же, играя волною волос,
Сказала: «Твои небылицы – вздор!»
А я отвечал, что кровавой рекою
Несет меня в бездну судьбы приговор.

«Спеши, уносись! – вторил мифов властитель, –
Что темные бездны, что кровь мутных вод?
Там ждет тебя трон и блаженства обитель,
Душа твоя в черном свой блеск обретет».

Эй, прочь, сатана, я лишь бредил, изыди! –
Разломан мой меч, и раздроблен мой щит,
Ты видишь, каков я в поверженном виде:
От бед и напастей мне сердце шемит.

Последний мой час и мой вздох... О краса,
Приди и взгляни – пусть падут небеса!

Абдулхамид ЧУЛПАН (1897-1938). Поэт, писатель, переводчик. Родился в Андижане. Работал в Туркестанско-российском телеграфном агентстве (ТуркРосТА), литературным консультантом драматической студии Дома просвещения (Москва). В 1937 году был репрессирован и расстрелян. В 1956 году поэта реабилитировали.

Борьба

Толпы ревушей, толпы бурлящей раздался зов:
То голос храбрых, что жаждут жизни, своей судьбы.
Идет восстание, оно способно свергать, крушить,
И то начало великой схватки, большой борьбы.

Кто суетится, не зная цели, – глупец и враг,
Он бесполезен в своих метаньях то здесь, то там.
Что не сдержалось в груди широкой, кипит, бурлит,
За край стремится – то стало верой всем беднякам.

Борьба сурова и беспощадна, ей жизнь судить,
Жить иль не жить нам, но примиренья не может быть!

Мой саз

Я из края вражды удалиться сумел
И в стране доброты обрести свой предел.
Не огонь меня влек – на цветок я смотрел,
И душой моей чудный восторг овладел,
Когда стали любовь соловьи прославлять!

И из слез моих стали цветы прорасти,
Мои мысли созвучные строки рождать,
Моим песням дано было души смягчать.
И от счастья – в садах у любви пребывать –
Сбросив хлам прежних лет, мог я рай ошущать.

К языкам, что саднили, вдруг кровь прилила,
Пустота старых гнезд снова жизнь обрела,
Расцветают сады, где колючка росла.
К обретению истин дорога вела,
К дням, где рубище дервиша мне примерять.

Любовь каландара¹

У любви дворец необъятен, в нем дорогу я потерял,
И застыв на пути опасном, я как будто бы камнем стал.
Мне открылись моря кокетства и обилие капризных волн,
Но того, что здесь ждет погибель, в своей дерзости я не знал.

Станный мир, этот мир любовный, странен он, о мои друзья,
Для него я задаром отдал блага высшего бытия.
В цветнике того мира душу обольстила мне песнь соловья,
И в обилии слез потоков захлебнулся страданием я.

Каландаром бродя по свету, не встречая любви своей,
К старой хижине я вернулся, полный горести и скорбей.
Я был утра звездой – Чулпаном², в небесах любви, о друзья,
И звездою к земле скатился в ослепление от солнца лучей.

¹ Каландар – бродячий монах, дервиш.

² Чулпан – яркая утренняя звезда, Венера.

Вода

Вода,
Когда распаленную землю польет,
Когда в ее ждущие недра войдет,
А почва сухими губами прильнет
И вдоволь глотнет –
Молчит тогда...

Когда
Она, с дальних гор низвергаясь, течет,
И шумное буйство ее увлечет,
И мчится, мечась меж камнями, вперед,
Кричит и поет,
Скороговоркой бурлит –
Покоя вода не дает!

И рев ее,
буйство
и яростный рык,
И радости трубный
восторженный клик –
Пустого величья плоды...

Но тихо,
Безмолвно
Свой путь проложить
И, в почву впитавшись, ее напоить,
Иссохшей земле облегченье дарить –
Вот истинный подвиг воды!

Приблизься!

О приблизься, жизнь, сделай шаг ко мне,
Я свои объятья раскрой.
Если ты – бесконечная истина,
То я душу к ней устремил.

Я силен, бунт во мне живет,
Я волна, та, что бури ждет,
И в себе ощутив кипение,
Я разрушу все заграждения.

Моя буря ветров сильней,
Гор преграды падут пред ней,
Суждено жить в бессмертье ей!

Прекрасная

Свой взгляд в темноте к небесам устремив,
У чудной звезды я спросил про тебя.
Она, от смущенья глаза опустив,
Сказала: «Во сне ее видела я.
Была в этом сне так прекрасна она,
Прекрасней, чем звезды, светлей, чем луна!..»

Взглянул я туда, где луна восстает,
И тот же вопрос обратил уже к ней.
Ответ был: «Во сне я встречала ее,
Румяную, в белом потоке лучей.
Она в бликах света так виделась ясно –
Затмила меня, и, как солнце, прекрасна!»

И утренний ветер о ней я спросил,
Что волосы, мимо летя, распускал:
«Я видел лишь раз и, сбиваясь с пути,
Ищу ее вновь среди каменных скал.
Я видел ее – так прекрасна она,
Прекраснее солнца, светлей, чем луна!..»

И ветер исчез, время солнцу взойти,
Сияя, и я обратился к нему.
Оно от смущенья хотело уйти:
«Я видело, но не во сне – наяву!
Ее красота покорила меня –
Прекрасней луны и прекрасней, чем я!..»

Несчастный, как вышло, что я полюбил?
Я ради нее свое сердце спалил,
Все мысли, все силы я ей посвятил.
Да, я полюбил, но кого полюбил?
Ведь равной любимой моей не найдется –
Прекрасней луны и прекрасней, чем солнце!

Перевод с узбекского Николая Ильина.

Николай ИЛЬИН. Поэт, литературовед, переводчик, член СП Узбекистана. Окончил ТашГУ (ныне НУУЗ). Кандидат педагогических наук, автор множества научных публикаций, поэтических сборников: «Первая тетрадь», «По клавишам души», «На кочевьях времен», «Обетованная память», «По стопам листопада», «Если окно открыто...»

Вероника Шуппе

На перекрестке стихов и песен

Казнь

* * *

Священник молвил: «Разрешаю».
И воле Бога вопреки,
Свой приговор не признавая,
Душа сотысячной толпы
В петле забилась!
Гром не грянул...
Ватага птиц наперебой
Запела утреню, и камень
Сверкнул лучом на мостовой.
Двуколку мимо кучер гнал,
Всем существом вцепившись в вожжи;
И нищий паперть покидал,
Как будто храм навеки брошен.

Казненных хрупкие тела
Оборвыш, угольком разжившись,
Нарисовал живыми над
Толпой на эшафоте жизни.

Привет тебе! А знаешь, кто я?
Такой же, в общем-то, как и ты...
Я строю лестницы по законам
Когда-то выдуманной страны.
Я архитектор! И это первый
После блаженного человек!
В моем веденье земля и небо,
Душа и тело, туман и век.

Ручаясь Богу за мирозданье,
Клянусь, не рухнет! Все потому,
Что нет у нас никакого здания,
Есть только лестницы.
Признаю,
Венец творений, я мог построить
Эдем и тартар, но, согласись,
Предел для нас ничего не стоит,
А так... ходи себе вверх да вниз.

Вероника ШУППЕ. Родилась в 1999 г. в Ташкенте. Студентка факультета иностранных языков (русский язык и литература) ТГПУ им. Низами. Публиковалась в журнале «Звезда Востока», сборниках «Молодая филология Узбекистана», «Инновации мировой филологии в молодежной науке XXI века».

Берегись!

На дороге рассыпаны звезды.
 На асфальте, в арыке, в чужом огороде,
 За дырявым забором, под голыми ветками
 Звезды смеются!
 Как будто и не было
 Прожитых лет без вина и без сахара,
 Серой дороги с чужими заборами,
 Не было даже меня...
 По ту сторону
 Все только дым да туман.
 Холодно!
 Жмутся дома, словно голуби;
 Ветер срывает последний орех,
 Верно, от голода!
 Звезды сияют повсюду бетховеном –
 Я – человек!

* * *

Есть клятвы, которые я не скажу,
 Седые, как та, что вчера отпевали.
 Ограду не ставили...
 Знаешь, едва ли
 Я жизнь свою мимо могил пронесу.

Есть лица, глазами такие большие,
 Как море и небо у нашей земли.
 Неправда ли,
 счастье великое ими
 Прокладывать двери в другие миры?

Есть мудрость, которую мне не понять,
 Но мудрости, что не почувствуешь, нету.
 Я знаю, есть люди, которым прощать
 Несущих ладонями новую веру.

Привет тебе! А знаешь, кто я?

Спасти, как Ной от толши вод,
Из груди «но»
На вечном парусе.
Кто им не разживался?
Вслепую мерить пальцами,
Где дно
И сколько сил у ветра
До несчастья?
Накрыть волной ошибки
И опять
Взлететь над белой пеной альбатросом...
Ты не устал все время начинать
Кривым вопросом?

* * *

Уедем,
Волей случая хранимы,
На закат.
Укроет ночь
Обратный путь, и память
Обрывками на звездах в сто карат
Оставит то,
Чего нельзя исправить.
Поедем непременно к берегам,
Глазами в пасть Седого океана –
Клянусь свои безумия, Адам,
Прощать.
И смерть твою признать ему за право.

* * *

Простить тебя – что окунуться в воду!
Казнить на плахе гордость,
И уму
Устроить суд!
Приговорить к острогу
За клевету!

Простить тебя – невольный взмах ресниц,
Вдох неизбежный для всего живого,
Слетевшее внезапно слово
На гладь страниц!

Простить тебя – ребенок на руках,
Не знающий ни синяков, ни ссадин,
В лицо опасности смеется так,
Как будто мир все козыри истратил.

Растолкуй

Мне сегодня снился черный кот,
Заживо забытый кем-то слабым,
Или мной на дне забот,
Или я...
Хотя, скорей, усталость.

Я поила черного кота,
Словно гостя, из хозяйской чашки,
Но проточная вода
Не смывала с нас несчастья.

Он, голодный, ничего не ел.
Ни обиды не было, ни злости...
А была ли маленькая тень,
Или кот вошел ко мне не гостем?

Виктор Гюго

Ваш сценарий прекрасен, право!
Ничего невозможного нет.
Там, где жизнь зарастает бурьяном,
Вы находите солнечный свет.
И безмолвная вера в чудо,
Всепрощение и торжество
Простирают из ада руки
Сквозь мученье во славу Его!

Глупый может сказать: «То книга.
А писатель, увы, не Господь».
Жаль, не знают они, как тихо
Бог с небес обретает плоть.

* * *

Я люблю окна
за вид и ветер; лестницы –
за шаги.

На перекрестке стихов и песен
К прошлому не ходи.
Завтра нас ждет первозданный голос,
слитый из тысяч душ,
завтра проклятие Вавилона
рассеется с мраком туч!

Шепот эпох не смолкает.
Нынче
Мысли пропитаны им и стены.
Все не напрасно,
и время вылечит
разноголосицу всех напевов.

Я ЗНАЮ, САДУ ЦВЕСТЬ...

Рассказ

Джасур ИСХАКОВ

Он смыл с лица остатки мыльной пены, взглянул на себя, приблизившись к зеркалу. Тимур Степанович Тихов давно не разглядывал своё лицо так близко и внимательно, как сейчас. Что там искать, в этом беспощадном отражении? Новые морщины? Темные круги под глазами?

Шёлкнул зажигалкой, прикурил потухшую сигарету и закашлялся. В ванную вошла дочь Фарида, женщина лет пятидесяти. Она отняла у отца сигарету и выбросила в унитаз.

– Пополошите горло, – строго сказала она и протянула кружку с желтой жидкостью. – А то начнете на записи кашлять!

– Барсик не появился? – спросил Тихов.

– Нет, – вздохнула она горестно. – Наверное, околел где-нибудь...

Бывший диктор республиканского радио Тимур Степанович Тихов уже много лет назад вышел на пенсию, и, когда его приглашали, например, поработать в зимние каникулы «Дедом Морозом» или прочитав закадровый текст в каком-нибудь документальном фильме, он с удовольствием соглашался. Раза два озвучивал рекламу каких-то медикаментов. Но на третий раз заявил, что рекламируемое лекарство – полная туфта и обман. Жуликоватый хозяин «потрясающего препарата» побагровел и показал ему на дверь. После того случая Тимур Степанович больше не озвучивал подозрительные рекламные ролики. Дочь радовалась, если отцу подворачивалась какая-нибудь халтурка. И вовсе не из-за денег. Она видела, что отец сразу будто моложе становится. И хоть на время пропадала эта поселившаяся в глазах нескончаемая тоска... Тихов скучал по любимой работе, тосковал по ушедшей жене Зарифе, которую он, как и все домочадцы, называл Зоей.

Уже два года Тимур Степанович жил в старом одноэтажном доме на Мирабадской, недалеко от железной дороги и снесенной барахолки – знаменитой Тезиковки. Построенный ещё в 1929 году для железнодорожных инженеров, дом с толстыми стенами из сырцового кирпича сильно обветшал.

Джасур ИСХАКОВ. Сценарист, театральный драматург, кинорежиссер. Родился в 1947 г. в Ташкенте. Член Союза кинематографистов, лауреат Государственной премии Узбекистана и нескольких литературных премий международных конкурсов, лауреат премии СК Узбекистана «Золотой грифон».

Продавать его или ремонтировать не было смысла, все знали, что вот-вот дома в этом районе будут сносить. Правда, это «вот-вот» тянулось уже лет двадцать.

Квартиру на Ц-5, практически в центре города, в которой Тихов прожил почти четверть века с покойной женой, по общему согласию сдавали за сто пятьдесят долларов в месяц, что было хорошей прибавкой к его скромной пенсии. После годовщины Зои, прямо после поминал, дочь настояла на том, чтобы Тимур Степанович переехал к ней. «Пап, места всем хватит, не жить же вам на старости лет одному! Дети разъехались, Шамиль вечно в отъезде... Прошу, переезжайте ко мне». Хозяин дома, муж Фариды, сварщик шестого разряда Шамиль Файзуллин, уже много лет работал в Краснодаре и наезжал в Ташкент раз в полгода. Обижался, когда кто-нибудь называл его гастарбайтером, потому что там, где он работал, Шамиль считался асом электросварки. На деньги, заработанные вдали от дома, семья справила две свадьбы, помогла детям встать на ноги. Двое сыновей Фариды и Шамиля, близнецы Хасан и Хусан Файзуллины, жили отдельно, своими семьями. У старшего, Хасана, жена была яркая армянка Нунэ, а у младшего, Хусана, – тихая, улыбчивая корейка София. Каждое воскресенье, по давно заведенному обычаю, в дом на Мирабадской съезжались близкие со своими детьми. И старый дом наполнялся детскими голосами, плачем и смехом. Внуки и правнуки разных возрастов – черненькие и рыженькие, с узкими глазами и с огромными, черными, как спелая слива, непохожие друг на друга, неуёмные, шумные и драчливые – любили бабушкин дом, где можно было носиться по двору, обливаться из шланга, лазать на пыльный чердак, качаться на скрипучих качелях, сваренных Шамилем, возиться с котом Барсиком. А те, что постарше, уткнувшись в свои гаджеты, торчали в Интернете, играли в «стрелялки», переписывались эсэмэсками или, не отрываясь, смотрели очередной американский триллер.

– Эй, дети разных народов, вы когда-нибудь оторвётесь от своих чёртовых телефонов? – всегда раздражался Тимур Степанович. – Лучше бы книжку какую-нибудь почитали...

В ответ продвинутые потомки только хмыкали, недоуменно улыбались и снова растворялись в своих виртуальных страстях.

В дом было шесть небольших прохладных летом и теплых зимой комнат.

В одной Фариды поселила отца. Тимур Степанович переехал к ней с двумя чемоданами, стопкой книг, бархатным альбомом с пожелтевшими фотографиями и старым котом Барсиком. Он пытался помогать дочери по хозяйству (любой дом требует постоянной заботы): это прибить, то подкрасить, сходить в махаллю, ещё что-нибудь... Но Фариды жалела его.

– Папа, отдыхайте, я сама... – говорила она.

Поэтому большую часть времени Тихов проводил в своей комнатке: сидел в кресле или лежал на диване и смотрел телевизор, подаренный ему зятем ко дню рождения. В ногах обычно лежал Барсик. Это было любимое существо Тимура Степановича в этом большом и, по сути, чужом доме. Барсик связывал его с прошлой жизнью, с уютной квартирой на Ц-5. Много лет назад Зоя подобрала брошенного кем-то на улице, трясущегося от холода

котёнка. Принесла домой, вымыла с шампунем, отогрела в махровом полотенце, налила в блюдце молока.

– Ну, и как мы назовем это чудо? – поглаживая серую в белых пятнах шерстку котёнка, спросила Зоя.

– Барсиком, – не колеблясь сказал тогда Тихов.

– Почему именно Барсиком? – удивилась Зоя.

– Есть причина, – загадочно улыбнулся тогда Тимур Степанович. – Не нравится?

– Барсик так Барсик, – пожала плечами жена.

Теплое прикосновение к животу, уютное урчание Барсика успокаивало Тимура Степановича, с ним он забывал о мелких неприятностях, житейских проблемах и дразгах. Даже давление у него выравнивалось в эти минуты.

Пропажу кота Тихов переживал болезненно остро.

Несколько дней он ходил по окрестным переулкам, заглядывал в чужие дворы, звал Барсика, спрашивал мальчишек, но всё было тщетно. Кот пропал.

– Дети будут плакать, особенно Лейла, – сказала Фарида, готовя завтрак.

– Поплачут и забудут... – негромко произнес Тимур Степанович.

После завтрака Тимур Степанович надел свой «выходной» костюм, подтянул строгий галстук, поцеловал дочку и поехал на студию звукозаписи.

* * *

Расположившись в тесной дикторской комнатухе, Тихов включил настольную лампу и стал внимательно просматривать дикторский текст. Тимура Степановича приглашали не только из-за его мягкого баритона. Он на ходу редактировал часто неграмотные тексты, точно расставлял знаки препинания, ставил правильные ударения в самых спорных словах. Редакторы и режиссеры доверяли Тихову и соглашались, когда он вымарывал неудачные места в тексте. А кроме этого, он никогда не спорил из-за гонорара. Брал сколько дадут и молча совал деньги в карман. В былые, доперестроечные, времена работы у Тимура Степановича по понятным причинам было гораздо больше. Кроме основной работы на радио, он озвучивал документальные фильмы. Но и сейчас о нем частенько вспоминали.

– Ну что, Степаныч, «в черную» пишем? – весело спросил его звуко-режиссер, сидящий за толстым стеклом аппаратной, Аркадий Зиновьевич, человек с седыми кудрями.

– Аркаша... Если есть время и тебе не лень, покажи кино, – попросил Тихов.

«В черную» означало, что дикторский текст будет записываться без изображения, а потом монтажер вставит реплики в нужных местах ленты. Но Тимур Степанович был обстоятельным и совестливым человеком, он считал, что должен знать, о чем кино или даже семейный ролик, которые нужно озвучить. Многих эта педантичность раздражала: «Что время зря терять?» Но мягкая настойчивость Тихова брала свое.

– Смотрим шедевр, – засмеялся Аркадий, – специально для вьедливого старичка!

Тихов, не обращая внимания на подкол старого друга, надел облезлые наушники.

На экране монитора появилась надпись «Международная научно-практическая конференция “Экология. Проблемы вторичного засоления почв”».

Зазвучала плохо начитанная «рыба» дикторского текста. Читал сам автор текста, он же режиссер ролика, самоуверенный, немного развязный парень в бейсболке – Кахрамон, он же Кеша.

На экране один за другим менялись цветные кадры дикой, заросшей полынью и кустарниками степи, перекошенные бетонные лотки брошенных водоводов, останки домов с сорванными крышами, без окон, с пустыми дверными проемами.

Тихов внимательно смотрел на экран.

«Возникновению вторичного засоления способствует и неправильно применяемая агротехника. В частности, плохо спланированное поле при близком залегании соленых грунтовых вод является одной из причин возникновения солончаковых пятен...», – читал Кеша.

Огромное пятно соли белым мертвым саваном покрывало когда-то зеленую степь.

Высокий голос продолжал:

«Хищническое использование плодородных земель и воды приводит к возникновению вторичного засоления почвы. К примеру, в Голодной и Муганской степях вследствие неправильного орошения и прогрессирующего засоления появились огромные площади засоленных почв».

– Аркаша, останови, пожалуйста, – сказал вдруг Тихов.

– Что там ещё, Аркадий Зиновьевич? – раздраженно спросил Кеша. – Почему стоим?

Тихов вышел в аппаратную.

– Мне кажется, текст слишком сухой и холодный... – сказал он виновато.

– Тимур Степанович, у нас времени в обрез! Что вы предлагаете? – режиссер нервно закурил.

– Мне кажется, можно начать вот так... – негромко произнес Тимур: – «Земля... Это наша мать. И к ней надо относиться с любовью и уважением»... Ну а дальше по тексту.

Режиссер переглянулся с Аркадием Зиновьевичем.

– А что, мне нравится... – оценил звукорежиссер. – Как-то человеческое... Даже мурашки по коже.

– Хорошо, – согласился режиссер, – так и запишем...

Просмотр продолжился.

На экране, сменяя друг друга, появились черно-белые кадры старой кинохроники: степь, снятая из иллюминатора кукурузника; смотрят в окуляры теодолитов геодезисты; по степной целине, поднимая пыль до горизонта, идут рядами скреперы; экскаватор выкапывает широкую траншею – отвод канала...

Продолжал звучать равнодушный голос режиссера: «Наряду с инженерными оросительно-дренажными коммуникациями в те годы строились дороги, новые совхозы, поселки...»

На экране – ряд новых домов, кто-то сажает тонкие саженцы тополей. К одному из домов подъезжает запыленная полуторка. Целинники разгружают нехитрый скарб: раскладушки, матрасы, табуретки, узлы и чемоданы. Совершенно пустая комната с дешевыми обоями. Блестит покрашенный охрой пол. Дверь открывается, в комнату входят несколько человек...

Нижняя точка съемки: Мальчик опускает на пол котенка. Тот идет по пустой комнате, подходит к объективу камеры, увеличивается на весь экран.

– Барсик... – приподнялся в кресле Тихов.

– Ты что-то сказал? – обернулся Аркаша.

– Это Барсик... – повторил Тихов. – Кеша, остановите...

– Тимур-ака, так мы никогда не запишем текст! – раздражается режиссер.

– Прошу тебя... Останови! – Тимур, не отрываясь, завороченно смотрел на экран монитора. – Откуда эти кадры?

– Откуда... Оттуда! Из архива. Обычная хроника! – зло произносит Кеша.

– Прошу тебя, сынок... Тихов обнимает парня за плечи. – Найди... Это очень важно.

Кеша удивленно переглядывается с Аркадием... Курсор останавливается на файле «Док. фильм». Кеша активирует файл. На экране монитора появляется черно-белая цветущая ветка урюка. Звучит радостная музыка. На фоне кипельных цветов возникает титр «Я знаю, саду цвеств!» Музыка резко меняется, становится тревожной. Следом идут кадры, уже использованные в ролике Кеши: биплан «ПО-2» летит над бескрайней степью; катится куст перекасти-поля; к иллюминатору самолета прильнул кинооператор с трехглазым киноаппаратом «Конвас».

Звонкий голос московского диктора: «Тысячелетия эти бескрайние пространства были мертвы... Не зря в народе эту степь называли "Голодной"...

Рядами идут скреперы. Синие выхлопы тракторных двигателей, пыль закрывает солнце... Возникает другая музыкальная тема – помпезная, нарочито торжественная.

Диктор: «Но очень скоро люди забудут это страшное название – "Голодная"... Благодаря героизму советских людей степь преобразается. Люди провели сюда воду...»

Ковш экскаватора вгрызается в землю, ломая перегородку. По руслу канала течет мутная пенная вода. Продолжает звучать голос: «И скоро зазеленеют поля, зацветут сады... И, словно горы, поднимутся хирманы хлопка, нашего богатства, нашего белого золота!»

– Прокрути до места, где полуторка, – просит Тихов режиссера.

На экране быстро-быстро мелькают кадры старого фильма.

С грузовика сгружают вещи. Несут к крыльцу дома.

Голос: «Наряду с инженерными оросительно-дренажными

коммуникациями строятся дороги, новые совхозы, поселки... – Крупным планом человек с раскладушкой в руках. – Знакомьтесь, это передовик производства, тракторист-стахановец, Степан Порфирьевич Тихов... В годы войны товарищ Тихов был танкистом и дошел до Праги».

– Отец, – хрипло произнес Тимур.

Аркадий удивленно оглянулся на друга.

Губы Тимура Степановича дрожали, глаза повлажнели.

Голос диктора: «Руководство совхоза выделило интернациональной семье товарища Тихова этот просторный дом».

Из фанерной кабины полуторки выпрыгивает мальчик лет десяти. В руках у него котенок. Следом осторожно спускается женщина с младенцем в руках. Мальчик протягивает руку, подстраховывая мать...

– Мама... – прошептал Тимур.

Голос диктора: «А это жена Степана Порфирьевича – Гульрано Исмаилова. Недавно она родила второго ребенка».

Семья поднимается на крыльцо. Повтор использованного в ролике кадра: в пустую комнату входит семья Тиховых. Мальчик опускает на пол котенка.

Голос диктора: «По обычаю, в новый дом впускают кошку. Этот ритуал поручили Тимуру, ученику третьего класса. Пожелаем семье товарища Тихова счастья в этом доме!»

Маленький Тимур стоит на табуретке и громко, с пафосом читает стихи:

Я знаю, город будет!
Я знаю, саду цвисть!
Когда такие люди
В стране Советской есть!

Кеша с изумлением смотрит на Тимура Степановича.

– Ну надо же... Тимур-ака, сколько лет прошло?

– Много, сынок, очень много, – по щеке Тихова скатывается слеза.

– Степаныч, возьми себя в руки... – Аркадий обнимает его за плечи.

А у самого глаза блестят от слёз.

– Кахрамон, перепиши мне этот фильм, ладно?

– О чем речь, Тимур-ака! Прямо сейчас и катанём!

Семейное застолье подходило к концу. Девочки помогали Фариде убирать со стола тарелки и пустые бутылки. Младшие разбрелись по дому. Лейла, пятилетняя дочка Нунэ, погладила фотографию в рамке, где она недавно сфотографировалась с Барсиком. Всхлипнула, поцеловала снимок.

– Ну а сейчас – чай. Я тут пирог испекла... – суежилась Фарида. Она с любовью оглянулась на слегка захмелевшего мужа: – Какой вы любите, Шамиль-ака, с курагой.

– Тимур Степанович, где же обещанный сюрприз? – зевая, спросил зять.

Тихов вытащил из внутреннего кармана диск с фильмом.

– Поставь, – попросил он Хасана.

– Эй, малышня! Ну-ка затихли! Садитесь, будем смотреть кино! – строго произнесла Фарида.

На экране появилось изображение, зазвучала радостная музыка, появился титр «Я знаю, саду цвeсть!»

Старый, черно-белый фильм почти ни у кого не вызвал интереса. Только Фарида всплеснула руками:

– Ой, да это же дедушка! И бабуля! Пап, а кто это у неё на руках?

– Моя младшая сестренка, Марьям, Маша... В шестьдесят втором она умерла от скарлатины... Ей было пять лет... Странно, Лейла очень похожа на неё. Такая же красивая.

Послышался храп. Тихов оглянулся: Шамиль, свесив голову набок, спал.

Фарида заметила это.

– Извини, пап, он очень устал... – смущенно сказала она. – А фильм очень интересный... И вы там такой... В тибетейке...

Дети занимались своими делами: кто-то ссорился, кто-то играл, подростки, как обычно, не отрывались от своих смартфонов и планшетов.

На экране появился кадр, снятый с нижней точки: котёнок идет по пустой ещё комнате, подходит к камере.

– Это Барсик. В честь него я и назвал нашего... – Тихов не успел договорить фразу.

– Смотрите, Барсик! Барсик вернулся! – закричала пятилетняя Лейла, прыгая от счастья.

В проеме форточки сидел старый кот Барсик. Крутил хвостом, словно приветствуя гостей.

– Барсик... – Тимур Степанович покачал головой, не веря своим глазам.

Кот спрыгнул в комнату, немедленно залез Тихову на колени, свернулся калачиком, закрыл глаза и уютно заурчал.

Дети столпились вокруг Тихова.

– Барсик... Барсик, любимый... – гладила Лейла кота.

От шума проснулся Шамиль, в недоумении оглядываясь по сторонам.

– Тимур-ака, а не добавить ли нам по грамулечке?

– Давай, зятек, наливай. С возвращением... – улыбнулся Тихов.

Старый кот проснулся и, повертевшись на коленях хозяина, снова блаженно заурчал. Кончик его хвоста едва заметно подрагивал.

Надежда будит в сердце мечту

Шахло АБЗАЛОВА

* * *

Живу и вновь надеждой согреваюсь,
В осенних листьях заблудившись с ветерком.
Не бегая, не злюсь, не маюсь –
Пыль солнечную собираю за окном...
Настрой сей сохранить мечтаю
И в помощь сочиняю Это,
Ведь жизнь идет, и эндорфины тают,
А улыбаться хочется до лета...

* * *

Временами любовь,
А сегодня надежда
Обнимает, как луч
На рассвете, и нежно
Шепчет радость на день,
Дарит мысли на вечер,
Будит в сердце мечту,
Замечает и лечит...

* * *

Числа, знаки, свет снаружи,
Мысли, лица, ты простужен,
Лето скоро – душ надежда,
Новый взгляд – не так, как прежде,
Будет радость как награда
Ожиданью,
Лет отрада...
Будет свет – теперь уж скоро.
Разговоры, разговоры...
Вот любовь, а вот надежда –
Выбирай меня, как прежде.
Тут есть «нет», и «да» здесь рядом,
Согласись, себя обрадуй!
Положись на свет в устье,
Краски дня, друзей веселье,
Облачись в дожди и грады,
Радуй, будь и снова радуй!!!

Шахло АБЗАЛОВА. Родилась в Ташкенте в 1975-м году. Окончила лицей при Политехническом институте. С 1998 года участвовала в нескольких поэтических программах («Зазеркалье», «Музыкальная капель»). Стихи пишет с 2011 года.

* * *

Километры дорог, состояний и судеб
Задают этот темп, обещают, что будет.
Сколько мыслей ещё до скончания лета,
И осенняя масса запасов-приветов –
От меня и к тебе,
От тебя – в никуда:
В миллионы сердец, чуть отмеченных чудом,
А потом замеревших в надежде открыться:
В новом ворохе чувств, состояний забыться...

* * *

Наберу травы и сложу в букет,
Разложу цветы в розовый рассвет,
Позову синиц, журавлей к себе,
Заклучат они перемирие,
Будут радовать заодно со мной
И желать тебе добра, дорогóй,
Приведут ко мне, да в объятия,
Отодвинут вдаль все ненастия,
Будут песню петь, да венчальную,
И кольцо дарить обручальное...

* * *

Ушли и муза, и сомнение,
Порыв души и вдохновение,
сбылись мечты в чужом порядке:
Где гладко, а где пни, негладко...
И нет нужды уж в Божьей искре,
В уменье складывать слова и мысли,
Идеи заменила на варенье,
Порядком чувств сменилось вдохновенье.

Жизнь такая, понимаешь, штука...
Лучше ты живи, не понимай...
Завтра дождь, сегодня вот разлука –
К лучшему,
Не майся, ведь не май.
Будет еще снег, за ним и встреча –
Новая,
Поверь, ну а к весне
Ты вдруг обнаружишь:
Шаг за шагом радость возвращается к тебе.

УМЕРЕТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Рассказ

Александр ИКРАМОВ

– Алло! Зоя Петровна, здравствуйте! Простите, кого вы нам прислали? Я не поняла, это что, шутка?

– Здравствуйте, Ирина Васильевна. Нет, это не шутка. За два месяца я присылала вам шестерых своих работников. Я, конечно, понимаю, ваша мама в почтенном возрасте, старческие явления и все такое... но пятерых она уже уволила и отослала обратно. Дескать, они ей не понравились. Шестая, уж простите, не выдержав издевательств, сбежала сама. И это при том, что у меня высоко дисциплинированный, обученный и психологически весьма устойчивый персонал. Но с вашей мамой просто невозможно работать! И это не возраст. Это характер. Никто не хочет с ней работать. Я уже не знала, что делать, но тут вам очень повезло: внезапно освободился один из работников. Он собирался уехать домой на отдых, и мне стоило немалых усилий уговорить его поработать у вас. Он согласился меня выручить. Поверьте, это один из лучших моих работников. И счастье, что он освободился именно сейчас. И вот ещё что, Ирина Васильевна. Я очень уважаю вашу маму, но если вы откажетесь и от него, то у меня больше нет для вас вариантов. Вам придется обратиться в другое агентство.

* * *

– Как вас зовут?

– Зовите меня Саша. Так вам будет удобнее.

– Фамилия у вас какая-то восточная.

– А я восточный человек.

– Вы абсолютно не похожи на восточного человека. У вас обычное европейское лицо.

– Мы азиаты европеоидной расы.

– А какие ещё бывают?

– Монголоидной расы. С узкими глазами.

– Ясно. Простите, а сколько вам лет?

– Я старше вас всего года на три.

– А вы знаете, сколько мне лет?

– Догадываюсь.

– Ваше рекомендательное письмо написано в весьма восторженных выражениях. Самые высокие отзывы.

– Спасибо.

Александр ИКРАМОВ (Рустам РАХИМОВ). Родился в 1960 г. в Ташкенте. Окончил ТашМИ, преподавал в Академии МВД РУз, подполковник. Публиковался в журнале «Звезда Востока».

- Вы знаете, в чем будет заключаться ваша работа?
- Уход за лежащим больным.
- Когда вы сможете приступить к своим обязанностям?
- Немедленно.
- Хорошо. И ещё... Зоя Петровна сказала, что у вас был до этого клиент, что с ним случилось?
- Он умер...

* * *

- Мама – это твой новый ухаживающий.
- Что!? Это существо – моя новая сиделка!? Ирина, ты с ума сошла? Не нашлось никого моложе?
- Мама, других не будет. Это один из лучших специалистов...
- Слышишь, ты, существо, убирайся отсюда!.. Мне он не нужен!
- Мама!
- Вон, я сказала! Жаль, что я не могу сама встать и метлой погнать его отсюда!
- Мама, прекрати!
- Позови мне больничную санитарку...
- Мама, прекрати истерику!
- Ирина Васильевна, идите, мы сами договоримся...
- Ирина, не смей уходить! А ты молчи, существо!
- Идите, идите Ирина Васильевна. Все будет хорошо.
- Извини, мама. До завтра.
- Завтра можешь не приходить! И на мои похороны не вздумай прийти!

* * *

- Доброе утро! Доброе утро, мама. Как ты спала? Не хочешь со мной поговорить? Все ещё дуешься? Ну ладно, давай помолчим. Давно она молчит?
- Пять минут назад посылала меня к черту.
- Понятно. Мама, будешь со мной говорить? Нет? Тогда я ухожу на работу!
- Существо, как вас зовут?
- Зовите меня Саша.
- Саша, выйдите. Мне надо поговорить с дочерью.
- Конечно, Виктория Викторовна...
- Ирина, какая ты все-таки дрянь! Оставлять меня в таком положении!
- Что случилось, мама?
- Ты привела сюда мужчину. Мужчину!
- В чем дело, мама?
- А дело в том, что на мне нет нижнего белья...

* * *

- Саша, дайте воды.
- Пожалуйста, Виктория Викторовна...
- Холодная! Вы что, хотите, чтобы я заболела? Добавьте из термоса!
- Конечно, Виктория Викторовна... Пожалуйста.
- А теперь слишком горячая. Вы что, не можете сделать просто теплую воду? Добавьте из холодильника.
- Пожалуйста, Виктория Викторовна...
- Опять холодная...
- Добавить из термоса?
- Ладно, не надо. Давайте сюда... Спасибо.

* * *

– Ирина Васильевна, мне надо поговорить с вами.

– Слушаю вас, Саша.

– Я посмотрел историю болезни вашей мамы. Вы ведь знаете, какой у неё диагноз? Рак четвертой стадии. Это неизлечимо. Ей осталось от силы месяца. Есть ли смысл держать её тут – в клинике? Пусть даже в самой лучшей. Может, лучше домой? Там все-таки легче...

– Хорошо. Я посоветуюсь с доктором...

* * *

– ...Дмитрий Николаевич, что вы скажете?

– Ну, особого смысла держать её в клинике нет. Уход вы ей обеспечиваете, уколы делать будут, их немного. Я буду вас навешать два раза в неделю и по необходимости. А психологически дома ей, конечно, будет легче...

– Значит, можно забрать её домой?

– Думаю, да.

* * *

– Ну вот, мама, ты и дома. Все-таки здесь намного лучше, чем в клинике. Тихо, спокойно. Воздух. Наш парк. Озеро. Саша в соседней комнате, в любой момент ты можешь позвать его – вот радионяня. Оля готовит обед. То, что ты любишь. Татьяна Николаевна тоже здесь. Позови её – и она приберется. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально...

– На меня не обижаешься?

– Нет. Ты права – дома лучше.

* * *

– Я задыхаюсь! Воздуха, дайте воздуха! Откройте окна!

– Мама, успокойся! Саша, вызывайте скорую, а я позвоню Дмитрию Николаевичу...

– Не надо, Ирина Васильевна. Ни скорой, ни доктору звонить не нужно. У Виктории Викторовны все нормально. Дыхание свободное, ничем не затрудненное. Это просто паническая атака. Ей кажется, что она задыхается. Мы сейчас выйдем на воздух.

– Сейчас?! В три часа ночи!!

– А что тут такого? Мы выйдем в сад и погуляем по дорожкам. Там светло – горят фонари.

– Тогда нужно одеться. Платье. Свитер. Прохладно...

– Зачем? На ночную рубашку наденем пальто... Вот так... На ноги носки... Теперь садимся в коляску. Все, поехали...

* * *

– Мама, как ты спала?

– Хорошо. Мы ездили по дорожкам до самого солнышка. Утром воздух чистый и прохладный. Тишина. Июньские ночи такие короткие. Я видела расцвет. Сначала все становится серым, потом ясно видимым и, наконец, – солнцем... Я заснула, когда появилось солнце, и проспала в тени под деревом до заката. Крепко и спокойно. Мне никогда не спалось так хорошо.

– Я рада, мама.

* * *

– Так вы были «примой»? И «Лебединое озеро» танцевали? Вот здорово! Никогда бы не подумал.

– Господи, это было больше сорока лет назад. Саша, вы тогда ещё

ребенком были. Конечно, это был не Большой театр, я, как и всякая танцовщица, мечтала о нем, но... Но и наш театр был не из последних. И танцевали в нем весьма талантливые люди. У нас, как и везде, были интриги, борьба за роли и за место примадонны. И у меня была такая история. Была такая Верка Занорзина. Фамилия-то какая... Не без таланта. Но режиссер предпочел меня на главную роль. А её назначил дублершей. Так она стала распространять слухи, что я переспала с режиссером Игорем Михайловичем, потому-то и получила главную роль. Сколько я ни отнекивалась, многие поверили в эту чушь. Мы тогда здорово разругались. Но танцевать продолжали вместе до самой пенсии. Я ушла раньше, она – через год, побывав в роли примы, но так и не простив мне моего успеха. Я вышла замуж, родилась Ирочка. Муж мой был из управленцев. Жили мы хорошо. Ирочка получила хорошее экономическое образование, поэтому она сейчас так хорошо управляется со своей фирмой. Её очень уважают. Внучку Катерину тоже отправила получать экономическое образование в Англию. Зачем так далеко? У нас образование не хуже. С мужем Ирине не повезло. Этот старый идиот влюбился в свою молоденькую секретаршу. И женился на ней. Господи, до чего банальная история! Она ему уже успела родить двоих. И, говорят, счастливы. Ну, дай им бог здоровья. Ирочке найти бы своё счастье...

* * *

– Спасибо вам, Саша! Вы не спали всю ночь. Идите отдохните.

– Не волнуйтесь, все в порядке. Я тоже поспал. На скамейке.

– На скамейке?

– Да, осталась эта привычка спать на дежурствах в неудобных позах возле больного. Спать с удобствами нельзя. Можно не услышать больного.

– А где вы раньше работали?

– В больнице. Иногда после тяжелой и сложной операции приходилось оставаться дежурить у постели больного, пока не наступал кризис.

– Вы что, врач?

– Да. Хирург.

– А как же... вы – и тут?..

– Это сложная история. Я начинал простым врачом. Многим спас жизнь. Поймите, я говорю это без ложного пафоса. Потом диссертация по онкологии. Защита. Снова работа на кафедре. А потом я вдруг понял, что мы все когда-нибудь умрем. А вот как умрем – это очень важно. И я стал заниматься уходом. Я хотел, чтобы люди умирали счастливыми.

– Это как?

– Ну вот как можно умереть? Можно умереть очень быстро и легко. Инсульт. Или инфаркт. Пять минут и все... О таких говорят: «Легкая смерть. Счастливчик». А можно умирать долго и мучительно. Как Виктория Викторовна. С болями, каждодневным страхом ожидания смерти и одиночеством, которое грызет тебя изнутри. Пустотой, не заполненной вниманием и состраданием. Это страшно – поверьте.

– Но ведь мама...

– Страдает...

– Почему? Я каждый день захожу к ней после работы...

– Не каждый...

– Да, бывают дни, когда я приезжаю очень поздно, нельзя же...

– Можно! Нужно! Прийти и рассказать, как прошел ваш день. Она ждет вас. Переживает за вас. С тех пор как вы расстались с вашим мужем, она хочет, чтобы вы нашли себе спутника жизни. И не остались одинокой.

– Откуда вы все это знаете?

– Мы много говорим. О разном. О вас. О вашей дочери Катерине.

Почему она не приезжает?

– Господи, зачем? Мама умирает, зачем травмировать ребенка? Тем более она в Англии... Это не ближний свет.

– Ребенку двадцать лет. Простит ли она вам, что вы скрыли близкую кончину бабушки? И что последние дни, которые она могла провести с ней...

– Я поняла. Но как это сделать? Как сообщить? И потом... она собиравшись на море с друзьями. На все лето.

– Сообщите как есть. Дайте ей возможность выбора: провести лето на море с друзьями или с умирающей бабушкой. И вы поймете, кого воспитали. И что ждет вас... в будущем...

* * *

– Бабуля, привет! Ну как ты? Я тут сдала экзамены досрочно – и к тебе.

– Катерина, милая моя, зачем ты приехала? Радость моя! Ты же хотела на море...

– Бабуль, мама мне все рассказала.

– Ирина, зачем?

– Бабуль, мама абсолютно права. Я бы себе не простила. И маме не простила бы, что она знала и не сказала мне.

– Милая моя...

* * *

– Виктория Викторовна, к вам посетитель.

– Кто это? Вера?!! Ты?!!

– Здравствуй, Вика!

– Откуда ты здесь?

– Твой Саша привез. Рассказал, что с тобой случилось.

– А что со мной случилось? Всё в порядке...

– Да ладно... Он мне все рассказал. А то бы приехала я...

– Ну и не приезжала бы!

– Господи, да кто к тебе приедет, кроме меня?! Из тех, кто с нами танцевал, уж никого и не осталось. Кто уехал, а кого уж и нет в этом мире. Игоря Михалыча третий год как схоронили.

– Да была я у него на похоронах. И тебя видела, хоть ты и пряталась.

– Я? Пряталась? Да я с тобой встречаться не хотела... Начала бы кричать, что я лживая тварь...

– А что, не так? Кто наклеветал, что я с ним спала?

– А у вас ничего не было?

– Не было, здоровьем внушки клянусь! Да что ж я тебя обманывать буду, когда одной ногой в могиле стою?

– Да верю я тебе, верю! Это я сама тогда со злости придумала...

– Вот ты стерва...

– Сама стерва. А помнишь, как на «Жизель» приперлась больная? Только чтобы я не вышла танцевать вместо тебя...

– Помню. Мне потом это дорого обошлось. Месяц проболела...

– То-то.

– Да... Вот жизнь была... Ты на похороны-то придешь?

– Ещё чего. Что я, дура – твои похороны украшать своим присутствием?

– Что?

– Да шучу я! Приду, конечно. Куда я денусь теперь.

– Ну спасибо...

– Я-то приду на твои. А вот на мои кто придет?..

* * *

- Папа?!
- Здравствуй, Катя. Здравствуйте, Виктория Викторовна!
- Здравствуйте, Антон!
- Как вы себя чувствуете?
- Спасибо. Вашими молитвами... Вас Саша позвал?
- Он мне все рассказал по телефону и попросил приехать. А о вашей болезни я знал. Мне Ирина рассказывала.
- Ирина?! Вы общаетесь?
- Да. Давно уже. И с Катей тоже. А вот с вами наладить отношения мне никак не удавалось.
- Почему? Я такая страшная теща?
- Да нет, ну что вы... Хотя, в какой-то степени я вас побаивался.
- Ха-ха... Приятно, черт побери... А сейчас...
- А сейчас у нас совсем немного времени.
- Для чего?
- Для того чтобы я попросил у вас прощения...

* * *

- «Целую ночь соловей нам насвистывал, Город молчал и молчали дома. Белой акации гро-о-оздья душистые Ночь напролет нас сводили с ума...»
- Катенька, мелодичнее! Сашенька, крепче держите гитару...
- «Сад был умыт весь весенними ливнями. В темных оврагах стояла вода. Бо-о-же, какими мы были наивными, Как же мы молоды были тогда»...
- Как же мы молоды были тогда...

* * *

- Дождь, дождь! Какой ливень! Какой чудесный ливень! Я хочу прогуляться под ним!
- Мама, ты с ума сошла!
- Бабуль, я тоже хочу с тобой!
- Саша, мы пойдем гулять под дождем?
- Ну почему бы и нет, Виктория Викторовна? Давайте пойдем!
- Саша, вы тоже с ума сошли?
- Пока нет, но, видимо, уже скоро. Так, нам дождевики, резиновые сапоги, самый большой зонт... А вам, Виктория Викторовна, вот этот целлофан от упаковки. Вы в него полностью поместитесь. И пусть дождь льёт, нам все нипочем.
- Уууууураааа!!!

* * *

- Доброе утро, Саша!
- Доброе утро! Вы позавтракали, Ирина Васильевна?
- Да, спасибо. Сейчас оденусь, зайду к маме и поеду на работу.
- Это хорошо, что вы позавтракали, Ирина Васильевна. Я думаю, вам сегодня не нужно ехать на работу.
- Что?
- ...
- Когда?
- Утром. Около пяти. Во сне. Я услышал только вздох... и все...
- ...Проклятые слезы. Не могу их сдержать.
- Плачьте. Слезы приносят облегчение.
- Спустя немного времени Ирина спросила сквозь слезы:
- Как вы думаете, она ушла счастливой?
- Мне кажется – да...

Слова, как бусины на четках

Наталья ВОЗНЕНКО

* * *

В Беспредельность уходит стрела,
Запустила – была не была.
Там туманностей холод и свет
От неведомых ныне планет,
А огонь, что от сердца идет,
В Беспредельность без страха ведет.
И ритм сердечный, как огненный след,
Ярче дальних и ближних планет...
Я на звезды смотрю – так легко,
А стрела все летит в «Высоко»!

* * *

Вот подкрался Ноябрь,
Первый день – сразу слезы,
Ветер листья осыпал
С одинокой березы.
Серый день давит небом,
Воронье прилетело
И гоняет майнушек,
И кричит то и дело.
Вот застыла Природа
В ожиданье чего-то:
Уж такая у Осени
В это время работа.

Наталья ВОЗНЕНКО. Родилась в 1956 г. в Ташкенте, училась в Ленинграде, Москве, Ташкенте. Работала психологом в УзНИИиПК, проводила экодебаты в школах, колледжах, ВУЗах, печаталась в СМИ.

* * *

Мне снился лес и берег моря,
 Былое с Настоящим, споря,
 О чем-то яростно кричали,
 Потом вдруг резко замолчали...
 А лес шумел, и бились волны,
 Воспоминаний чудных полны,
 Где свет и тень, вода и пламя
 Играли яркими цветами
 И уносились в Бесконечность,
 Где есть одно лишь Время –
 Вечность!

* * *

Время стрелки до блеска начистит
 Накануне 20-го года:
 Может Жизнь забежать на минуту,
 Может, Смерть не уташит кого-то...
 Время снегом засыпало город –
 Спи спокойно, зима уже рядом,
 Нам волшебные сны навевает,
 В Беспредельность уносится взглядом.
 Да, тело спит, а душа отдыхает,
 В параллельность другую летает.

* * *

Слова, слова, в который раз
 Как объяснить, как объясниться,
 Что Время выстроило нас
 В одну большую вереницу?
 Летят слова по проводам,
 И в интернете многословье,
 А мысль летит быстрее слов,
 Как будто вышла из подполья.
 Слова любви и доброты
 Нас поднимают над Землею,
 Как будто не было потерь,
 И мы живем сто лет с тобою!

* * *

Бывают помыслы чисты,
 И сны, как явь, ясны и четки,
 Но вновь нанизаны слова,
 Как будто бусины, на четки...
 Мне интересна нить судьбы,
 Когда размотан весь клубочек:
 Казалось, жизнь оборвалась,
 Но... запятые вместо точек.

* * *

Дождь и ветер терзали деревья,
 Рвали листья и ветки трепали.
 Ночью молнии небо чертили,
 А по стеклам слезинки бежали.
 Это было похоже на вызов:
 Так Ноябрь показал свои силы,
 Ну а утром с теплом, с синим небом,
 Он казался наивным и милым.
 Диктовать мы не можем Природе,
 Приспособиться разве – и только.
 Как ответит она – неизвестно,
 И терпенья ей хватит на сколько?

ПРАЗДНИК ЖИЗНИ...

Рассказы

Инна ЛЮЛЬКО

ПОДРОБНОСТИ УЖИНА

– Ах, ты! – сокрушённо хлопаю себя по боку, – опять проворонила!

Российский вечер снова обманул меня своей необычностью: на улице светло, как в пять часов дня, а на часах – девятый час вечера!

Мой истомлённый организм несколько раз пытался подать мне знак об ужине, а я, вместо того чтобы прислушаться к нему, верила вечернему мороку!

– Сколько раз, сколько раз! – ругалась я вполголоса. – Сказано же в писании: после шести – ни крошки!

Ну да, согласна: женщина после сорока пяти вправе сама решать, сколько ей лет и где у неё талия, но всё же так хочется хотя бы талию иметь на традиционном месте!

Хочется.

Но есть хочется сильнее.

И когда мой доктор наук появился в дверях и сообщил в пространство, что ему надо как бы чего-нибудь перекусить... я уже летала по кухне кулинарной феей.

Вот вы думаете, небось, что носители возвышенных порывов и утончённых талантов питаются амброзией и цветочной пылью? Как бы не так! Они требуют добротной натуральной пищи! Не отвратительного салата из кальмаров, которым давеча я отравилась в кафе и чуть не сдохла, а картошки с селёдкой или салом, котлет, плова – царя моего желудка!

...В общем, через полчаса ужин красовался на столе.

Строго соответствующий индивидуальным пожеланиям участников: у меня – добрая горка румяной картошечки с парой обжаренных жизнерадостных сосисок и кетчуп, от которого у обычных людей слезятся глаза и во рту пожар, а на тарелке моего интеллигентного друга обморочно валялась замученная микроволновкой бледная и вялая одинокая сосиска.

Инна ЛЮЛЬКО. Поэт, прозаик. Родилась в 1952 г. в Баку. Работала художественным оформителем. Публиковалась в журнале «Звезда Востока».

Я поставила к своей тарелке хрустальную рюмку на высокой ножке, похожую на балерину.

– Ты будешь пить? – уточняет он.

– Ага, буду, – подтверждаю я.

– Для чего?

– Для аппетита. Хороший аппетит – признак прекрасного пищеварения. Воздух вибрирует от его немого негодования, и я делаю пояснение:

– Ты куришь. Я пью. Всё по чесноку!

Он взрывается фальцетом:

– Мне не нравится, когда женщины пьют!

– А мне не нравится, когда мужчины курят, – парирую.

Наливаю себе водки и демонстративно выпиваю.

Он вскакивает, будто в его табуретке внезапно включили подогрев:

– Нет, ну как можно сравнивать табак и алкоголь?!

– Видишь? Я же сравниваю! Значит, можно. Надо креативно решать бытовые проблемы.

– А если я не стану курить, ты перестанешь пить?

– Не исключено. Подвиг на пару – это круто!

Он кричит и прикидывает в уме, хватит ли ему духу на подвиг. У меня-то, он знает, хватит: я – супервумен.

И пока его мыслительный аппарат напряжённо работает со свистом от высоких оборотов, я с аппетитом выпиваю ещё рюмочку и закусываю.

Он с завистью косится на мою тарелку и просит ложку картошки. Не потому, что голоден. А потому, что вся эта вкусная картина, достойная кисти весёлых фламандцев, вызывает в нём невольное желание приобщиться к незатейливому маленькому празднику живой жизни.

Я приветливо улыбаюсь ему – и делюсь.

– А мне водки нальёшь?

– Если попросишь – пожалуйста. Я не жадная. В магазине её навалом.

– Ну налей.

Я достаю стопку вдвое меньше моей рюмки.

– Это что, дискриминация?

– Нет, что ты! Это трезвая оценка возможностей.

Он берёт стопку, подносит ко рту... Лицо его уродует гримаса, как будто в стопке касторка...

Я не могу этого видеть! Не монстр же я! – в моём сердце сострадание берет верх над ехидством, и я позволяю ему уйти от муки:

– Поставь обратно. Сама выпью...

– Нет! Нет! Вылей в графин! Вылей, а то я сам не могу – пролью!

Вот смешной! Как будто этот графин хранится в сундуке, а ключ у него на шее! Захочу – холодильник открою в любой желанный момент!..

...Скоро я насыщаюсь и становлюсь совсем благодушной: охота глумиться пропадает...

Да и пью я не для аппетита.

А совсем по другой причине.

И не приставайте с вопросами...

Доброй ночи!..

УТРО, КОФЕ, ИНТЕРНЕТ...

Я сплю головой к двери. Лариса сказала, что лежать к двери ногами – плохая примета. К смерти. Поэтому я послушно стала ложиться «к жизни». Хотя трезво осознаю, что рано или поздно каждого всё равно укладывают ногами к выходу.

Проснувшись, каждое утро я радуюсь пенсионерскому счастью: не вскакивать по окрику будильника, не мчаться в любую погоду и при любом настроении на службу, а валяться, наслаждаясь, в постели сколько душе угодно.

Но вставать всё же приходится – жить-то в постели сутками скучно!

Вздохнув, включаю кнопку привычного утреннего маршрута: умыться – кофе – план на день – проверить почту в интернете, а дальше – по ситуации.

В ванной я заставляю себя улыбнуться в зеркало и поздороваться...

Вчера Лариса опять выносила мне мозг: требовала активизироваться в поисках мужчины для дома.

Мужчина для дома – идея, конечно, неплохая. Но каковы мои шансы? Тем более для женщины с моим именем!

Моя мама-ботаник, похожая на Лию Ахеджакову как сестра, в восторге от моего рождения полностью утратила чувство реальности и подарила мне имя Джанета. Говорят, она сопровождала этот акт стихами любимого поэта:

– Я цветок назвала – и цветок зазел!..

– Ну да, – с тоской думала я, – зазел. От стыда. Ведь теперь ему предстояло всю жизнь быть Джанетой Ивановной!

С твёрдым намерением определить шансы я придирчиво всмотрелась в своё отражение.

Отражению было за 60. Фигура... Ну, если попытаться дня три кефиром и соками, может, талия и проявится где-нибудь. Брови – ещё не нарисованы и огорчают. А нос! Мама родная, что за нос! Будто я не русская, а лицо кавказской национальности!

Лариса, правда, по этому поводу имеет свою точку зрения:

– Опять выпендриваешься? Нос как нос! Просто мужика тебе надо сокола! У соколов нос тоже такой – с горбинкой!

Я вяло мямлю насчёт браков, заключаемых на небесах, и даже вспоминаю о белом коне, но она велит мне заткнуться и забыть про коня.

– Тебе не нужна лошадь, – сказала она. – Тебе нужен муж. Ясно? Сегодня же определю тебя в «Знакомства» и будешь заниматься делом, а не обмениваться рецептами кексов с подругами из Твери и Забайкалья!

И определила. Взяв с меня клятву ежедневно выходить на охоту и не халтурить.

Поэтому я сижу с кружкой кофе за компом и охочусь: разглядываю разложенные на плавущей ленте фотографии женихов, сожителей и альфонсов – нескончаемую вереницу котов в мешке.

Иногда я прихожу в уныние: как же выловить в этом калейдоскопе

подходящего мужа?..

Со временем я наловчилась сортировать их по группам.

На мальцов до 50-ти вообще не смотрю: что мне с таким делать? В пелёнки заворачивать? А среди зрелого и перезрелого слоя чего только не увидишь! Натурально паноптикум!

Вот группа «топлес». Это голые по пояс дядьки, томно развалившиеся на подушках. Откровенные кобели сомнительного качества: мужья из них – как балерина из Николая Валуева!

Вот седовласые господа глубоко за 60, доверительно объявляющие, что им 49 и они хотят дам от 18 до 35 (и никакие джигарханяны им не наука!) Я понимаю их ужас перед надвигающейся старостью и жалею по-бабьи.

А вот ещё одна группа: альфонсы. Мужеобразные глисты. Эти особи паразитируют в женских домах, высасывая деньги и саму жизнь, гася надежду на счастье...

И всё-таки мне приходится верить в счастливую встречу: я обещала Лариске.

На ленте появился ничего себе мужчина.

Я впиалась глазами в его лицо, как рыболов в поплавок при поклёвке: в подходящем возрасте, с приподнятым волевым подбородком, он молодцевато-серьёзным взглядом смотрел куда-то вдаль из-под козырька бейсболки. Но главное – нос у него был с горбинкой!

Скоренько забежав на его страницу, я узнала, что цель его знакомства – семья и брак.

На фотографиях он с тем же благородным выражением лица стоял у серебристого автомобиля, в белых шортах сидел у моря на плетёном стуле с ружьём для подводной охоты, прохаживался с задумчивым видом вдоль больших шкафов с книгами...

Чтобы не потерять его из виду, я обратилась к нему с пустяковым вопросом, и он немедленно откликнулся! А когда изложил свою позицию – не откладывать знакомство и встретиться, – я, сдерживая ликование, согласилась.

Судьбоносную встречу мы назначили на следующий день.

Ларисе я не стала звонить, не хотела говорить «гоп», не перепрыгнув.

* * *

...Я нервно ходила туда-сюда на условном месте у музея и клала себя: да, белая шляпа, шпильки – всё это подходило, и мне вполне можно было дать не мои 65, а 64 с половиной. Но опоздать, как подобает порядочной даме, мне не удалось! Сейчас подъедет на крутой тачке мой брутальный новый знакомый, а я, как сопливая дурочка, припёрлась раньше кавалера!..

За спиной раздался высокий мужской голос:

– Дорогая! Вы уже здесь!

Я обернулась.

Ко мне радостно семенил оживлённый мужчина.

Озорной ветер поддел жидкую прядь его волос, начёсанную на лысину, подержал вертикально, будто рассматривая, несколько мгновений и

бросил обратно.

Я воровато оглянулась. Слава богу, толпы, стремящейся в музей, не было, и мы могли общаться без свидетелей.

Я ошалело спросила:

– А вы сегодня не на машине?

– Какой машине? А-а, вы об этом! – дробным смехом отозвался он. –

Да это я у чужой машины сфотографировался! Так просто, для красоты!

– А ружьё для подводной охоты? – продолжала я. – Вы охотитесь под водой?

– Да боже упаси, Джанеточка! Первый раз в жизни оружие в руках держал! Я ведь и в армии не был – из-за плоскостопия. Это фотограф в санатории сунул, когда снимал меня!

Про шкафы с книгами я спрашивать не стала, – боялась, что он скажет, что не знает алфавита и расписывается крестиком.

Обливаясь внутренними слезами, я видела себя со стороны: мы были похожи на пару, от которой рождаются мулы. На своих дурацких шпильках я возвышалась над ним каланчой и без всякого труда обозревала его верхушку. Да и в весовой категории превосходила его килограммов на двадцать.

Я сняла шляпу. Но всё равно не стала короче.

Правда, Глеба Игнатьевича (так звали жениха) это ничуть не обескуражило: он самозабвенно рассказывал о том, как удачно ему удалось съездить на море по путёвке от уролога, заглядывая мне в лицо снизу вверх в ожидании очередной улыбки и кивка...

Рассеянно внимая журчанию речи Глеба Игнатьевича, я мучительно пыталась собраться с силами и сообразить, что мы здесь делаем, – и что мне делать с этим «птицем-говоруном»...

Внезапно нога у меня зацепилась за что-то каблуком, и я рухнула на асфальт, больно расшибив коленку!

Глеб Игнатьевич заметался вокруг меня, кудахча, как курица у пруда, куда спрыгнул поплавать высиженный ею утёнок: он понимал, что мою тушу ему нипочём не поднять!..

– Кто это? – грозно спросил вдруг чей-то густой голос.

Около нас стояла потрясающая женщина! В памяти из детства всплыла легендарная чемпионка СССР по метанию чего-то тяжёлого Тамара Пресс. На сгибе её руки толщиной с мою ляжку болталась сумочка: на фоне этой моши она казалась кошельком. Многоярусный живот подпирал две гигантские груди. Я автоматически стала прикидывать: 7-й? 8-ой размер? Полные губы, блестящие красным сургучом, угрожающе опускались углами вниз и не сулили ничего хорошего.

– Я спрашиваю, Глеб Игнатьевич, кто это?! – повторила богиня плодородия, указывая на меня крупным толстым пальцем.

– Эээ...Это...Аллочка... – заблеял тот.

Тут сработал мой инстинкт самосохранения, и я, пытаясь подняться, объяснила ей, морщась:

– Понимаете, мы с Глебом Игнатьевичем работали вместе... давно! Вот, случайно встретились... А я так неловко упала...

Аллочка решительно подошла ко мне, подхватила под мышки, дотащила до скамейки и усадила. Осмотрела окровавленную коленку, порывалась в сумке, вынула большой носовой платок и пошла к фонтану.

Глеб Игнатьевич тихо скулил мне в ухо:

– Вот незадача! Я же и ей свидание назначил на этот час!.. Проклятый склероз!.. Вы меня спасли, Джанеточка, спасли!..

Аллочка вернулась с мокрым платком, обтёрла мою ссадину, а потом достала флакон с мужским одеколоном и полила им болячку. Я завопила, но она невозмутимо заметила:

– Не ори. Зато гноиться не будет. Как медик тебе говорю. Я ведь в морге работала.

Затем она обратила засиявшее лицо к затихшему мужчине:

– Вам, Глеб Игнатьевич, несла в подарок. Не обидитесь, что дарю початым?

– Что вы, что вы, Аллочка! – счастливо востепенулся наш селадон, – вы просто ангел-спаситель! Позвольте вашу ручку!

Он взял её могучую руку и умильно приложился к ней губами.

Аллочка по-девичьи трогательно покраснела и отняла руку:

– Чего уж там, что вы...

Я смотрела на них и улыбалась. Аллочка действительно спасла нас.

– Может, тебя до автобуса довести? – предложила мне она.

– Нет-нет, сама дойду! Хочу немного посидеть тут. А вы идите, идите, не беспокойтесь! – попрощалась я с ними.

Аллочка мощной рукой подцепила своего мужчину, и парочка, мирно воркуя, устремилась вдаль. Может быть, к счастью.

Ну а я, увечная, вернулась домой.

Вечером примчалась горящая нетерпением Лариса и, после того как нахохоталась до слёз над моим приключением, постановила:

– Так. Корректируем алгоритм поиска. Тебе, Джанка, нужен не сокол, нет. Тебе нужен орёл! Так что будем искать орла.

А вдруг она права? Вдруг он и вправду где-то есть, мой орёл? А может, он уже и на подлёте...

Мне очень нужен орёл для счастья, Господи!

БАНЯ

Мы с мужем в бане купаемся вместе. Честно говоря, у меня интересы как бы шкурные: собственными руками не до всех участков тыла дотягиваюсь. Да и он, между прочим, не бескорыстен: кроме официального повода – потерять спину, – у него есть и причина. Надеется, что клюну на его удочку и спать лягу с ним, а не в соседней комнате.

Ну а я что, я – железная леди!

Дело в том, что он до сих пор ортодоксальный атеист, а я в настоящий момент была временно верующей: уверовала то бишь и покрестилась, к его гневному негодованию.

– Ты предала наши с тобой убеждения! – кричал он патетически, стоя в четверть оборота ко мне и воздев руку, как Пушкин на памятнике.

А я без пафоса взяла свою подушку и ушла в другую комнату, объяснив свою позицию так:

– Мы с тобой прожили так много лет! И ты прекрасно знаешь, что я не идиотка! И если я приняла какое-то серьёзное решение, то это не от балды, а почему-то! А ты, – обвинительно тыкала пальцем в его сторону я, – не хочешь даже поинтересоваться почему! И значит ты – не друг мне. А если ты не друг, то значит секс с тобой – всё равно что секс с чужим мужиком с улицы! На это я не пойду!!

И не шла!

Вот на этой трагической ноте и чахли наши интимные супружеские отношения очень долгое время.

Мы бодались, как два барана на мостике: он упрямо не желал разобратся в причинах моего крещения, а я с энтузиазмом упёртого неопфита блюла целомудрие христианки. Типа не отдавай поцелуя без любви.

В бане муж, оглаживая мне спину мыльной мочалкой, попытался подольститься:

– Вот всё-таки как повезло мне! Фигура у тебя – как гитара!..

– Знаю, – коротко отрезала я, – давай мочалку.

И так надрала ему спину, что он взвыл и успокоился. Погрустнел...

Больше никаких дел в бане у нас не осталось, и мы стали собираться, хмурые, как две осенние тучи...

Я сидела в парной и смотрела в открытую дверь, как он одевается.

Мы ставили в предбаннике тазик, чтобы в последний раз ополоснуть ноги, и сейчас он сидел голый и с ногами в воде.

Вот он вынул ногу, вытер её насухо, надел носок... И задумчиво поставил её в таз!

Я в немом ошеломлении вытарашила на него глаза...

Он взглянул на меня. Потом вниз...

– Ааа! – закричал он и выдернул ногу из таза.

И тут я принялась бешено хохотать, чуть не падая с лавки!

Потом расхохотался и он.

– Вот же чёрт, – досадовал он, – надо же так задуматься!

Тучи рассеялись.

Но спать я всё равно легла одна.

Такая вот принципиальная дура.

Абдирахим ПРАТОВ

Ветру жизнь доверил я...

Мой сайрам

На священной земле,
На песке золотом,
Где прошел Яссави –
его светится след.
К мудрой истине
Мы повернулись лицом,
За Хикметом его изучая Хикмет.

Мой Сайрам, совершенство
нашел я в тебе –
В каждой складке земли,
В небесах голубых.
Ты прославлен в веках.
Поклонюсь я судьбе,
Что родился я здесь,
Рос в объятьях твоих!

Процветай и живи, золотая земля!
Свои тайны храни,
Неподвластна векам.
Только здесь
Безошибочно знаю, кто я.
Гордо всем говорю:
Край родной мой – Сайрам!

Ветру жизнь доверил я

Караваны вновь вернуться.
Временем следы сотрутся –
Ветру жизнь доверил я.
Возвратись, любовь моя!
Ты ведь можешь возвратиться...

Как в плоды добра я верил!
Ветру жизнь свою доверил.
От коварства друга сник.
Я омыл слезами лик,
Я мечту слезами мерил.

Можно звезд рукой коснуться,
Но нельзя назад вернуться.
Ветру жизнь доверил я –
Вот история моя.
Судьбы в ней переплетутся.

Но в любом романе – свет.
Уж читал такой сюжет.
Вдруг судьбу я встречу в сквере?
Ветру жизнь свою доверил,
И конца страданиям нет...

Абдирахим ПРАТОВ. Родился в 1955 году в Южно-Казахстанской области. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Был главным редактором журналов «Бойчечак» и «Камалак». Главный редактор газеты «Адабиет ва Санъат». Член Союза журналистов и Союза писателей Казахстана. Автор нескольких сборников стихотворений.

Переживание

Прости!
 Не раскрывшись, завяли цветы.
 Прости!
 До краев я наполнен печалью.
 Спрошу у себя:
 Ты любил ли мечты?
 Была ли свобода, зовущая в дали?
 Была ли в нас преданность
 Верной любви?
 Печальна судьба и безрадостна доля.
 Прости
 За измену горячей крови,
 Что плакать заставил тебя я от боли...

Вина меня жжет.
 От нее не сбежать!
 Да кто же я есть?
 Проклинаю и каюсь,
 От жизни, которой живу, отрекаюсь!
 В плену пустоты нахожусь я опять.

Прости!
 Я не знаю, что это со мной:
 Порою земля из-под ног уплывает,
 И злоба людская мне душу ломает.
 Хожу как во сне, всем на свете чужой.

Куда ж я иду? Тьма – ни звезд, ни огня...
 Горюю, бегут по щекам моим слезы.
 И тысячи тайн обступают меня.
 Я в мире один, и осыпались розы...

Прости...
 Многозначие ставлю в строке –
 Оно за черту горизонта уводит,
 Как капельки слез,
 Как следы на песке,
 Как листья,
 Опавшие в спящей природе...

И первая точка – то ты вся в слезах,
 И губы дрожат – лепестками опали.
 Вторая – друзья – удивленье в глазах.
 А третья – я сам. Ослабевший в печали...

Себя не постиг я до нынешних дней.
 Мечты и печаль – все смешалось в
 Душе.
 Стихи зазвучали в ней тихо и грустно...

Человек

На лбу морщины – горькая печать:
Здесь тяготы и будни долгих дней.
И вечерами мучает опять,
Тревожит залп безрадостных вестей.

И сердце вновь колотится в груди –
От страха, что ли?
Не пойму... Стрелой
Несется время. Что там впереди?
И день, как миг, и век уже – былой,
И все короче этой жизни нить...
Как мало мы успели совершить!..

За кратким летом осень пролетает.
Пожухли уж сады и лист опал,
В глазах огонь желаний отмершал,
Огонь несбывшихся надежд тихонько тает...

Их столько было, крепких, как гранит!
Судьба несет нам бремя испытаний.
И точит время камень. И болит
Моя душа от пустоты метаний.

Зачем нам жить с такою пустотой?
Что толку в хвастовстве
И тонкой лести?
Есть мудрость в Жизни,
Чистой и простой,
Не знающей предательства и мести.

Там ценят слово – хоть не вечен слог,
Но совершить так многое он смог.
И, если главной
Цели ты достигнешь,
Отступится неукротимый рок!

Оставят и сомненья, и метанья,
Мечты родятся – хватит их на век!
Есть у меня заветное желанье:
Жить как простой и чистый человек.

Любимая

Листопад.
Горят и угасают
На земле осенние сады...
В сердце боль,
И стрелами пронзают
Мое сердце сполохи беды.

Слова не сказав, ушла однажды
Нежная красавица моя.
Есть родник, но сохну я от жажды,
Тот родник слезой наполнил я!

В сердце не стереть следов от ран.
Кто теперь сидит у родника?
Я любил. Любовью я отравлен.
Трудно жить, когда в душе тоска.

Угасают чувства без ответа.
Там, в саду любви, мои следы.
Листопад.
Тускнеют пятна света.
Для кого любимой стала ты?

Поэт

Стихи слагает по ночам поэт,
Чтоб вылить в строки
Все раздумья века.
Он пишет. Тихо наступил рассвет.
Что суета? Что будни человека?
Наполнить хочет чашу бытия
Небесным светом,
Мудростью столетий,
Чтоб помнили поэта ты и я,
Чтоб имя сохранили строки эти.

Перевод с казахского Надежды Черновой.

Надежда ЧЕРНОВА. Поэт, переводчик, литературный критик, член СП Казахстана, родилась в 1947 году в Баянауле. Окончила факультет журналистики КазГУ. Автор нескольких книг, стихов и прозы. Награждена орденом «Құрмет».

**Мы учимся
видеть вне нас...**

Шамшад АБДУЛЛАЕВ

Юг, беседы

Тонкой раной в блаженный сезон
мечены линии окон: здесь крепится доля
(в крайних кварталах) безлюдья. Он канул
вдоль смолистого рва, катафалк. Позднее была
закатная оторопь плакальщиц, синих,
у стеганых одеял в новой комнате, где
по воздуху шуйца пророка прошла. Иная картина.
Давно ли? Мухи жужжали возле ветхой пекарни.
Чистой скукой веяло сбоку – сильное солнце,
мужчина, играющий в нарды: сцена,
словно бы снятая по
сверкающей диагонали. Творятся
лишь в юности (когда,
стоит промолвить, – и мир
весь прилипает к уголкам твоих губ)
сок и судьба. Другие события – в земле,
в некоем пыльном подворье, чужие,
как далекая нежить. Ответишь?
По-прежнему слышен стареющий голос глашатай
 празднеств
(черно-белая сухость около стен
и ястреб в меду воскресного утра – мне ли решать,
«вот и конец»?), тянется зов на один
светящийся акр. Солнце
находит лицо, и далее речь
не оставляет ссадин
ради холмов и холмов.

Шамшад АБДУЛЛАЕВ. Родился в 1957 году в Фергане. Поэт, прозаик. Автор четырёх книг стихов и книги прозы. Публиковался во многих узбекистанских и зарубежных журналах и альманахах. Живёт в Фергане.

Вид из окна

Машина проедет прямо; фасад кинотеатра.
 Собаки спуют под мостками, пока
 женщина с крашеными в морское серебро волосами
 (они хрустят, как фольга?) собирается пересечь
 «зебру», и чьи-то
 темные флюиды сверлят ее осанку – это
 индейская маска на заднем стекле автомобиля,
 не в силах унять свою ритуальную злобу;
 затяжная каденция клаксона вдали,
 заставляющая вдруг ошутить воркование горлиц тут,
 на подоконнике; брутально колкие розги
 запущенных кустов. Остальное
 труднее запомнить, но мой брат
 лежит на диване и читает Арнольда Тойнби,
 растопырив пальцы на книге двойным даб-лю,
 и мы вспоминаем
 уроки английского, школьный двор, тупость учителей,
 не умеющих без боли внушить,
 что свобода – всего лишь возможность
 творить добро. Чего бы ты хотел? Он ответил
 (последними проступили: дверь,
 заложенная досками, пустой сарай,
 две-три скамейки, лобастые камни,
 словно ожидающие гадательного знака или
 шуршания касыды, прочитанной шепотом
 на псевдоарабском
 питомцем Оксфорда в прохладный блекнувший
 вечер, и его
 бледно-веснучатый профиль заслоняет от нас
 ландшафты Констебла): только две вещи –
 хорошей погоды и быть
 диск-жокеем, а не историком.
 Майский полдень, машина проехала прямо.

Старый дом

Чужой голос: медленный ветер
 и солнце. Муравьи клубятся у
 линии судьбы, как если б немой фильм
 пустили в прозрачный день. Рука и простор:
 забываешь простые богатства. Предвечерье, когда
 намаз открывает желтеющий воздух над ветошью
 комнат. Кошка
 делает «аминь», будто шиит, молящийся одной рукой.
 В летней абстракции меняется климат, и свет
 рассекает надвое змеиную тишину.
 Выход?

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ!..

Рассказы

Нарзулло БАТИРОВ

І. Не боюсь дураков. Не боюсь собак, кошек. Но очень боюсь пьяных. Этот страх засел у меня в мозгу с детства. Отец всегда наставлял: «Сынок, не приближайся к пьяному человеку. Беги от него! Если увидишь пьяного издали, обойди его!» Вы можете спросить, почему он так говорил. На это есть свои причины. И вот об этом-то я вам сейчас и поведаю.

Когда мы переехали в Пайшанбу, я, только перешёл в третий класс. В начале нашего переулкa жила семья Узрат и Малика с пятью дочками. К нам в дом часто заходили тётя Узрат и другие соседи. Почему-то лицо у тёти Узрат всегда было в синяках. Поначалу я как-то не обращал на это внимания, но однажды тётя Узрат пришла к нам, плача и стёная. Лицо в синяках, глаза красные. Матушка моя пригласила на топчан, сочувственно стала расспрашивать, что случилось. Рыдая, та присела на краешек топчана.

– Узратхон, наверное, опять ваш муж вернулся домой пьяным? – глядя на её побитое лицо, спросила мама.

– Да, вчера опять напился, устроил скандал: «У всех есть сыновья, а у меня нет. Ты не можешь родить мне сына! Убирайся вон из дома!» Устроил дебош, перебил всю посуду. Стал выгонять дочек: «Убирайтесь вместе со своей матерью! Мне не нужны дочери!» Бедные девочки убежали в дом тётушки Махмуды, еле спаслись. А меня поймал, избил, на мне места живого не осталось!

Тётя Узрат горько рыдала, показывая побои. Синяки на её теле уже почернели. Она, беззвучно проливая слёзы, приговаривала:

– Я бы тоже хотела иметь сына, но что поделаешь, если Бог не даёт мне его? Родила пятерых детей одного за другим – все девочки. А муж, чтоб ему пусто было, каждый раз, возвращаясь пьяным, избивает меня и приговаривает: «Мне дочери не нужны!» И девочкам житья не даёт: бьёт, ругает и выгоняет... Дочки мои тоже страдают.

Я долго не мог понять, почему лица дочерей тёти Узрат – Хабибы, Мунаввар и Сабохат, даже когда они играли вместе с нами, были печальными и тревожными. Они никогда не смеялись громко, не галдели, будто чего-то

Нарзулло БАТИРОВ. Родился в Самаркандской области в 1947 г. Окончил ТашПИ (ныне ТГУ) и Высшую школу милиции. Работал в ОВД. Публиковался в периодической печати, в журналах «Звезда Востока», «Шарқ юлдузи», «Гулхан», «Ёшлик».

опасаясь. Я сочувствовал тётё Узрат и её дочерям и размышлял: «Неужели дядя Малик настолько плохой человек?» Он работал в продуктовом магазинчике, расположенном на другой стороне улицы, вдоль дороги, ведущей к рынку. Мы, дети, когда нам перепадали какие-нибудь денежки, покупали в ларьке у дяди Малика разные сладости: конфеты, петушков на палочке. Обходился он с нами ласково. Я ещё не видел дядю Малика пьяным, потому что мы только переехали. Но по состоянию тётё Узрат я понял, что дядя Малик плохой человек, и мне хотелось помочь тётё Узрат и её дочкам, а дядю Малика безжалостно наказать. Я не стал ходить в его магазин, а когда встречал его на улице, проходил не здороваясь.

Моя мама говорила соседке:

– Он покалечит вас и ваших дочек. Заберите девочек и уезжайте хотя бы на неделю к своей матери. Может, тогда у него глаза откроются, и он начнёт вас ценить.

– Я уже так делала, сестрица. Он умолял вернуться, обещал больше никогда не пить, тысячу раз клялся – и возвращал меня обратно. Месяц держал слово, не пил. А затем всё начиналось снова. Когда не пьёт, муж хороший человек. Любит дочерей и меня. А как выпьет, словно бес в него вселяется. Становится полным дураком. Соберусь уходить – цепляется за подол, умоляет, унижается. Я бы развелась, но кому я нужна и куда с пятью девочками мне податься? Кто нас приютит?

Прошло некоторое время. Как-то мы с ребятами играли на улице, и Аваз сказал: «Дядя Малик опять напился. Разбегаемся!» – и бросился улепётывать. Дочки дяди Малика – Хабиба и Мунаввара – побросав кукол, тоже бросились вслед за Авазом. Смотрю, приближается дядя Малик покачиваясь. Почему-то и я бросился бежать в сторону дома Аваза. Когда я забежал во двор, Аваз закрыл ворота на замок. Сгрудившись, мы смотрели сквозь щели в заборе.

Дом дяди Малика был напротив дома Аваза. Наконец, дядя Малик с трудом доплёлся до своих ворот и скрылся во дворе. Через какое-то время оттуда послышались шум, громкие вопли и рыдания тётё Узрат. Стоящие рядом со мной Хабиба и Мунаввара тоже начали плакать.

– Не плачь, Хабиба! Зачем плакать! – попытался я утешить ее.

– Отец опять бьёт маму. Он убьёт её! – Хабиба открыла ворота и вместе с сестрёнкой они побежали спасать маму.

– Не ходите туда, ваш отец и вас избьёт! – воскликнул я.

– Пусть лучше он побьёт нас! Лишь бы маму не убил! – на бегу крикнула Хабиба.

Мы отправились следом за девочками. Через мгновение бледная, трясушаяся Хабиба, рыдая, выбежала из двора.

– Отец с ножом гоняется за мамой! Сейчас он задержит её! Помогите!

Я стремглав помчался домой звать на помощь отца. Он был дома. Увидев моё состояние, отец побледнел.

– Папа, отец Хабибы... их мать убивает! Помогите! – закричал я изо всех сил.

– Кто? Кого? Почему? Что ты такое говоришь?

Я наскоро рассказал о произошедшем, торопя отца: «Пожалуйста, побыстрее! Он же убьёт!»

– Хужайин (тогда многие женщины так обращались к мужьям, что сначала «хозяин»), не ходите! Ведь у него нож в руках... Не попадите в неприятности! – попыталась остановить отца мама и, взяв меня за руку, добавила: – И ты не ходи, зайди в дом.

Кое-как вырвавшись из её рук, я помчался к дому Хабибы. Когда мы с отцом подошли, Хабиба на улице пыталась успокоить плачущую сестрёнку-малышку. Остальные сестры, прячась за её спину, дрожали от страха. Собравшиеся соседки были в роли зрителей. В тех, кто пытался открыть ворота, дядя Малик метал посуду.

Мой отец – человек внушительный, высокого роста, крепкий, в сравнении с ним дядя Малик выглядел ребёнком. Когда отец вошёл во двор, дядя Малик волок жену за волосы, размахивал ножом, беспрестанно бранился и приговаривал: «Ты рожала только девочек!» Тётя Узрат тщетно пыталась заштитить голову руками.

– Малик! Абдумалик! Остановитесь! Бросьте нож! – громко приказал отец. Голос отца соответствовал его солидной внешности и мог заставить вздрогнуть любого. Дядя Малик выпустил из рук волосы жены и уставился на отца.

Несмотря на то что он был пьян, он узнал отца: «Батыр-ака! Зачем вы вмешиваетесь? Хотите встать на сторону моей жены? Что вы здесь делаете?» Он с ножом бросился на отца.

– Маликжон, Малик! Что с вами? Бросьте нож! – приказал отец, в этот момент он был похож на командира, отдающего приказ солдату.

– Убью! И пусть мне дадут за это пятнадцать лет! И жену убью! И тебя тоже убью! Эта распутница гуляет с тобой! А я и не знал! Вот вас обоих я и убью! – вопил Малик.

Чтобы обезоружить дядю Малика, отец заломил ему руку за спину и вырвал нож. Дядя Малик изо всех сил трепыхался, пытаясь высвободиться из рук отца, при этом продолжая сквернословить и угрожая всех убить.

Стоявшие на улице женщины и дети вошли во двор. Кто-то из женщин предложил связать дебошира, а иначе он не угомонится. Тут же одна из молодых женщин принесла из хлева верёвку. Отец повалил дядю Малика на землю, быстро связал его, поднял и уложил на айван. Тот пытался сопротивляться и беспрестанно бранился. Чтобы это пьяное существо не свалилось с топчана и не получило увечий, один конец верёвки привязали к перилам.

Одежда отца была испачкана кровью: он порезал руку, когда отбирал у дяди Малика нож. В это время прибыла милиция. Наряд работников отдела внутренних дел возглавлял живущий по соседству с дядей Маликом усатый милиционер Муюссар. Они стали разговаривать с отцом, заполнять бумаги. Глядя на пораненные ножом руки отца, стали советовать ему написать заявление, на что папа ответил: «Бросьте, братцы! Я не хочу жаловаться и писать заявление на Малика, ведь он мой сосед. Жаловаться на него стыдно».

Затем сотрудники милиции отволокли дядю Малика в машину, стоявшую за воротами, и увезли. Позже я услышал, что дядю Малика за оскорбление соседей в состоянии алкогольного опьянения и избиение жены посадили на год в тюрьму. После возвращения он лечился в Самаркандском наркологическом диспансере, а вернувшись, дал жене и дочерям слово, что никогда больше не будет пить, и даже на Коране поклялся. И к нам в дом

пришел просить прощения у отца.

– Батыр-ака! Слава Богу, что вы в тот день пришли и забрали у меня из рук нож. Я ведь мог убить жену. Меня посадили бы, а мои пятеро детей остались бы сиротами. Спасибо вам! Теперь навсегда вы мой брат, вы спасли меня, – говорил он плачущим голосом.

– Малик, не пей больше, – сочувственно глядя на него, сказал отец.

– Всё, Батыр-ака, теперь я никогда не буду пить. Клянусь, спиртного никогда в рот не возьму, – пообещал он.

С тех пор я никогда не видел дядю Малика пьяным.

Но в тот злополучный день я впервые увидел, насколько омерзительным может быть пьяный человек. До сих пор перед глазами стоит картина: пьяный дядя Малик ташит за волосы свою жену, угрожая ей ножом, окровавленная одежда отца... Вот тогда-то отец и дал мне наказ: «Не приближайся к пьяному! Увидишь проклятого пьяницу – беги сломя голову».

* * *

II. Никогда не забудется и второй случай, когда я очень испугался пьяного. Хочу и с вами поделиться неприятным событием, накрепко засевшим в моей памяти.

В центре нашего городка, в красивом белом здании располагались кинотеатр и библиотека. Это было самое многолюдное место. Я тогда учился в начальной школе. По привычке с друзьями после уроков мы решили зайти в библиотеку. Тогда многие увлекались чтением книг. Верите, в библиотеке всегда было многолюдно. Я любил читать Марка Твена, Джонатана Свифта, Жюль Верна, воображая себя участником опасных приключений.

А по воскресеньям мы с друзьями ходили в кино. В те времена дневные сеансы были только по воскресеньям. Стоили билеты на дневные сеансы очень дешево – всего десять копеек, потому приобрести их было нелегко. Дом моего одноклассника Хакима стоял как раз за кинотеатром. Поэтому он хорошо знал билетершу тетю Любу и никогда не стоял в очереди за билетами. До кино мы по воскресеньям заходили поиграть во двор к Хакиму, а потом – в кино.

Ближайшим соседом Хакима был дядя Курбанбай, который вернулся с войны инвалидом, лишившись обеих ног. Он передвигался на трёхколёсной коляске, а когда бывал пьяным, разгонял её, направляя прямо на нас. Мы разбегались кто куда, побросав всё, что было в руках. При этом дядя Курбанбай хохотал, наблюдая, как мы дорожим жизнью. Он уже несколько раз сбивал людей своей коляской, но никто ему ничего не говорил, даже милиционеры не реагировали.

В нашем городке был смуглый до черноты милиционер Абдураим, обладатель огромных усов. Всегда с пистолетом на поясе, с заложенными за спину руками, важно выпятив грудь колесом, он неторопливой гусиной походкой прохаживался по парку перед кинотеатром. С нарушителями порядка он не церемонился: заламывал руки и уводил в милицию. Попавшим отделаться от него было непросто. Ребята говорили, что в молодости милиционер Абдураим был сильным самбистом. Его длинные руки с большими ладонями были похожи на вилы. При этом поговаривали, что пистолет у него на поясе был не настоящим, а игрушечным. Как бы то ни было, когда он входил

в кинотеатр, шум мгновенно стихал, увидев его издали предупреждали: «Атас! Абдураим-мент идёт! Тс-с-с!» И мгновенно становилось тихо, все начинали тревожно озираться в поисках милиционера Абдураима. Достаточно было мальчишкам-драчунам услышать, что идёт Абдураим, как они сразу же становились кроткими паиньками, стараясь поскорее улизнуть.

В один из праздничных дней, когда мы, как обычно, собрались у кинотеатра, откуда ни возьмись, примчался дядя Курбанбай на своей тележке. Испугавшись, мы бросились врассыпную. Грудь дяди Курбанбая была в орденах и медалях, а распухшее лицо – пунцовым. «Снова напился...», – решили ребята. В это время появился милиционер Абдураим и, глядя на дядю Курбанбая, спросил: «Опять напился? Смотри, не наделай беды. Ступай домой!»

– Почему ты меня гонишь? Что, я не имею права ходить по улице? Что, я не человек? – задиристо отвечал Курбанбай.

– Если не уйдёшь домой – отберу коляску. Нельзя управлять ею в состоянии опьянения, – сказал милиционер Абдураим.

– Коляску мне дало государство, а не ты! Сталин дал! И ты её не отберёшь! И домой меня не прогонишь! – угрожающе крикнул Курбанбай и, тархтая, умчался прочь.

А милиционер Абдураим гусиной походкой направился к двери кинозала. Спустя некоторое время послышался какой-то треск, что-то захлопотало и гулко упало. Когда мы подбежали, увидели перевёрнутую коляску Курбанбая, лежащую прямо на милиционере Абдураиме. Окружающие подняли Курбанбая, усадили в коляску. Милиционер Абдураим, кряхтя, поднялся сам и забрал Курбанбая в милицию. Тот сопротивлялся, но милиционер Абдураим силой уволок его.

Спустя пару дней мы вновь увидели Курбанбая разъезжающим на «ожившей» коляске. Мы спрашивали, почему безногий Курбанбай (так его называли люди) может сбивать людей, в том числе и милиционера Абдураима, а его за это не наказывают и не арестовывают? Нам отвечали, что он на войне во время Сталинградской битвы проявил героизм, подорвав гранатами три немецких «Тигра», и спас своего раненого командира, которого вынес с поля боя. В одном из сражений разорвавшимся снарядом ему оторвало обе ноги. Люди рассказывали, что ниже колен у него деревянные протезы и что у него есть целый чемодан орденов и медалей. А тот командир, которого спас Курбанбай, сейчас в Москве генерал и постоянно справляется о своём спасителе. Поэтому и в милиции уважают дядю Курбанбая.

Когда мы как-то навешали ветеранов, из дома безногого Курбанбая неслись шум и ругань. Один из ветеранов сказал, что Курбанбай ежедневно пьёт, скандалит, костылями гоняет жену.

Однажды в воскресенье мы с Рахмоном, как обычно, пошли во двор к Хакиму. У ворот хромого Курбанбая собрались женщины и дети, а со двора неслись женские вопли, плач детей и ужасные крики Курбанбая. Женщины визжали: «Сейчас убьёт!» В это время пришёл отец Хакима дядя Хамид. Одна молодая женщина с ребёнком на руках обратилась к нему, плача: «Когда же всё это прекратится? Однажды этот идиот убьёт жену! А милиция на это не обращает никакого внимания!» Тут отец Хакима молча вошёл во двор Курбанбая. Вскоре послышались ружейные выстрелы. Все в страхе замерли... Мы подумали, что безногий Курбанбай застрелил отца Хакима.

Хаким бросился во двор хромого Курбанбая. Вслед за ним кинулись туда и мы. Увиденное буквально шокировало: посреди двора стоял с ружьём в руках совершенно голый безногий Курбанбай. Я был ошеломлён насколько ужасным и опасным было это стоящее на двух палочках-деревяшках существо с заросшим шерстью огромным телом! Его физиономия распухла, напоминая лёгкие больной скотины, лоб ободран, глаза налились кровью, изо рта текла слюна.

Он был так ужасен, что даже сейчас, по прошествии многих лет, когда я вспоминаю об этом, меня начинает бить дрожь. Я просто не нахожу слов, чтобы описать своё тогдашнее состояние.

Из ствола охотничьего ружья хромого Курбанбая шёл дымок. С ружьём в руках он был похож на какое-то чудовище. Дядя Хамид с трудом вырвал ружьё из рук Курбанбая и быстро ушёл с ним в коровник. Все были в панике: кого же он застрелил? Хаким побежал вслед за отцом. Мы с Рахмоном двинулись следом. В коровнике распластался большой бык. Дядя Хамид стал звать жену Курбанбая. В сарае было темно – глаз выколи.

Когда глаза попривыкли к темноте, мы увидели за лежащим быком буквально сложившуюся вдвое жену Курбанбая. Дядя Хамид поднял её, окликнул: «Келин, келин, вы живы?» Женщина не произносила ни звука. Дядя Хамид вынес её из сарая, слегка потряс: «Келин, откройте глаза!» Потом крикнул собравшимся женщинам: «Воды, скорее принесите воды!» Кто-то быстро принёс из дома ковш воды. Дядя Хамид зачерпнул ладонями воду и брызнул в лицо женщине. Спустя время женщина открыла глаза, со стоном посмотрела на дядю Хамида, потом на собравшихся. От испуга она потеряла дар речи.

В ворота поспешно вошли четверо сотрудников милиции. Увидев их, Курбанбай попытался скрыться в доме, но с одной ноги у него соскочил протез, и он упал. Женщины, застыдившись наготы хромого Курбанбая, стали спешно покидать двор. Милиционеры прогнали и нас, детей. Мы пытались подглядывать сквозь щели ворот, но вышел милиционер Абдураим и разогнал нас, а сам, грозно подбоченясь, остался сторожить ворота, поглаживая свои огромные усы. Дома я рассказал эту историю, и отец отругал меня:

– Не подходи к пьяным. Я же велел тебе даже не приближаться к ним. Что было бы, если бы он направил ружьё на вас?

На следующий день в школе Хаким поведал нам подробности увиденного нами происшествия. По его словам, безногий Курбанбай в тот день сильно напился. Затеял скандал, гонял жену и детей. Не удовольствовавшись этим, он взял ружьё, желая убить жену. Жена убежала в сарай и спряталась за быка. Вот тогда-то Курбанбай и стал стрелять по сараю. Пуля попала в быка, а жена спаслась.

– Неужели такой огромный бык умер лишь от одной пули? – поинтересовался я.

– Ты же слышал, что он два раза стрелял. Бык лежал, вытянув ноги. А ружьё у него – двухстволка... Видели, мой отец несколько не испугался, одним рывком обезоружил хромого. Если бы отец этого не сделал, он бы ещё кого-нибудь застрелил, – гордился поступком отца Хаким. Желая прихвастнуть, он изображал, как отец отбирал ружьё у Курбанбая.

– А ружьё унёс твой отец?

– Нет! Зачем ему ружьё, из которого стреляли в человека? Он отдал его милиционерам, – хвастливо важничал Хаким.

– А что стало с дядей Курбанбаем? А с его женой? В неё пуля не попала? – продолжал я расспросы.

– Нет, жену пуля не задела. Ей от испуга стало плохо с сердцем. Милиционеры быстро вызвали доктора. Дядю Курбанбая и его жену увезли в больницу.

– А почему в больницу, а не в милицию? – продолжал я задавать вопросы.

– Дядя Курбанбай – больной человек, инвалид. А его жене стало плохо с сердцем, я же уже говорил, – ответил он.

Однажды, придя к Хакиму, я увидел, что у ворот дома дяди Курбанбая собралось много народа.

– Что, сегодня снова дядя Курбанбай напился и устроил скандал? – спросил я.

– Ушёл, – ответил Хаким, указывая рукой на небо.

– Куда? – не понял я.

– К Богу, – сказал он.

– Умер? – спросил я.

– Неделю не выходил из дома, заперся и беспробудно пил. Сегодня утром его жена, открыв дверь, заглянула в комнату и обнаружила его лежащим. Войдя, увидела, что он не дышит. Позвала соседей, и они подтвердили, что он мёртв. Приходил доктор, осмотрел его. За четыре дня он выпил целый ящик – двадцать бутылок водки, – рассказывал Хаким.

Вернувшись с похорон Курбанбая, отец сказал маме: «Каким замечательным парнем был раньше покойный Курбанбай! Все завидовали ему. Но, лишившись на фронте ног, стал пить и потерял все. Как жаль парня!» А мама ответила: «Будь проклята война! Будь проклята водка и те, кто её производит! – и с горечью добавила: – На всё воля Бога. Видно, такая горькая судьба была ему на роду написана...»

* * *

III. Есть ещё одна причина, почему я боюсь пьяных. Этот случай произошёл в годы моего студенчества. Тогда я помог одному пьяному человеку и получил хороший жизненный урок...

В жаркий летний день, стоя на автобусной остановке, я увидел подходящего с двумя пакетами подмышками человека. Шёл он с трудом, насилию переступая ногами и слегка покачиваясь. Когда он дошёл до середины улицы, один из пакетов выскользнул у него из рук, содержимое высыпалось. Человек сел прямо на асфальт посередине дороги и стал собирать рассыпанное. Машины притормаживали, объезжая его, некоторые нетерпеливые водители кричали: «Уйди с дороги! Поторапливайся!» Но когда он собрал почти все, задел второй пакет, стоящий рядом. Из него на дорогу покатались фрукты.

Я не мог равнодушно смотреть на это и поспешил к нему на помощь. Человек попытался подняться, но пошатнулся, не сумев выпрямиться. Я поднял его, подхватив под мышки. От мужчины несло спиртным. Я тут же вспомнил наказ отца: «Сынок, не приближайся к пьяному. Увидишь пьяного – беги от него прочь!» В какое-то мгновение я хотел уйти, но бросить его в таком

состоянии было бесчеловечно: хоть и пьяный, но все же человек! Дай, думаю, посажу его в автобус. Взял в руку оба пакета, а другой рукой поволок его к остановке, усадил на скамейку, поставил пакеты рядом. Спросил: «Какой автобус вам нужен? Куда вы едете?»

Не ответив на мой вопрос, он взглядом показал, чтобы я сел рядом. Я вынужден был это сделать. Держась за сердце, он прохрипел:

– Мне с сердцем плохо. Принеси бутылку ледяной Ташкентской воды.

Я поспешно пересёк улицу, по которой двигался непрерывный поток машин, и принёс бутылку минералки. Бутылку он осушил залпом. Отёр рот и бросил пустую бутылку прямо на асфальт. Хорошо ещё, что бутылка, долетев до середины дороги, не разбилась. Я стремглав помчался туда, подобрал бутылку и отнес её в урну. В это время подъехал автобус.

– Какой автобус вам нужен? 75-й подошёл, – сказал я, взглянув на номер автобуса.

– Какой? Посмотри на номер. Ты сказал, 75-й? Мне нужен 94-й. Не уходи. Я плохо вижу. Посадишь меня, – сказал он. Попытался подняться, но пошатнулся и снова сел.

В это время подошёл 94-й автобус, и я сказал ему:

– Ваш автобус. Я помогу вам...

– Какой? – переспросил он, прищурив глаза.

– 94-й!

– Дай мне хоть немного отдышаться. Уеду на следующем, – капризно сказал он и опять подозвал меня к себе. Пришлось подсесть. Он, кряхтя, положил руку мне на плечо и, брызгая слюной, спросил:

– Откуда ты родом?

– Из Самаркандской области.

– А зачем приехал в Ташкент? – хмыкнул он.

– Я студент, учусь.

– Хорошо учишься? Или проматываешь отцовские деньги? Надо учиться, если хочешь стать человеком. Учись! Слышишь, учись!

– Да учусь я, – сказал я, недовольный его нравоучениями, и встал, желая отойти подальше.

– Как тебя зовут?

Я ответил. В это время опять подошёл 94-й автобус.

– Ваш автобус пришёл. Идите, я подам ваши пакеты, – сказал я.

– Зачем ты меня обманываешь? Ведь 94-й автобус только что ушёл, – прохрипел он неприятным голосом.

– Я не обманываю. Этот автобус тоже 94-й, – ответил я.

Он сердито уставился на меня:

– Нет! Ты обманываешь! – сказал он и начал рыться в кармане. Повидимому, не найдя того, что искал, он обратился ко мне:

– Где мой кошелёк? – грозно заорал он.

Я разозлился: откуда я мог знать, где его кошелёк?

– Ты взял! Кошелёк был в кармане! Подсел ко мне и вытащил кошелёк. Верни! – угрожающе зарычал он.

Я растерялся, не зная, что предпринять. В душе ругая себя, я хотел повернуться и уйти, но он крепко вцепился в мою руку. Меня мутило от его мерзкого запаха, и я сбросил его руку.

– Найди мой кошелёк! Отдай его! Вор, вор! Держите его! – во весь голос орал он. На остановке было человек пять-шесть. Они окружили нас.

– Он украл мой кошелёк! Выхватил его у меня! – кричал он, жалобно глядя на окружающих. Один из стоящих, схватив меня, начал выворачивать мои карманы. Ничего, кроме мелочи, он в них не обнаружил.

– Надо сдать его в милицию! – сказал кто-то из толпы. Двое рослых парней заломили мне руки и поволокли в отделение милиции.

РОВД находился рядом с остановкой. Почти волоком они притащили меня туда. Сидевший у входа дежурный майор, увидев нас, спросил: «Что случилось?»

– Мы поймали вора! – ответили они, указывая на меня.

– Где? Что украл? – спросил он.

– На автобусной остановке он украл кошелёк у одного человека, – сказал один из державших меня.

– Отведите его в одиннадцатую комнату. Там работают с карманниками. Это справа по коридору, – сказал майор.

Меня отвели. В кабинете сидели двое молодых парней, одетых в гражданскую одежду, о чём-то разговаривая между собой и смеясь.

– В чём дело? – спросил тот, что сидел ближе к двери.

– Поймали вора, – торжественно объявил парень, будто совершил по меньшей мере подвиг. – Он украл кошелёк у пожилого человека.

– Ты знаешь его, Фазыл? – спросил сотрудник милиции, глядя на напарника, сидящего за столом, закинув ногу за ногу.

– На ребят с нашего района он не похож.

– Откуда ты? – спросил, поглядев на меня, Фазыл. – Ты из шайки Чижика? Или прибыл сюда на гастроли?

– Никакого Чижика я не знаю, – ответил я. – И вообще, что значит «прибыл на гастроли»?

– Гастролёр, – решил Фазыл. – На наших ребят не похож. Те не стали бы воровать рядом с милицией.

– Где кошелёк? – вглядываясь в меня, спросил он.

– Я не видел никакого кошелька и ничего не крал, – ответил я.

– Быстро доставай кошелёк. Иначе, знаешь, что я с тобой сделаю? – угрожающе прикрикнул он на меня.

– Да не брал я никакого кошелька! Они, ни о чём толком не расспросив, безосновательно обвинили меня в воровстве.

Фазыл с угрожающим видом встал и принялся грубо обшаривать мои карманы. Из карманов была извлечена мелочь.

– Где кошелёк? Найди его! Передал сообщникам? – грозно произнёс он, пристально глядя мне в глаза, и с силой кулаком ударил меня в живот.

Я не ожидал этого. От полученных сильных ударов и пинков я буквально остоленел. Когда же немного пришёл в себя, сказал:

– Почему вы бьёте меня? Что плохого я сделал? Сначала спросите у меня, что произошло. Почему вы верите только чужим словам?

– Что ты говоришь? Вздумал учить нас, что делать? – возмутился Фазыл, намереваясь продолжить избиение.

– погоди, Фазыл, – сказал его напарник. – Не горячись. Пусть он тоже расскажет, что произошло. Сначала возьми заявление от «терпицы».

Уставившись на приволокших меня парней, он спросил:

– Чей кошелек он взял? Что в нём было? Быстро садитесь и пишите!

– Он забрал кошелек не у нас, а у одного человека на остановке, – ответили они одновременно.

– И где этот человек? Почему не пришёл? Позовите, пусть явится, – велел парень, сидящий за ближайшим столом.

Как выяснилось в дальнейшем, звали его Шавкат.

– Он остался на улице, – сказал один из тех, кто привел меня.

– Позовите его! Нам нужен сам «терпила», – распорядился Шавкат и, поглядев на Фазыла, сказал ему: – Сходи! Посмотри, где он!

Спустя продолжительное время Фазыл сообщил, что не нашел «терпи-лу» на остановке, заглядывая даже в поисках его в чайхану.

– Кто он? Вы его знаете? Надо найти, – сказал Шавкат.

Парни, приведшие меня, ответили, что не знают пострадавшего, и задержали меня потому, что я сидел рядом с ним.

– Почему же он сам не пришёл? – вновь спросил Шавкат. – Может быть, он клеветал? Ты его знаешь? – обратился он ко мне.

– Этот человек переходил улицу, нес под мышками два пакета. Один пакет упал, из него все высыпалось, я помог ему, а теперь подвергаюсь несправедливым обвинениям.

Шавкат задумался. Потом, глядя на Фазыла, сказал:

– «Терпила» нет, кошелька тоже нет. Ладно... всё равно надо дело узаконить.

Он дал задержавшим меня парням бумагу, ручку и стал задавать вопросы о том, почему они привели меня. Потом их отпустил, а меня оставил и снова стал допрашивать, требуя, чтобы я сознался, что украл кошелек и передал его сообщнику. Всё детально записал.

Я описал все, как было в действительности. Фазыл прочитал написанное мной, скомкал бумагу и швырнул её мне в лицо. Потом схватил меня за шею и с силой прижал к столу. Было больно, я хотел высвободиться. Он замахнулся, желая вlepить мне пощёчину. Я уклонился, заслонив лицо ладонью.

– Эй, силач! Ты что, вздумал сопротивляться милиции? – глядя на Шавката, он сказал с ехидцей: – Надо бросить его в подвал. Пусть там его разденут и хорошенько надерут ему задницу.

– Знаешь, что такое подвал? Пробудешь там ночь, а наутро как миленький напишешь, где спрятал кошелек и кто твои сообщники.

Он велел мне снять часы, шнурки с туфель и ремень с брюк. Я снял всё и положил на стол.

– Ничего на осталось? Проверь карманы, – сказал Шавкат.

Фазыл снова обшарил мои карманы. В заднем кармане брюк был студенческий билет.

– Оказывается, он студент, – сказал он.

– И где учиться? – спросил Шавкат.

– Написано «Политехнический институт», – ответил Фазыл.

– Очень хорошо! И в институт напишем, что их студент занимается карманными кражами. Напишем! Пусть его выгонят из института!

Услышав это, я опешил: за то, что сделал доброе дело незнакомому

пьяному человеку, я был оклеветан, избит в милиции, меня еще и из института отчислят?! А что скажут мои домашние? Скажут, что исключён из института за кражу?

А что подумает обо мне Захида? Ведь сегодня я надеялся на встречу и приятную беседу с ней. Захида – продавец в обувном отделе большого магазина, находящегося рядом с РОВД. Я познакомился с ней на дне рождения однокурсника и часто заходил в магазин пообщаться.

Я чуть не заплакал от огорчения и досады.

Меня вывели в дежурную комнату и велели запереть.

– А рапорт не подадите? – спросил дежурный.

– Рапорт напишу после обеда, – ответил Фазыл дежурному. – Поместите его в одиночную камеру.

«Сейчас спустят в подвал, в подземелье... Что это за место?» – запаниковал я.

– Ты, вроде, похож на нормального парня. Зачем же ты совершил кражу? У тебя что, нет родителей? – спросил дежурный.

Я рассказал ему, что родители живут в Самарканде, что я студент, просто хотел помочь переходившему улицу незнакомому пьяному человеку и был оклеветан.

– Но ведь парни, которые привели тебя, не были пьяными...

Я пояснил, что сам «потерпевший» исчез, его не нашли.

– Что ты сделал с кошельком? – словно не слыша меня, спросил дежурный.

– Какой кошелёк? Я ничего не брал у пьяного.

Майор пристально поглядел мне в глаза: «Ты говоришь правду? Не обманываешь?» Потом указал на стоявший в углу стул: «Садись! Давай всё выясним!»

Я сел на стул. На душе у меня кошки скребли: я представлял, как будет направлено письмо в институт, меня исключат, я буду опозорен. В это время вошёл солидный мужчина в форме полковника. Майор поспешно вышел из комнаты и, вытянувшись в струнку, отдал честь. Взгляд полковника упал на меня:

– Почему он сидит в дежурной комнате?

– Он карманник. Велели ему пока посидеть здесь.

– Почему? – спросил полковник.

– Во-первых, не дали рапорта. Во-вторых, нет ни заявителя, ни вещественных доказательств, – ответил майор.

– Кто доставил? – спросил, явно начиная злиться, полковник.

– Двое парней приволокли, сказали, что он украл кошелёк. Но сам он говорит, что не брал. Он студент. Искали «терпилу», но не нашли. Похож на нормального парня, – сказал майор убеждённо.

– Отведите его ко мне в кабинет, – сказал полковник и степенно направился в конец коридора.

Майор завёл меня в кабинет, на двери которого была табличка с надписью «Начальник районного отдела внутренних дел полковник милиции Шарифханов». В кабинете он подробно расспросил меня, кто я, где учусь, кто мои родители, что произошло. Он говорил со мной как с сыном – мягко, ласково. Однако почему-то мне казалось, что он не верит моим словам, хоть

и не показывает этого. Нервы мои не выдержали, и я разрыдался.

– Отчего ты плачешь? – спросил начальник, подходя ко мне и... погладил по голове.

Я рассказал ему, что Фазыл и Шавкат, обвинив меня в том, чего я не совершал, угрожали написать письмо в институт, меня, конечно же, исключат.

– Не горюй. Мы всё тщательно проверим. И, если ты говоришь правду, ничего плохого не случится, – сказал он.

– Я говорю правду. Дядечка, пожалуйста, скажите, чтобы всё хорошенько проверили!

Начальник засмеялся, положил руку мне на плечо: «Не волнуйся, конечно, всё проверим и выясним. Ты любишь читать? Какие книги ты читал? Читал о Шерлоке Холмсе? У нас есть такие парни, которые с первого взгляда определяют, кто вор, а кто честный».

Потом он вызвал майора и велел меня отпустить. А когда придут Фазыл и Шавкат, пусть срочно явятся к нему.

Прошло немало времени, прежде чем явились Фазыл и Шавкат. Увидев меня в коридоре, Фазыл злобно рявкнул:

– Почему ты сидишь здесь, а не в подвале? Кто тебя выпустил?

– Начальник, – ответил я.

Увидев их, дежурный сообщил, что они должны срочно явиться к начальнику, парни молча переглянулись, поправили одежду и направились к кабинету начальника.

Спустя какое-то время оба вышли не в себе. Фазыл подошёл ко мне и, злобно вращая глазами, приказал: «Срочно напиши обо всём, что произошло».

Я описал произошедшее так же, как сделал это и ранее. Фазыл со злостью взял написанное у меня из рук и, не читая, положил в ящик стола. Потом вернул мне мои вещи: «Вали отсюда побыстрее, чтоб я больше не видел тебя, черномазый!» А когда я уже выходил, он угрожающе добавил: «Смотри, ещё не пожалуйся начальнику! Надо быть мужчиной!»

Выходя из здания, я поблагодарил дежурившего майора. Ведь если бы он посадил меня в подвал, не увидел бы меня начальник. Если бы он не сказал начальнику обо мне, тот не стал бы разговаривать со мной. И что бы тогда со мной было?

Прошло немало времени после этого случая. Теперь я уже на пенсии. Но до сих пор в памяти моей живы воспоминания об этом инциденте и истинные отеческой доброте начальника отдела внутренних дел. И на душе у меня становится светлее. Жив ли он сейчас? В своих молитвах я всегда поминаю его.

* * *

IV. Все мы люди, и каждый – творение Бога. Но человек часто ошибается, заблуждается, сбивается с пути истинного...

Вот и я... как ни стараюсь держаться от пьяных подальше, обязательно пересекаюсь с ними. Вот что, к примеру, случилось со мной на днях. Расскажу и об этой невесёлой истории...

Был разгар знойного лета. С самого утра солнце раскалило всё вокруг.

Нет даже намёка на слабый ветерок. Мы завтракали, когда из кишлака позвонил племянник и сказал, что едет к нам с женой и сынишкой.

Дочка попросила меня сходить на базар, а сама начала уборку в доме.

За время, пока я не пользовался машиной, она запылелась, я тщательно протёр ее и выехал на базар Эски Джува. Поставив машину на автостоянку, я зашёл на рынок и купил нужные для плова продукты. Но, вспомнив о зелени, направился вниз по ступенькам, где женщины торговали зеленью.

– Почём зелень? – спросил я.

– Три пучка на тысячу сумов. Но вам я дам четыре пучка на тысячу, – любезно предложила молодая женщина.

В это время подошёл какой-то толстопузый молодец: «Ну, молодуха, оплати талон за место!» – грубо обратился он к женщине.

– Братец, я ещё ничего не продала. Если подойдёте чуточку позже, я оплачу талончик, – сказала женщина умоляюще.

– Каждый день вот так морочите мне голову. Что, я должен к вам подходить по десять раз? Мне что, больше делать нечего? Давайте деньги! – повысил он голос.

– Я же каждый день плачú. Разве когда-нибудь было, чтобы я не заплатила? Чтобы прокормить детей, я два-три раза в неделю привожу зелень со своего приусадебного участка. Продаю три-четыре пучка за тысячу сумов. Я ведь не беру дешёво у перекупщиков и не перепродаю подороже. Чтобы меньше платить, торгую прямо на земле. А вы берёте с меня столько же, сколько с тех, у кого есть торговое место, – сказала женщина недовольно.

– Меньше слов! Давайте побыстрее, а нет – уносите свой товар! Здесь вообще нельзя торговать! Антисанитарию разводите! Купите место в торговых рядах и продавайте там.

– Я бы и хотела купить место, да очень уж дорого! К тому же ещё и «шапку» просили.

– Хватит канитель тянуть! Нет у меня времени. Давайте деньги или убирайтесь вон! Как будто вы даёте эти деньги мне! Не мне – государству платите.

Женщина сняла завязанный на запястье платочек и, побледнев, со слезами отдала контролёру всё, что там было.

– Давайте ещё две тысячи сумов. С сегодняшнего дня повышение. Что, не знаете об этом? – со злостью спросил он.

– У меня нет больше денег! Поверьте, голубчик! Вот продам и обязательно отдам, – упрасивала женщина.

– Не надо клянчить! Не заговаривайте мне зубы! Завтра заплатите. Не забудьте!

Он направился к другой женщине, тоже торгующей зеленью. Меня разозлило его поведение, и я спросил его:

– Если ты собираешь деньги для государства, то почему не даёшь квитанцию?

– А вы кто такой? Почему вмешиваетесь в мои дела? – угрожающе двинулся он на меня.

– Обычный гражданин. Вам не стыдно с женщины, продающей четыре пучка зелени, брать столько денег? Она ведь продаёт не на торговом месте, а сидя на земле, – закипая, произнес я.

– Дядя, не вмешивайтесь! Я уважаю ваш почтенный возраст, иначе поговорил бы с вами по-другому, – сказал контролёр.

– Я буду на тебя жаловаться, – ещё больше разозлился я.

– И многие другие, кроме вас, пишут. А кому же вы будете писать? – он явно насмеялся надо мной.

Стоящий рядом со мной незнакомый человек, наблюдавший за инцидентом, посоветовал мне:

– Да бросьте, дядя! Не надо портить себе настроение. Куда бы вы ни обратились, поддержат не вас, а их. Кто будет слушать таких, как мы с вами? Ведь каждую неделю вот эти доставляют пакеты и коробки в дома прокуроров, налоговиков, хакимов, – проворчал он.

Я подумал, что этот человек, пожалуй, прав. Чего я добьюсь, кроме своего испорченного настроения? Луше поберегу собственное здоровье.

На выезде с автостоянки я заплатил человеку с устрашающей внешностью за стоянку. Он потребовал ещё тысячу.

– Стоимость стоянки ведь была 1000 сумов. Что, опять повысилась? – спросил я.

– Не я, государство повысило, – ответил работник со злостью. – Не слышали, что ли, что зарплаты повысили? Телевизор надо смотреть!

Мне не понравилось, как этот человек грубо и презрительно себя ведёт.

– Я инвалид второй группы. А для инвалидов есть льготы! – упрямо заявил я.

– Какие льготы? Если вы инвалид, не надо водить машину!

– Слушай, у тебя совесть вообще есть? – повысил я голос.

По-видимому, моё недовольство на него ничуть не подействовало, и он раздражённо ответил:

– Хватит время тянуть! Давайте ещё тысячу сумов. Мы же тоже вечером сдаём план, у нас касса есть. Знаете, что такое «касса»?

Я протянул ещё тысячу, которую он поспешно выхватил у меня из рук и открыл шлагбаум. Чека, конечно, не дал. Это снова разозлило меня:

– Почему не дали чек? Давайте!

– До чего же вы нудный человек! Зачем вам квитанция? Выставите в музее в качестве экспоната? Или вечером будете писать отчёт жене? – язвил он.

– А что, государство подняло цены и заодно отменило необходимость выдавать квитанции за произведённые платежи?

– Что вы такое говорите? Побыстрее выезжайте! Стоящие за вами водители заждались! Мне некогда с вами препираться! Некогда! Отъезжайте! – раздражённо замахал он.

Стоящие позади машины стали сигналить, и я вынужден был отъехать, хотя мне очень хотелось продолжить спор. Увы...

На всех рынках собирать деньги и не давать квитанции – общепринятое явление. И что с этим поделать? Для каждого билетёра, контролёра, охранника, весовщика, работника туалета, кладовщика и даже тех, кто ходит по рынкам с тележками, базарком устанавливает определённый «план». И, если он сегодня не сдаст этот «план», завтра будет лишён работы. Тысячи людей ищут работу и готовы дать «шапку» или «на лапу».

Но ведь и базаркомов нельзя винить. И у них свои расходы: хакиды, прокуроры, налоговики...

В таких тяжёлых раздумьях я свернул на большую дорогу и поехал домой, в сторону Бешагача. Уже подъезжая, я увидел стоявшего у магазина парня с сумкой в руке, который подавал мне знак остановиться. По его поведению было видно, что он очень спешит. Подумав, что, возможно, ему по пути со мной, я остановился. Парень попросил подвезти его до Камолондарвазы.

– Я еду на Бешагач, в сторону Камолона мне не по пути, – сказал я.

– Дядечка, дядя, я очень спешу, – стал уговаривать он меня.

По натуре я человек впечатлительный и сердобольный. Из-за этого мне приходилось немало страдать.

Вот и на этот раз получилось так. «Так и быть, молодой парень спешит, Камолон недалеко», – подумал я и согласился.

Парень с трудом поднял большую сумку и устроился с ней на заднем сидении. Как только он сел в машину, мне в нос ударил запах спиртного. Эх, если бы я знал, что он пьян, ни за что бы не взял его. А теперь как-то неудобно высадить из машины. Подъехав к улице Камолон, я остановил машину и сказал: «К месту назначения прибыли, братец! Сойдётся?»

По-видимому, он спал. С трудом продрав глаза, огляделся вокруг:

– Поезжайте прямо-прямо! На следующем повороте свернёте направо! – сказал он не терпящим возражения тоном.

– Вы же сказали, что сойдёте в начале улицы. Вот сюда мы и прибыли. Выходите.

– Это же такси? Почему не едете? – грозно заорал он. От его прежней вежливости и обходительности не осталось и следа. Я сожалел, что откликнулся на просьбу незнакомого человека, даже не договорившись об оплате, когда сажал его в машину. Посадил только потому, что тот жалобно упрашивал меня.

Не зная, что предпринять, я вынужден был поехать. Пришлось исколесить немало узких улочек, разыскивая его дом. Перед одним из домов он вдруг заорал: «Останови!» Вздвогнув, я резко затормозил. Беспрестанно сквернословя, он не выходил из машины. И тут его стошнило. Машина наполнилась мерзким запахом рвоты. Я попытался помочь ему выйти из машины, он грозно заорал:

– Зачем ты меня тянешь? Убери руки!

– Ты испоганил мне всю машину! Вылезай!

Он, шатаясь, вылез из машины и стал орать ещё громче. Я не знал, как от него избавиться.

Услышав крики, из ворот вышли две женщины – молодая, по-видимому, жена, и более зрелого возраста. Увидев их, пьяный осмелел и, схватив меня за воротник, стал трясти. Едва держась на ногах, он пытался ещё и избить меня. Желая нас разнять, молодая стала оттаскивать его. Пьяный отпустил меня и поднял ногу, желая пнуть жену, но не удержался и упал ничком. Он пытался подняться, но у него ничего не получалось. Жена плакала, а женщина постарше, взяв парня за руку, попыталась его поднять. Это удалось сделать с моей помощью.

Из ворот соседнего двора вышел внушительного вида парень и, увидев происходящее, укоризненно покачал головой:

– Когда у этого неисправимого, наконец, появится совесть? Всем это уже надоело. Этот негодяй всегда так себя ведёт. Позорит всю махаллю.

Он взял пьяного за ремень и поволок во двор.

В машине было невыносимое зловоние. Я попросил женщину принести воды и тряпку. Она принесла, но, заглянув в салон машины, сама начала уборку.

– И за что моей дочери досталось такое горе? Испортил ей жизнь, унижает, позорит такую красивую, умную девушку. Она с ним и развелась бы, но... двое детей.

– А лечить не пробовали? – спросил я, вспомнив, что дядя Малик излечился.

– Лечили, и не одиножды, много раз. Всё бесполезно. Не пройдёт после лечения и месяца, как он снова уходит в запой. Если Бог не даст ему совести и сам он не образумится, ничего не получится. У дочки уже сил не осталось... – вздыхая, рассказывала пожилая женщина.

– Наверное, он и поездку не оплатил. Сколько надо? Сейчас я вынесу из дома деньги.

– Да бросьте, ничего не надо, – с облегчением вздохнул я, довольный, что относительно легко отделался от пьяного, и женщина помогла привести машину в порядок.

– Нет-нет, я сейчас вынесу, – настаивала женщина.

– Оставьте, ничего не надо, – сказал я, отъезжая.

Находиться в машине было невозможно: тошнило от отвратительно стойких запахов. Я вынужден был заехать на автомойку. Сняв с сидений чехлы, я заплатил двойную цену, чтобы машину вымыли внутри и снаружи.

Домой я попал уже к вечеру. Гости и дочка, обеспокоенные моим долгим отсутствием, уже начали звонить знакомым. Я рассказал им о случившемся и вновь повторил наставление моего отца: «Не приближайтесь к пьяному человеку! Бегите от него! Если же увидите издали – обойдите!»

Теперь и я говорю своим детям и внукам: «Не пейте, не дружите с пьяными! Бегите от пьяного прочь, как от чумы!»

Перевод с узбекского Галины Рахматуллаевой.

Галина РАХМАТУЛЛАЕВА. Родилась в 1946 г. Окончила ТашГУ (ныне НУУЗ). Кандидат исторических наук, доцент кафедры узбекского и русского языков УМЭД. Автор ряда учебников, учебных пособий для школ, лицеев и вузов, научных и публицистических статей, стихотворений и рассказов. Член-корреспондент АПЧН (Москва).

Наталья ЕРЁМЕНКО

Обрушились мои года дождями...

Огнева заимка

Рождаясь из маленьких капель росы,
из плоти ползучих туманов,
огромная туча гнетущей красоты
нависла над краем поляны.
В предчувствии жуткого поле и лес
покрылись белесою дымкой.
Гроза разразилась, ударив с небес
по нежным зеленым косынкам
всей мощью стихии воды и огня!..
И вновь небеса – голубые.
Внизу, в основании жухлого пня,
блестящие шляпки грибные.
Мурашка промокая напролом
с добычей спешит в муравейник.
За падью чуть слышно трещит бурелом
и носится ветер-затейник.
Вдогонку за ветром умчалась гроза,
последние капли роняя.
И слышно: жужжит стрекоза-егоза –
беспечная краля лесная.
Тепло. Будто не было сильной грозы,
вон радуга в речку глядится...
И капли застывшей на травах росы
развесили всюду ресницы.

Наталья ЕРЁМЕНКО (1954–2013). Поэт, художник. Родилась в Ташкенте. Публиковалась в периодических изданиях и альманахах Узбекистана. Активно участвовала в бардовском движении Узбекистана, входила в жюри и оргкомитет республиканских и международных бардовских фестивалей, автор ряда известных песен.

* * *

Памяти Алочки Менделевой

А умирают в одночасье, вдруг,
не изнуряя близких угасаньем.
Внезапно горе. Боль, испуг
внезапны. Смерти тихое касанье
заставит призадуматься: назад
не возвратиться, что-то не исправить.
И рай земной вдруг превратится в ад.
...И остается с нами только память.

* * *

Ах эти азиатские погоды!
Январь с заблудшими ветрами...
Мне всё, увы, сегодня неуютно
и тошно с подоспевшими летами,
немало поплутавшими по свету,
спешащими всегда за мною вслед...
А память возвращает мне портреты
разлюбленных... Но разлюбивших – нет!

Обрушились мои года дождями,
последним снегом, стоявшим с утра,
мгновенно уходящими днями...
Быть может, оглянуться мне пора?
Не оглянусь, хоть и живется лихо.
Прикаянность, не тронь душевных струн!
Пусть унесет мою кручину вихрь,
как старую замшелую листву.

* * *

Луна – на убыль,
друзья – на убыль,
года – на убыль,
всё – словно небыль.

Судьба голубой
летит по кругу.
Снимаю угол...
Полцарства мне бы!

Первое стихотворение

Кроны обнищавшие
кое-где в пыли,
под листвою опавшею
не видать земли.

Рвань лохматой тучи
хмурит небосвод,
обрывает сучья
ветер-садовод.

Но висит упрямо
паутины клин,
меркнет цвет багряный,
сед осенний сплин.

Лишь синеют ели,
воздух терпок, прян.
Скоро снег расстелет
белый дастархан.

Миллениум

I

Время – как липучая бумага,
на которой медленную смертью
умирали мухи. Время магов,
обезумевших к концу столетия:
свет без тени, правда без обмана
и горенье без шепотки пепла.

II

Смерть пока не стала шовинисткой –
косит всех подряд одной секирой.
Обретая вечности прописку,
дух говеет над земной квартирой:
жизнь – давно потраченные деньги,
потерявшие и цену, и значенье.

* * *

Памяти Юлии Друниной

Я вышла раньше, чем обычно...
В густом тумане
гудит фонарь ключом скрипичным
на нотном стане.

На проводах вороны-ноты
расселись гулко...
Котов влекут свои заботы
по переулку...

Куда идти в такую рань?
Сама не знаю.
Тумана марлевая рвань.
Звенят трамваи.

Рассвет покоя не принес,
туман всё пуше...
А в переулке брешет пес
на день грядущий.

Чилия

Солнце с утра – слепящее,
воздух горяч до одури...
И, к огорчению вяшему,
ветер сказался лодырем.

Азия. Средняя. Знойная.
Степи бескрайние, пыльные.
Крики торговков назойливы,
брызги фонтанов – обильные.

Всё и контрастно, и красочно –
буйство цветов и пустыня.
А в чайхане – свой да сказочный
юмор Ходжи Насреддина.

Это – чилия беспощадная:
жалобы, охи, упреки...
Ах, зреет кисть виноградная
только на солнцепеке!

ИМЯ АМИРА ТЕМУРА В РОССИИ

Мустафа БАЙЭШАНОВ

В истории государственности имя прославленного узбекского полководца и государственного деятеля Амира Темура, занимает особое место, оно получило известность не только в России, но и во всем мире. В России Амир Темура стал известен потому, что полководец, выступивший в поход на Тохтамыш, прошел рязанские земли и взял город Елец, затем двинулся в сторону Москвы. Видимо, Темура не ставил своей целью завоевывать русские земли. Как свидетельствуют русские летописи о нашествии Темура, его армия стояла по обе стороны реки Дон две недели и захватила Елец, в результате чего был пленен елецкий князь. Известный летописец Али Язди свидетельствовал о большой добыче, захваченной в русских землях, а также подарках, присланных из различных русских княжеств, не желавших вооруженного конфликта с Темура.

Амир Темура, преследовавший армию Тохтамыша, окончательно лишил его престола, и Золотая Орда как государство уже никогда не сумела восстановить свою былую мощь. Своей победой над заклятым врагом России – Тохтамышем – Темура оказал неоценимую услугу русичам, невольно поддержав развитие российской государственности.

Следует особо отметить, что в последующие годы внимание русских правителей и ученых привлекало военное искусство Амира Темура. Были проведены специальные исследования о его трёхлетнем, пятилетнем и семилетнем походах. Здесь можно сослаться на известную всем слушателям военных академий книгу генерала Михаила Иванова «О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингизхане Тамерлане», написанную в 1836 -1845 годах. Книга обсуждалась в военном штабе России в Санкт-Петербурге, была одобрена и опубликована в 1875 году. Военные историки хорошо знают, что военное искусство Амира Темура изучалось в начале XX века на «Курсах красных комиссаров», организованных в 1918 году. Слушателями этих курсов были известные в будущем военачальники (в частности, Михаил Фрунзе). Впоследствии он

Мустафа БАЙЭШАНОВ. Родился в 1952г. Окончил Ивановский государственный университет. Кандидат филологических наук, преподаватель кафедры «Русского языка и литературы» Гулистанского государственного университета.

назвал своего сына именем великого полководца. Сын Михаила Фрунзе Тему́р Фрунзе (1923-1942) – лётчик-истребитель, получил звание героя посмертно. На Руси имя Темура зачастую давалось мальчикам-славянам, не имевшим никакого отношения к тюркоязычным народам. Из этого следует, что славяне, из симпатии к личности великого Темура хотели, чтобы их дети были счастливыми, сильными и богатыми. Люди называли своих детей в честь него, а в дальнейшем и потомки наследовали имя как фамилию.

Интересен факт, способствующий распространению имени Темура в России. В конце XVII века деда будущего известного поэта-сатирика Антиоха Кантемира, который звался Темуром, турецкий султан назначил правителем Молдавии, а его сына – будущего отца Антиоха, получившего в России имя Дмитрия, оставил в Стамбуле в качестве заложника. Исследователи в своих трудах неоднократно отмечали исключительную заинтересованность в семье Кантемиров в образовании детей. Так Дмитрий получил прекрасное образование и вскоре стал известным учёным. Дмитрий Кантемир написал на латыни выдающийся труд «История возвышения и упадка Османского двора», известный также под названием «История роста и упадка Оттоманской империи». Собирая материал для этого сочинения Кантемир начал еще в бытность в Стамбуле. После смерти отца Дмитрий взойшёл на престол. Этот день можно считать датой начала российского востоковедения, поскольку у России появился первый востоковед, принесший отечественной науке о Востоке международное признание. Уже через год он навсегда покидает родные края и переселяется в Россию.

Желая освободить Молдавию от зависимости Турции, Дмитрий вступил в переговоры с Петром I и во время Прусского похода перешел на его сторону. Этот поход для русского войска оказался неудачным.

Таким образом начинается новая история бытования фамилии Кантемиров на русской земле. Из этого рода вышли помещики-землевладельцы, политики и поэты, многие известные и знаменитые люди.

В древней Руси, как и в других странах мира, города и земли назывались именами тех, кто был владельцем данной местности. Так посёлок Кантемировка в Воронежской области в прошлом принадлежал роду Кантемировых, откуда и получил свое название. За то, что танковый корпус отличился в боях против немецко-фашистских захватчиков в районе Среднего Дона в январе 1943 года, ему было присвоено почетное звание «гвардейский», и он был преобразован в 4-й гвардейский танковый корпус. А за отличие в боях под Кантемировкой получил почетное наименование «Кантемировский». В годы Великой Отечественной войны верховный главнокомандующий 18 раз объявлял личному составу этого танкового корпуса благодарность за отвагу и отличные военные действия. Спустя время в честь этой танковой дивизии названа Кантемировская улица и станция метро «Кантемировская» в Москве, а также улица Гвардейцев-кантемировцев. Улицы и поселки под этим названием имеются в Санкт-Петербурге, Донской области и республике Башкортостан. 8 сентября 1946 года специальным указом верховного главнокомандующего был проведен марш-парад в честь 4-й гвардейской танковой Кантемировской дивизии на Красной площади в Москве. Этот случай напоминает те далёкие (1395-1396) годы, когда

Темур не стал завоёвывать русские земли и отошел от Москвы.

Согласно письменным источникам, Темур увлекался игрой в шахматы – шатрандж. Некоторые источники сообщают, что эту игру изобрёл сам Темур. Шахматы Темура представляют собой вариант игры в шатрандж на большой доске. Он считал, что лишь три занятия достойны мужчины: война, охота и шахматная игра. Он даже сына назвал Шахрухом – «Королевская ладья». Несмотря на чрезмерную занятость, Амир Темур всегда находил время для шахмат. Играл исключительно черными фигурами. И, как полководец, всегда знал, что при правильной обороне черных атака «белых» всегда захлебнется при равном положении сил.

В башкирском фольклоре есть древнее предание о Темуре, согласно которому впечатлённый рассказами местных жителей посёлка Чишма о Хусаин-беке – первом проповеднике Ислама среди башкирских племён – великий Темур решил навсегда увековечить его имя и светлую память. По его специальному указу в 1395-1396 годах был построен мавзолей Хусаинбека, который до сих пор сохранился в Чишминском районе республики Башкортостан.

Таким образом, имя великого полководца и государственного деятеля Амира Темура, продолжает жить на российских просторах уже несколько веков.

КНИГА О ЛЕГЕНДАРНЫХ МЫСЛИТЕЛЯХ

Кодиржон НОСИРОВ

Так называется книга, вышедшая недавно из печати (Ташкент, издательство «ART FLEX», 2019). Автор книги – Хамиджон Хомиди.

Это имя хорошо известно не только в научных кругах и среди любителей литературы в нашей республике, но и за её пределами. Он – один из крупных специалистов по широко известному памятнику древней письменности «Авеста» и монументальному своду древних иранских мифов и эпических сказаний «Шах-наме», представляющему собой непреходящую историко-культурную ценность для всего цивилизованного мира. Но не только этим знаменит учёный. Читательской аудитории устод Хомиди известен и как автор многочисленных художественно-научных очерков о легендарных правителях, благодаря мудрости которых благоденствовали народы, о деятелях науки, религии, литературы и искусства, внесших неоценимый вклад в культурное наследие Востока. Не без основания доктор филологических наук, профессор, крупнейший литературовед нашей республики А. Хайитметов в своей статье «Фидойи адабиётшунос олим» (Хамиджон Хомидий 70 ёшда. – Ташкент: 2005) именно эти очерки выделил как особую заслугу учёного. Воистину, популяризация научных ценностей в широких массах – дело очень важное, особенно если это касается истории духовности.

Очерки публиковались на страницах многих республиканских и областных газет, уже дважды переиздавались отдельной книгой под названием «Кухна Шарк даргалари» в престижных издательствах столицы. И вот теперь эта популярная книга увидела свет на русском языке в переводе Шахзоды Джурабаевой.

В книгу «Мыслители Востока» вошло 78 очерков, рассказывающих о поистине легендарных личностях, которые ради человека, ради распространения духовно-просветительских идей в обществе, во имя добра совершали подвиги изо дня в день, при этом нередко подвергая себя страданиям и лишениям. Это люди, во имя идеала забывавшие, что может быть и личная жизнь, личные интересы. Это люди, плачущие при виде чужого горя, как над своим личным несчастьем; имена этих деятелей овеяны ореолом славы чудотворцев.

Кодиржон НОСИРОВ. Кандидат педагогических наук, профессор НамГУ. Родился в 1947 г. в Наманганской области, окончил факультет русского языка и литературы НамГУ. Автор ряда монографий, учебно-методических пособий и 400 научно-популярных статей, переводчик.

Это люди, сама жизнь которых есть чудо.

Каждый очерк в книге – вполне самостоятельное, законченное произведение. В то же время пронизанные общей идеей очерки связывает единый стиль изложения, который в известной мере удалось сохранить в русском варианте. Очерки эти одновременно обнаруживают приметы и научного исследования (историко-литературного, философского, эстетического), и художественного произведения (сюжеты, лиризм, изысканный стиль изложения автора). Большинство очерков предваряют краткие биографические сведения о герое. Затем следуют по крупницам собранные профессором предания древности, назидательные притчи, выкристаллизовавшиеся за века, передаваясь из уст в уста, искусно отделанные, как безупречно огранённые ювелирные шедевры, мудрые и в то же время занимательные рассказы, высвечивающие главные черты образов мудрецов.

Необходимо отметить ещё одну важную композиционную особенность «Мыслителей Востока» – не совсем традиционные, небольшие по объёму «Предисловие» и «Заключение» от самого автора.

В «Предисловии» приводится притча о легендарном шахе Джамшиде:

«Однажды, следуя со свитой на охоту, Джамшид останавливается на привал в одном тенистом, роскошном саду, где от множества налитых соком фруктов глаза разбегались. У старика-садовника, вышедшего с поклоном навстречу высочайшему гостю, шах просит попить. Старик, сорвав один гранат, выжимает его сок в пиалу и подаёт властелину. По достоинству оценив неземной вкус живительного сока, шаханшах спрашивает:

– Кому принадлежит сей чудесный сад?

– Никому, – отвечает старик. – Я ухаживаю за ним, плоды вкушают все жители окрестности, все путники-странники, которые следуют по этой дороге.

– Выходит, вы единолично пользуетесь таким огромным садом. Я, Джамшидшах, повелеваю вам отныне платить подать по сто тенге в год из доходов от сада в нашу казну!

Возвращаясь с охоты, Джамшидшах вновь остановился возле того сада, чтобы ещё раз насладиться так понравившимся ему гранатовым соком. Старик сорвал с десятка гранатов, но смог выжать из них лишь полглоточка сока на донышке пиалы. Шах спросил о причине такого необычного явления.

Садовник ответил пословицей:

– Справедливость правит – благодать стране; зло у власти – гибель стране.

Джамшид, поняв свою ошибку, освободил старика от подати. В дальнейшем он правил страной справедливо, и подданные его благоденствовали».

В «Послесловии» книги включено предание о поистине фантастической скромности Абдурахмона Джами, великого классика персидско-таджикской литературы, духовного наставника многих из тех, кто находился у власти.

Таким образом, замечательную книгу Х. Хомиди обрамляют сюжеты о двух важнейших качествах благочестивого человека-праведника – о *справедливости и скромности в быту*. Это есть главная мысль, которая красной нитью проходит через весь сборник.

Да, герои книги Х. Хомиди – это великие наставники человечества, поучения которых зачастую становились руководством для мудрых правителей и исцелением душ страждущих.

Притчи, предания старины, дошедшие до нас в письменной форме, как и все подлинно художественные произведения других жанровых форм, по содержанию зачастую напоминают сказку, обладая великой силой влияния

на читателя. Особенно если речь идёт об исторических личностях. Вот и в рецензируемой книге, знакомясь с той или иной притчей, невольно подумаешь: «Не может быть!» Однако, вспомнив, о ком идёт речь, принимаешь рассказ на веру. Например, кажется маловероятным сюжет притчи, с которым знакомимся в одном из очерков:

«Женщина теряет кольцо, когда купает в тазике своего маленького ребёнка. Заподозрив в краже рабыню, она наказывает ее. При виде этого ребёнок надрывно заплакал, а когда перестали бить обвиняемую, младенец тотчас же умолк. Старшие были удивлены необычному поведению ребёнка, однако причину поняли позже.

Первое, что сказал ребёнок, когда начал говорить, было следующее: «Рабыня была невиновна. Мать уронила свое колечко в тазик, когда меня купала. А рабыня выплеснула воду в помойную яму, кольцо и угодило туда. Однако я не мог сказать об этом, потому что ещё не умел говорить. Вот причина того, почему я плакал, когда били бедняжку, и умолкал, когда переставали бить».

Когда позже разворошили яму, на дне её обнаружили потерянное кольцо.

А этим чудо-ребёнком оказался будущий гениальный врачеватель, поэт и учёный-мыслитель средневековья Абу Али ибн Сина (Авиценна)».

В книге Х. Хомиди особое место в галерее мудрецов занимают яркие фигуры из истории суфизма. Рассказывая о них, автор уделяет основное внимание раскрытию сути такого важного учения суфизма, как «джавонмардлик» (делиться с неимущим тем, что ты имеешь, довольствоваться малым и жить за счёт ремесла, за счёт своего честного труда).

Надо отдать должное Ш. Джурабаевой: в целом она передала идейное содержание книги. Ценность её перевода возрастает в связи с новыми задачами перевода на иностранные языки, стоящими перед узбекской литературой.

Необходимо отметить, что в переводе встречаются и ошибки. Причина их связана с недостаточным знанием тонкостей языка оригинала, т. е. родного языка переводчицы. Вспомним, что перевод – это воссоздание текста, написанного на одном языке, средствами другого. Поэтому основной задачей переводчика является поиск необходимых средств в языке, на который переводят, чтобы результат оказался удовлетворительным. Однако абсолютно точного, т. е. адекватного, перевода почти не бывает. Причина простая: палитры средств исходного языка и языка перевода не всегда бывают равноценными. Чаше всего отрицательно сказывается на качестве перевода недостаточное знание языка оригинала. Более того, в этой профессии национальная принадлежность переводчика, владение языками не всегда являются гарантией успеха. Для того чтобы перевод был точным, необходимо наличие у переводчика способности мыслить и чувствовать на уровне автора оригинала.

Для того чтобы точно передать смысл, к примеру, пушкинского слова, нужно обладать талантом мышления, каким обладал поэт, но это невозможно. Аналогичную мысль я некогда прочитал в биографическом романе Радия Фиша «Джалаледдин Руми», где автор о своём переводе стихов великого поэта говорит: «Всякий перевод стихов похож на оригинал не более, чем обратная сторона ковра на лицевую».¹ В другом месте своей книги Фиш вновь использует это же сравнение, придавая ему несколько иной смысловой оттенок, в другом контексте, где Валед, сын Руми, сравнивается с отцом: «Что ни делает сын, всё правильно и умно – и проповеди его, и стихи. И как-то всё благостно,

¹ Фиш, Радий. Джалаледдин Руми. Издание третье. – М: Наука, главная редакция восточной литературы, 1987, с. 5.

пресно. И стихи его похожи на стихи отца. Только так, как похожа оборотная сторона ковра на лицевую: и страсть в красках не та, и узлы видны».¹ Значит, в поэзии Валеда, по сравнению с Джалаледдином Руми, не хватает чего-то внутреннего, непостижимого для иного. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что в нашем случае переводчице не хватает чего-то, что мешает постичь мысль выдающегося учёного – автора оригинала.

Конечно, перевод Ш. Джурабаевой не стихотворный. Более того, содержащееся в книге Х. Хомиди большое количество поэтических примеров она успешно переложила прозой, иначе говоря, сделала смысловой перевод. Это гораздо лучше, чем иные бездарные стихотворные переводы.

Однако прозаический перевод тоже дело непростое. Смысл и художественные достоинства прозаического оригинала не всегда лежат на поверхности. Подлинно художественная проза обладает едва заметной системой внутренней ритмической организации. Следовательно, полнокровное воссоздание прозы на другом языке таит в себе немало трудностей.

Поэтому некоторые ошибки перевода Ш. Джурабаевой типичны для многих и объясняются недостаточным знанием историко-культурных реалий.

Например, слово «сипохлар» (персонажи настенной росписи Афросиаба) переведено словосочетанием «должностные лица». Данное выражение в контекст не вписывается, выглядит чужеродно с точки зрения стилистики и историзма, так как оно больше характерно для лексики XX века. Если бы в оригинале действительно речь шла о «должностных лицах», как выражается переводчица, то следовало бы применить слово «сановники», оно больше подходит по историческому колориту. Однако к контексту Хомиди и «сановники» не подходит: смысл слова «сипохлар» в оригинале иной – «воины».

Думая о слове «сипохлар», я вспомнил повесть Максуда Кариева «Высоко летают журавли». Несколько лет назад я исследовал перевод этого произведения на русский язык Зоей Тумановой и теперь снова обратился к тексту произведения М. Кариева. Читаю в оригинале:

«Ўнг томонда эса тўйга тўҳфа қилиб афсоновий оққушлар галасини бир неча сипоҳийлар ҳайдаб кетишяпти».²

Перевод: «С правой стороны несколько воинов гонят стаю сказочных белых птиц».³

В повести М. Кариева и в книге Х. Хомиди речь идёт об одной и той же древней росписи, сохранившейся в Афросиабе. В обоих оригиналах фигурирует «сипоҳийлар», но в переводах они разнятся: у З. Тумановой – «воины», а у Джурабаевой – «должностные лица». Если переводчица Хомиди права, то получается, что птиц гонят «должностные лица», т. е. высокопоставленные люди, чиновники.

Переводческие ошибки можно встретить не только у любителей, но даже у больших мастеров этого «цеха».

Думается, что издание «Мыслителей Востока» на русском языке – полезно и необходимо для духовного просвещения каждого из нас.

Однако при последующих переизданиях хорошо было бы пересмотреть названия очерков, вынести в заглавия имена героев, чтобы легче было ориентироваться в книге, быстрее находить нужный материал.

1 Фиш, Радий. Джалаледдин Руми. Издание третье. – М: Наука, главная редакция восточной литературы, 1987, с. 47.

2 Қориев, Мақсуд. Турналар баланд учди. Повесть. – Тошкент: Фағур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1976, 23-б.

3 Кариев, Максуд. Высоко летают журавли. Повесть и рассказы. Перевод с узбекского. – М: Советский писатель, 1979, с. 15.

Когда соберет всех вместе чайхана...

Сергей СТЕПАНОВ

* * *

Жара. Мне голову пекло. На то он и Восток.
Он зная жидкое стекло из осени исторг.
Меня встречал он, словно брат, а не песком пустынь.
Мне подарил он аромат продолговатых дынь.

Вторично зацветал шафран, на ветках сох урюк...
И он мне вовсе не наврал, что был и брат, и друг.
Он зазывал меня домой, в зелёный Гулистан,
я знал, что под его чалмой, какие мысли там.

Прохладный ветер обдувал, и был во всём покой,
и был меж нами не дувал, а лишь уклад другой.
Но прогремело много гроз с тех пор, и мы одни,
и мы живём так долго врозь, что те забыты дни.

И много развелось парши в садах бывлой страны...
Мы мерим всё на свой аршин, но разной он длины.
И я хочу спросить: «Пророк, ужель всему хана?
Когда же снова соберёт всех вместе чайхана?»

Литературный псевдоним Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ. Родился в Новосибирской области. Журналист. Автор нескольких книг, стихов и прозы. Живет в Нижнем Новгороде. В журнале "Звезда Востока" публикуется впервые.

* * *

Это ночь летит над тобой,
звезды дымом опеленав.
Это ветер пахнул травой,
что, как рысий глаз, зелена.

Слушай птичью робкую трель.
Листья первым дождем омыв,
вновь неистовствует апрель,
как в большом бурдюке кумыс.

Будут ветки хлестать лицо,
ветер встретишь в пути своём –
самым быстрым из жеребцов
не догнать его нипочём.

Лишь одна голубая стынь,
лишь простор неземных высот...
Ароматнее спелых дынь
будет ветер полынный тот.

* * *

Раздвину времени я поля,
чтоб вновь испытать восторг.
Ромашковой головой полян
уткнётся мне в грудь простор.
Ковыль, типчак и гусиный лук –
я это всё постигал.
Летит чагравая¹, как тузлук,
ленивая пустельга.
И этот воздух – упругий, как
сайгачий большой прыжок,
и толстый вылинявший байбак
чего-то ждёт, напряжён...

Чего хочу я? Да лишь того,
чтобы не видеть крыш,
чтобы со всех четырех сторон
мир был, словно степь, открыт.

Чтобы я музыкой той дышал,
где не слышать гудки,
чтобы летела моя душа
с ветром вперегонки.

* * *

Здесь в мае еще зелена трава,
парят над ней высоко орлы.
Как будто мельничьи жернова,
крылья их тяжелы.

Древние русла высохших рек.
Сокровиш любых здесь дороже вода...
Но однажды сюда пришёл человек
и остался здесь навсегда.

Он землю пахал и скот свой пас,
задумывал тысячу тысяч дел.
И был у него слегка узок глаз
оттого, что на солнце, шурясь, глядел.

Он шёл, как будто кем-то ведом,
следов на песке оставалась цепь.
У каждого есть свой собственный дом,
а у него – степь.

Она для него – сестра и мать,
и он, даря ей тепло своё,
с полуслова может её понимать,
с полуветра – голос её.

¹ Чагравая - бурая

* * *

Тот город прекрасен и юн –
достался он мне задарма.
Как тысячи маленьких лун,
желтеет на ветках хурма.

Не слышно ликующих птах...
Судьба, ты отъезд мой отсрочь,
пока приютилась в ветвях,
как ласточка, гибкая ночь.

Пока в том примолкшем саду,
где зреет осенняя грусть,
как будто кого-то я жду
и знаю: уже не дождусь.

* * *

Бесконечная волгая муть
от Навашино до Чебоксар...
Не забудь, не забудь, не забудь
этот хмурый промокший вокзал.

Эти голые ветви осин
и мечети парадный пештак¹.
Круглолицые эти часы,
как всегда, вероятно, спешат.

Знаешь, если бы всё да кабы...
Но такое стечение планет,
что теперь в тёмных хлябях судьбы
тонем, где даже воздуха нет.

Сквозь сплошной облаков пуховик
не согреет небесный мангал...
Уходи, побыстрее уходи,
не затягивай горький финал.

Пусть потом будут светлые дни,
будут ветры сквозить по полям.
Разве высушить смогут они
эти слёзы с дождём пополам?

¹Пештак – портал в мечетях, медресе, мавзолеях в виде прямоугольника со стрельчатой аркой.

ЛИТЕРАТУРА И НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

ДИЛБАР ЖАББОРОВА

Нравственное воспитание – целенаправленный процесс приобщения к моральным ценностям человечества и конкретного общества.

Нравственные чувства – это переживание человеком своего отношения к действительности, к своему собственному поведению. В нравственном сознании личности эти чувства находятся в органическом единстве с нравственными понятиями и представляют как бы сплав нравственного, разумного и чувственного.

Нравственное воспитание – одна из сторон многогранного процесса становления личности, освоение индивидом моральных ценностей, выработка им нравственных качеств, способности ориентироваться на идеал, жить согласно принципам, нормам и правилам морали, когда убеждения и представления о должном воплощаются в реальных поступках и поведении.

Понятие «нравственность» по «Словарю русского языка» С. И. Ожегова определяется как внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек; этические нормы; правила поведения, обусловленные этими качествами. В этом толковании понятия «духовность» и «нравственность» во многом перекликаются. В научных источниках понятия «нравственность» и «мораль» тоже часто толкуются как тождественные. Нравственность отражает общечеловеческие ценности, а мораль зависит от конкретных условий жизни различных слоев общества. Меняется форма общественного устройства, меняется и мораль, а нравственность – категория вечная. Нравственное воспитание предполагает воздействие на личность с целью формирования нравственного сознания, развития нравственных чувств и выработки навыков и умений нравственного поведения.

Проблема развития нравственной и духовной культуры общества стоит сегодня чрезвычайно остро, и в связи с этим совершенно очевидна необходимость обращения к искусству как одному из важнейших средств раскрытия нравственного и духовного потенциала личности, стимулирования его развития, средства воспитания молодого поколения, за которым будущее отечества.

Рассматривая содержание нравственного воспитания, необходимо отметить, что оно должно быть направлено на формирование у личности

Дилбар ЖАББОРОВА. Родилась в 1970 году в Сырдарьинской области. Преподаватель кафедры русского языка и литературы Гулистанского университета. Автор нескольких литературоведческих статей.

нравственных отношений к родине, труду, общественному достоянию, охране природы, к людям и самому себе. Чтобы сформировать эти отношения, необходимо включать личность в соответствующие виды деятельности: общественную, патриотическую, учебную, трудовую, в деятельность по охране материальных ценностей, охране природы, в общение с другими людьми и др. В процессе активной деятельности у учащихся формируются чувства совести и ответственности, вырабатываются навыки поведения и укрепляется воля. Без хорошо организованной практической деятельности и умелого стимулирования эти важные задачи решить нельзя.

Большинство молодых людей очень привязаны к родителям, к своим учителям, вместе с тем они претендуют на большую самостоятельность, расширение своих прав, отстаивают свою «взрослость», в результате чего могут возникать конфликты.

В их решении немаловажную роль играет художественная литература, обладающая богатыми познавательными, мировоззренческими, педагогическими, эстетическими возможностями. Литература, как источник знаний и нравственно-эстетических норм, как транслятор культуры и традиций общества во все времена считалась одним из базовых компонентов в воспитании и формировании полноценной личности.

Всякое истинно художественное произведение выстраивается на основе критерия художественности как способа освоения реальности посредством образов в смысловой перспективе художественной идеи. Как форма познания действительности оно расширяет жизненный опыт читателя, создает духовно-эмоциональную среду, в которой органическая слитность эстетических и нравственных переживаний обогащает и духовно развивает личность, дает эмоциональный опыт, выходящий за рамки того, что мог бы приобрести человек в своей жизни, формирует художественный вкус, доставляет эстетическое наслаждение, что является одной из потребностей человека.

Но самая главная, основная функция художественной литературы – это формирование у людей глубоких и устойчивых обобщенных «теоретических» чувств, побуждающих продумывать, выкристаллизовывать свое мировоззрение, определяющих это мировоззрение, превращающих его в действенную силу, направляющую поведение личности.

Роль художественной литературы во всестороннем воспитании личности раскрывается во многих работах,¹ где отмечается, что необходимым условием использования художественной литературы в нравственном воспитании является органическая связь ее с теми конкретными задачами нравственного воспитания, которые выдвигает время и общество.

Эпизодическое чтение художественных произведений не дает воспитательного эффекта, даже если они оказывают сильное эмоциональное воздействие. Когда чтение ценного в воспитательном отношении произведения не подкрепляется чтением других, близких ему по нравственной идее, первоначальное влияние произведения снижается, вытесняется другими впечатлениями. Поэтому важно подкреплять морально-эстетические чувства, руководя чтением и работой с текстом.

Художественная литература демонстрирует нормы нравственного поведения, но не в виде сухих навязчивых формул, а в виде ярких художественных образов, эмоционально воздействующих на читателя. В подлинно художественном произведении мораль логически вытекает из

1 М. М. Кониная, А. И. Божович, А. С. Славина, Т. В. Ендовицкая.

поступков и поведения героев.

Например, в повести Быкова «Обелиск» значительную роль играет судьба человека, связанная со сложным нравственным поиском. Герой его повести в какой-то момент своей жизни обязан сделать свой выбор. Иногда это стоит ему жизни. В повести нравственная проблема всегда служит тем ключом, который помогает приоткрыть дверь в произведении, которое, на первый взгляд, может показаться описанием обычного фронтового эпизода. На этом основана повесть «Обелиск». Особенно интересуют Быкова такие ситуации, в которых человек должен руководствоваться не прямым приказом, а единственно лишь своим внутренним чутьем. Учитель Мороз из повести «Обелиск» воспитывал в своих учениках все самое хорошее, доброе. И во время войны его ученики устроили покушение на полиция. Их арестовали и должны были расстрелять, однако сказали, что отпустят, если придет их учитель, укрывавшийся в то время у партизан. Мороз прекрасно понимал, что, даже если он и придет, их все равно расстреляют. С точки зрения здравого смысла являться Морозу в полицию было бесполезно: враги все равно не пощадили бы детей. Но с нравственной точки зрения человек (если он действительно человек) должен подтвердить своей жизнью то, чему он учил своих учеников. Этот человек не смог бы дальше жить, зная, что в ответственный момент оставил детей в беде, не попытавшись даже спасти их. Он не смог бы жить, работать, предав то, во что верил сам и чему пытался научить других. Поэтому он и решил пойти в полицию. Мороза расстреляли вместе с ребятами. Его поступок был осужден. Некоторые сочли его безрассудным самоубийством, и после войны его имени не было на обелиске, поставленном в честь погибших ребят. Но доброе семя, которое он заронил в души людей, дало всходы: люди добились, чтобы его имя было дописано на обелиске.

Такое истинно высокохудожественное произведение воздействует на читателя, дает ему возможность самому сделать вывод о том, в чем истинная ценность жизни. Мороз не зря прожил жизнь, если оставил о себе память. Он доказал всем, что его убеждения сильнее смерти, он переступил через естественную жажду выжить, уцелеть. С этого момента начинается героизм человека, необходимый для поднятия нравственного духа у других людей.

Есть немало произведений, в которых содержится прямое поучение. К ним относятся басни, нравоучительные сказки и рассказы. В других литературных жанрах нравственно прекрасное показывается через столкновение противоположных идей и образов. Уже в народных сказках, при самом зарождении художественной литературы, когда она существовала еще в устной форме, борются добро и зло и побеждает нравственно прекрасное, побеждает добро, формируя нравственные ориентиры личности.

Очень важным является продуманный и целенаправленный подбор художественных произведений для осуществления задач нравственного воспитания.

При подборе художественных произведений следует учитывать те нравственные проявления и качества, которые сегодня необходимо сформировать у молодежи, заботиться о воспитании тех качеств, которые недостаточно развиты.

Большое значение для формирования нравственных представлений и понятий в связи с восприятием художественных произведений имеют беседы, помогающие осмыслить мораль, заключенную в художественном произведении, вызвать повторные переживания, вновь возбудить те чувства, которые

захватывали читателя, сделать соответствующие выводы. Обычно в вузах их проводят преподаватели литературы, кураторы.

Со знакомством с художественной литературой связываются большие возможности развития эмоциональной сферы личности учащихся, образного мышления, расширения кругозора, формирования у них основ мировоззрения и нравственных представлений. Через обучение происходит последовательное приобщение к нравственным, общечеловеческим ценностям, формирование личностных и общественных идеалов.

Художественная литература может быть полноценным средством нравственного воспитания только при условии органической связи её с общественной и личной жизнью, со всей воспитательной работой учебного учреждения.

Недостаточно только прочитать художественное произведение, побеседовать о прочитанном, пересказать его. Важно связать художественные образы с различными моментами жизни, подсказать иногда правильное решение того или иного вопроса.

Анализ в ходе занятий проблем добра и зла, гуманизма подлинного и абстрактного, социальной справедливости и несправедливости вводит молодежь в сложный мир человеческих взаимоотношений, учит понимать и ценить идеи гуманизма, их общечеловеческий характер. Кроме того, не следует забывать, что собственный пример обладает особой воспитательной силой.

Размышляя о нравственном воспитании учащихся средствами художественной литературы, русские методисты В. Виноградов и А. Балталон писали, что «нравственное воспитание совсем не достигается лишь рассуждениями о морали и добродетели... Нравственно-воспитательная задача при прочтении художественной литературы состоит в том, чтобы живо и полно переживать нравственные настроения, чувства и поступки изображаемых героев. Если эти нравственно-эмоциональные состояния пережиты, то воспитательная цель достигнута».

Для того чтобы процесс воспитания личности средствами искусства способствовал эстетическому отношению к действительности и самому себе, необходимо «опираться на самопознание: на познание самого себя благодаря способности персонифицировать себя в образах и вступать в диалог с создателем образов».

Помимо обращения к текстам художественных произведений, немало важную роль в формировании нравственных качеств имеет изучение биографий писателей, их творческой деятельности, жизненных принципов, нравственных поступков, что стимулирует нравственное поведение и деятельность молодежи.

Нравственные идеалы не являются раз и навсегда заданными, застывшими. Они обуславливаются социальными переменами, развиваются, совершенствуются как образцы, определяющие перспективу развития личности. Идеалы связывают исторические эпохи и поколения, устанавливают преемственность лучших гуманистических традиций представителей разных народностей, что, несомненно, находит отражение в произведениях литературы. Поэтому важным является обращение не только к произведениям разных исторических периодов, и к произведениям разным с точки зрения культурной и географической отнесенности.

Следует изучать не только современную или интересную литературу, но и литературу философского и исторического характера, на основе анализа таких произведений глубже познаются современные жизненные процессы.

НАРОДНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КУЛЬТУР

Азатгул ТАШМАТОВА

Музыкальное искусство Узбекистана развивается в тесной взаимосвязи с различными культурами мира. Генезис культурных контактов Узбекистана уходит своими корнями в глубокую древность и открывает ценные исторические факты, требующие национального осмысления.

Особо следует отметить музыкальные инструменты, являющиеся неоценимым богатством каждого народа. Они служат важнейшим источником определения уровня развития культуры того или иного народа и с давних времен являлись средством духовного воспитания и межнационального общения. И сегодня народные инструменты – это специфическая форма отражения истории, быта, мировосприятия, художественных импульсов. На протяжении веков усилиями многих поколений народная инструментальная музыка сформировалась как уникальное эстетическое явление, представляющее значительный интерес не только для науки, но и для современного музыкального творчества. Познание её многочисленных свойств и составляющих элементов открывает широчайшие горизонты для обогащения разнообразных сфер творческой деятельности.

Исторически инструментальная культура каждого народа формировалась в процессе взаимодействия. Музыкальные инструменты при общей их классификации на основные группы по способу звукоизвлечения в процессе функционирования подверглись изменениям в соответствии с национальным характером музыки и в конечном счёте стали подлинно национальными инструментами. Весьма интересно в этом отношении выявление признаков идентичности в узбекских и музыкальных инструментах других народов.

О древнейшей истории развития музыкальных инструментов свидетельствуют археологические раскопки, терракотовые фигурки, наскальные и настенные росписи, живописные миниатюры, исторические документы, литературные источники.

Уникальным историческим документом является капитальный труд Захириддина Мухаммада Бабура «Бабур-наме», в котором запечатлена жизнь народов Востока, в том числе и музыкальная: в разделе «Хиндустани»

Азатгул ТАШМАТОВА. Кандидат искусствоведения, профессор ГКУз. Родилась в 1959 г. Окончила Ташкентскую консерваторию. Директор НПЭЛ «Миллий чолгу». Автор монографий, учебно-методических пособий и научных статей.

Бабур приводит интересные сведения о материале, из которого изготовлены гаджаки (плод наргила – индийский орех). Ценные сведения об узбекских народных инструментах содержатся в трудах А. Эйхгорна, В. Бертельса, А. Болдырева, Б. Рыфтина, А. Семёнова, Р. Садокова, Т. Вызго, Ф. Кароматова, А. Малькеевой, С. Саиди.

В начале XXI века интерес к изучению музыкальных инструментов заметно возрос, эта сфера стала сегодня одной из актуальных проблем современного искусствознания. Музыкальные инструменты имеют непосредственное отношение к духовной культуре, определяют эстетические вкусы, сложившиеся на определенном этапе развития общества. Нельзя также забывать о том, что музыкальные инструменты и их изображение в памятниках материальной культуры – ценный, а иногда и единственный источник сведений о музыкально-общественной жизни прошлых эпох.

Особенно это касается изучения процесса взаимного обмена инструментов на Великом Шёлковом пути. Так, обращаясь к истории бытования согдийской лютни, можно обнаружить моменты общности этого инструмента с арабским удом, китайской пиппой, итальянской лютней, с индийским ситаром. «В истории изучения инструментов наиболее трудной, но и требующей особого внимания часто, – подчёркивает индийский музыковед Багамрде Чайтанья Дева, – является изучение роли, которую играли расы или другие этнические группы в процессе образования тех культур, в которых развивались и проходили проверку временем все нынешние инструменты. Трешотки с семенами, распространённые у племен, находившихся на низкой ступени социального развития, арфы древних южных культур, различные смычковые инструменты, центральноазиатские лютни – все эти инструменты заняли соответствующее место в системе индийской органологии».¹

Изображение различных видов лютен можно наблюдать в Северной Индии. Одно из них напоминает афрасиабские терракотовые лютни, хотя и не тождественно им. Четырехструнный инструмент гандхарской лютнистки имеет менее широкий корпус и держится шейкой вверх. Похожа, но не идентична лютня на скульптурном изображении молодой девушки, найденной на территории современного Пакистана (I–II вв. н. э.). У инструмента широкий, несколько вытянутый корпус, три струны вместо четырёх и отсутствует такой типичный признак короткой лютни, как загнутая назад небольшая головка с колками для струн.

Очень распространенным струнным инструментом согдийцев была арфа. Музыканты-арфисты часто встречаются среди терракот Афрасиаба. В. Мешкерис датирует их II веком до н. э. – I веком н. э. При внимательном рассмотрении можно определить, что у музыканта типичная угловая арфа, изогнутая с наклоном вперед; резонатор, довольно широкий в средней части, а нижняя горизонтальная планка, к которой прикрепляются струны, прямая. Афрасиабские арфисты играли стоя, что характерно для изображений эпохи античности и более ранних эпох.

Из истории известно, что на азиатском континенте, на рубеже нашей эры, центром дуговой арфы была Индия. В первые века нашей эры она попадает и в другие страны Азии: получает признание в Китае и Восточном Туркестане, распространяется и в Афганистане. В памятниках Парфии, Ирана,

¹ Дева Б. Чайтанья. Индийская музыка. – М., 1980, с. 146.

Согда, Хорезма и Бактрии мы встречаем не дуговую, а угловую арфу, более удобный инструмент для исполнения, который долго существовал и в дальнейшем совершенствовался.

В терракотах Афрасиаба встречаются изображения музыкантов с поперечной флейтой. В данном случае музыкант изображен во время игры. Судя по терракоте можно представить себе, что расположение инструмента и рук весьма напоминает узбекский най. Инструмент, имеющий шесть игровых отверстий и одно отверстие у головки для вдувания, то есть цилиндрическую трубку из дерева или бамбука, длиной 450-520 мм. Как пишет Т. Вызго: «В Индии он, очевидно, появился в I веке. Его изображение впервые встречается на гандхарских рельефах».¹

В настоящее время в Музее музыкальных инструментов Государственной консерватории Узбекистана хранятся экспонаты не только узбекских национальных инструментов, но и зарубежных стран: духовой инструмент Бансури; струнно-шипковый ситар; струнно-смычковые – дхани саранги, синдхи саранги, раванхатха, дилруба; ударные – пунг, табла, шенг кхенг, талам, бортал.

Музей продолжает традиции Великого Шёлкового пути в инновационном ракурсе – через музыку и музыкальные инструменты укрепляет культурные связи со многими народами мира, восстанавливая традиции наших предков. Так, в 2003 г. в музее состоялась выставка индийских музыкальных инструментов Сангит Натак Академии Индии. Эта выставка предоставила возможность обстоятельно ознакомиться с индийскими национальными инструментами и начать их изучение. В результате выяснилось, что ряд индийских музыкальных инструментов родствен узбекским народным инструментам.

Например, среди узбекских духовых инструментов сурнай схож с индийским шехлаем, узбекский най с бансури, узбекский струнно-ударный чанг с индийским сантуром; плекторный афганский рубаб – с кашмирским рабабом; струнно-смычковый гиджак – с индийским саранги; ударная нагора – с индийской таблой. На нагоре играют деревянными палочками, а на табле всеми пальцами правой и левой руки. Все перечисленные инструменты по способу звукоизвлечения и приёмам игры идентичны.

Мастер-классы позволили понять конструкцию инструментов, функции резонирующих струн, приёмы звукоизвлечения, узнать об основном звукоряде индийской музыки. Исполнив несколько произведений, Сунира Касливал продемонстрировала выразительные и технические возможности данного инструмента. Ильмас Хусайн Хан показал способы звукоизвлечения на табле, ее звуковой диапазон.

Концерт с участием узбекских и индийских музыкантов продемонстрировал искусство игры на нагоре, дойре и на табле.

Необходимо подчеркнуть, что и в древности, и в настоящее время центром Великого Шёлкового пути является Средняя Азия, что обуславливает возрастание интереса зарубежных исследователей к узбекским национальным инструментам и к культуре нашего народа в целом.

¹ Вызго Т. Музыкальные инструменты Средней Азии. – М., 1980, с. 25.

МИФ В ЛИТЕРАТУРАХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Дильфуза ПАРДАЕВА

Миф – одна из чрезвычайно сложных реальностей культуры, и его можно изучать и интерпретировать в самых многочисленных и взаимодополняющих аспектах. Интерес к осмыслению значения данного понятия возник уже в глубокой древности. В период античности проблемой мифологизирования занимались Платон (рассматривал миф как «речь»: Платон. Государство. – http://lib.ru/POEEAST/PLATO/gosudarstvo.txt_with-big-pictures.html и Аристотель (как «сюжет», «фабулу»: Аристотель. Поэтика. – <https://www.e-reading.club/bookreader.php/2833/Aristotel%27-Poetika.html>), в средние века исследователей интересовал вопрос о социальной роли мифа. Итальянский ученый, философ конца XVII – первой половины XVIII веков Дж. Вико считал, что мифы – это поэтические истории, порожденные человеческой фантазией (Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. – <http://abuss.narod.ru/Biblio/vico.htm>).

Современные же исследователи, рассматривая миф с различных точек зрения (М. Элиаде, К. Леви-Стросс, В. Топоров), единодушны в мнении, что всякий миф повествует о событиях прошлого.

Миф способствовал рождению литературы, был ее истоком. Трудно переоценить его значение для развития художественно-образного мышления и, разумеется, для развития художественной литературы.

Надо отметить, что наука о литературе формировалась веками. Некоторые исследователи отмечают, что литература всего лишь «снимок с окружающих нравов и признаков известного состояния умов», позволяющий «судить о том, как чувствовали и мыслили люди много веков назад» (В кн. Зарубежная эстетика и теория литературы. Трактаты, статьи, эссе//статья: «Зарубежное литературоведение и теоретические проблемы науки о литературе» – Г. К. Косиков. – М.: Изд. МГУ, 1987. С.14.).

Именно мифология содержала в себе в еще неразвернутом виде и единство ростки искусства, литературы, религии и науки. Велико значение мифологии и в развитии различных видов искусств, в самом становлении художественно-образного мышления, и в первую очередь в развитии

Дильфуза ПАРДАЕВА. Родилась в 1971 году. Окончила факультет русского языка и литературы Каршинского государственного университета. Работает старшим преподавателем кафедры русского языка и литературы. Занимается научно-исследовательской работой.

художественной литературы.

Изучением взаимосвязи мифа и литературы занимаются мифологические школы, представители которых считают, что миф является первоисточником всего. Впервые мифологическая школа сформировалась в Германии в рамках романтизма и существует и поныне. Результатом деятельности немецкой мифологической школы в XVIII – XIX веках явились многочисленные исследования. Идеалистические тенденции в изучении мифов теоретически обобщил Шеллинг. По Шеллингу, миф был прообразом поэзии, из которой затем возникли философия и наука. В «Философии искусства» (1802-1803) он доказывал, что «мифология есть необходимое условие и первичный материал для всякого искусства». Окончательное оформление мифологической школы получила в лице братьев В. Я. Гримм. Они считали, что именно из мифа в процессе его эволюции возникли сказка, эпос, легенда и т.п. Братья Гримм также разработали «теорию бродячих сюжетов» (один народ заимствует сюжеты у другого). Свои взгляды братья Гримм изложили в книге «Немецкая мифология» (1835).

Представителями немецкой мифологической школы были также А. Кун, В. Шварц, В. Манхардт, английской школы – М. Мюллер, Дж. Кокс, итальянской – А. де Губернатис, в Швейцарии А. Пикте, во Франции М. Брель и др.

В 40-х годах XIX века и в России появилась своя – московская мифологическая школа. Представители московской школы внесли неоценимый вклад в разработку вопроса о значении мифов: Буслаев Ф. И. заявлял об одновременном возникновении мифа и языка; Афанасьев А. Н. – создатель фундаментального исследования по славянской мифологии «Поэтические воззрения славян на природу» – говорил о равенстве поэзии и мифа; Потебня А. А. считал, что язык сам творит миф; значителен вклад Лосева А. Ф. – автора известных трудов «Диалектика мифа», «Философия имени»; Мелетинского Е. М. – гениального исследователя поэтики мифа.

В теории выделяют следующие типы мифа: этиологический, эсхатологический и четыре основных направления в их изучении.

Символическая школа в основном представлена такими учеными, как Гегель, Шеллинг. В новое время эту концепцию поддерживают Э. Кассирер, У. М. Урбан. Представители этого направления рассматривают мифологию наряду с языком и искусством, как автономную символическую форму культуры, отмеченную особой модальностью, особым способом символической объективации чувств и эмоций.

Представители ритуалистического направления исходили из примата ритуала над мифом, склоняясь к точке зрения культового происхождения мифа. (Э. Б. Тайлор, Э. Лэнг, Д. Д. Фрейзер, С. Х. Хук, Б. Малиновский).

Психологическое направление представлено такими учеными, как З. Фрейд, К. Юнг. Если представители ритуалистической школы связывали происхождение мифа с культом и соотносили мифологическое начало с доисторической действительностью, прослеживая от нее возникновение художественного творчества, то сторонники психологической школы привлекали материалы психоанализа для истолкования культового действия (З. Фрейд), или наоборот мифологические аспекты использовались для трактовки глубинной психологии (К. Г. Юнг).

Структуралисты рассматривали миф как систему знаков, подобную музыкальным или языковым структурам. Миф рассматривается как синхронно-диахроническая структура, которая не может интерпретироваться ни на основе стиля, ни исходя из способа повествования, ни по другим формальным признакам, а только на основе рассказанной в нем истории. Одним из ярких представителей этого направления является К. Леви-Стросс.

«Главная особенность мифа, – отмечает В. М. Найдыш, – идентификация реальности с содержанием реальности, неразличение объекта и его образа в сознании»¹. На сегодняшний день исследователи мифа работают над созданием единой теории, которая требуется для решения ряда научных и философских проблем.

Наряду с проблемой «миф и литература», особое внимание исследователей привлекает вопрос поэтики мифа (свод правил, по которым строится художественное произведение, а также художественная система писателя). Особая роль в разработке данной проблемы принадлежит А. Потебне и В. Веселовскому.

Основу поэтики составляет поэтический язык, при помощи поэтической лексики, (изобразительно-выразительных средств), создается текст художественного произведения.

Поэтика мифа или поэтика мифологизирования, как отмечает Е. М. Мелетинский в своей книге «Поэтика мифа», – это «один из способов организации повествования после разрушения или сильного нарушения структуры классического романа XIX в. сначала посредством параллелей и символов, помогающих упорядочить современный жизненный материал и структурировать внутреннее (микropsихологическое) действие, а затем путем создания самостоятельного "мифологического" сюжета, структурирующего одновременно коллективное сознание и всеобщую историю»².

Происхождение мифов, их функциональность, специфику мифологического мышления, логику и поэтику мифа исследовали в своих работах такие зарубежные ученые, как М. Мюллер, Ф. В. Шеллинг, Ж. Ф. Лафито, Дж. Вико, Гегель, Э. Б. Тайлор, Ницше, Д. Фрейзер, Б. Малиновский, З. Фрейд, К. Г. Юнг. Из современников – К. Леви-Стросс, Леви-Брюль, Н. Фрай, М. Бодкин, Э. Кассирер, М. Элиаде.

Традиция использования мифов в поэтическом творчестве имеет глубокие корни и истоки. В. М. Найдыш в своей книге «Мифология» отмечает: «Первыми творцами античной мифографической прозы были логографы. Логографы – это первые исторические писатели (протоисторики), которые переводили в письменную форму мифологические и легендарные повествования о событиях греческой истории, истории родов и племен; они прослеживали генеалогию греческих героев и богов, которые считались основателями городов и родов»³.

С одной стороны миф, мифология – это творческая традиция, в особенности для младописьменных литератур, с другой стороны миф выполняет определенные художественные функции, выступает как средство, прием. Тенденция к стремлению раскрыть прошлое во взаимосвязи с новой эпохой,

1 Найдыш В. М. Философия мифологии. XIX – начало XXI в. – М.: Альфа, 2004. – С. 469.

2 Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – С. 339.

3 Найдыш В. М. Мифология. – М.: КНОРУС, 2010. – С. 32.

с общечеловеческими ценностями, к глубокому социально-философскому, духовно-нравственному анализу обогатила и прочно ввела в содержание и формы современной прозы различное использование элементов мифа, легенд, притч.

В связи с этим возникает актуальная необходимость выявления функций поэтики мифа, ее генезиса, эволюции и трансформации в современной литературе, сопровождающихся глубоким проникновением поэтики мифа в литературу народов Центральной Азии. Раскрытие процесса становления, выявление истоков и традиций, эволюции этих тенденций открывает перспективы изучения богатейших возможностей поэтики мифологизирования в творчестве таких писателей Центральной Азии, как Ч. Айтматов, Ш. Рашидов, А. Мухтар, Т. Зулфикаров, А. Алимджанов, О. Бокеев, широко использовавших поэтику мифа. Можно отметить, что в Центральной Азии трансформация мифа происходила в основном в эпические жанры (рассказ, повесть, роман).

Миф в современной литературе выполняет не только сюжетообразующие функции: характерными чертами его использования можно считать использование ритуальных мифологем, циклических представлений о времени, повторяемость персонажей и пр., т. е. то, что выводит повествование за рамки социально-исторического детерминизма на метаисторический, философский, а иногда на ирреальный уровень.

При этом можно отметить, что поэтика мифологизирования является способом семантической и композиционной организации текста.

Мифотворчество – сравнительно новый и перспективный уровень использования мифа, творческое продолжение, домысливание хорошо известных мифологических сюжетов. Финал событий, рассказанных в мифе, становится в таких случаях часто отправной точкой повествования. Здесь наблюдается гораздо большая свобода в выборе проблематики, поскольку заданная мифом система событий, развивающаяся по-новому, позволяет придавать ей новые значения. Этот вариант можно рассматривать как переходный от использования традиционных мифологических сюжетов с его жесткими рамками к так называемым авторским мифам, мифотворчеству, когда символическая модель мира создается по аналогии с мифопоэтическими представлениями или структурными чертами мифа, а в выборе сюжета автор не связан никакими ограничениями.

В творчестве многих узбекских писателей прослеживается влияние поэтики мифа, обращение к уходящим вглубь истории традициям тюркоязычных литератур. Следы влияния древней мифологии, использование мифов на сюжетном уровне, в создании характеров героев, в самом стиле повествования можно проследить уже в творчестве тюркского поэта и мыслителя XI века Юсуфа Хасс Хаджиба Баласагуни. Он опирается на элементы тюркской мифологии. В его произведении «Благодатное знание» («Кутадгубилиг») четыре основных героя – Кюнтогды, Айтолды, Огдюльмиш, Оггурмыш заимствованы из тюркской мифологии. Творчески используя арсенал мифа, опираясь на его художественную поэтику, через образы Кюнтогды и Айтолды Юсуф раскрывает свою концепцию государства и справедливости, показывая сущность идей своего времени.

В некоторых случаях тюркская мифология использована у него как

общественно-художественное мышление, или как метод идейно-художественной интерпретации.

Великий поэт, мыслитель, гуманист XV в. А. Навои в своем творчестве тоже обращается к древним мифам, свободно вводя их сюжеты в ткань своих произведений, придавая иногда им новую окраску, но сохраняя основные мотивы. В произведениях А. Навои встречаются такие мифологические персонажи, как див, яьджуж и маьджуж, пери. Эти образы используются поэтом в конкретных эстетических целях, при отображении явлений своего времени, его проблем. Однако, такое «осовременивание» мифологии не отвергает истинных особенностей и самобытного своеобразия мифа.

Через мифы А. Навои вводит читателя в мир фантазии, чудес, волшебства, а с другой стороны – в мир конкретных явлений жизни XV в. В подобном слиянии мифологического материала и современности проявляется большое мастерство А. Навои. Поэт придает светскую суть и жизненное содержание некоторым религиозно-мифологическим образам и понятиям. Например, в поэме «Стена Искандера» образы яьджужа и маьджужа используются поэтом как символ насилия, порабощения, бедствий и несчастия. А. Навои широко использует космогоническую мифологию при построении произведения. Поэма «Семь планет» – яркое тому свидетельство. Семь планет, семь дворцов, семь дней недели связаны с геоцентрической системой мироздания и космогонической мифологией.

Продолжая традиции использования поэтики мифологизирования, талантливый писатель XX века Шараф Рашидов обращается к мифам при создании своих замечательных произведений «Кашмирская песня» и «Книга двух сердец».

В повести «Кашмирская песня» писатель обращается к классическим формам мифологии. Все события, изображаемые в произведении, служат раскрытию основной идеи произведения – изображению вечной борьбы добра со злом, жизни и смерти. Побеждают добро и вечность жизни. Именно мифология, поэтика мифа с их вечным лейтмотивом борьбы Добра и Зла и конечной победой сил Добра помогают писателю достичь своей цели.

Основная задача писателя в произведении «Книга двух сердец» – показать через мифологические мотивы верховенство любви, дружбы и верности над злом, бесправием, несправедливостью. В произведении Шарафа Рашидова простой человек удостоивается чести, его мечты и чаяния объединяются и гармонизируются с идеалом писателя. В центре произведения образы Комде и Модана, воплощающие дух времени, мифологическая и историческая темы перекликаются с современной действительностью, через призму древних мифов приобретая специфическую окраску. Ирреальность происходящих событий все же связана с исторической действительностью. История любви, дружбы и верности Модана – певца из Средней Азии – и Комде – прекрасной танцовщицы из Индии – последовательно изображается в оригинальных и жизненных ситуациях.

Трансформацию поэтики мифологизирования можно наблюдать и в творчестве узбекского писателя Аскада Мухтара. Роман А. Мухтара «Чинара» – явление принципиально новое как в сюжетном, так и в композиционном построении.

Роман отразил стремление современной литературы использовать

поэтику мифа для многообразного изображения современной действительности, художественно-философского осмысления человеческого бытия и народной жизни.

В повествовании можно выделить миф, легенду, притчу. Таковы, например, миф о Чинаре, в котором отразилось национальное представление о сакрализации деревьев, как священного символа жизни, их одухотворение и наделение человеческими качествами.

В современной художественной литературе наблюдается широкий арсенал вариантов использования мифа. Так, характерным для творчества казахских писателей А. Алимджанова и О. Бокеева является использование поэтики мифа как метода и способа познания и интерпретации действительности. Мир предстает как познаваемый объект, только познаваемый иным, дорационалистическим способом. При этом автор систематически замешает свой взгляд цивилизованного человека взглядом примитивного человека, пытается высветить действительность через призму мифологического сознания, и в результате такого преломления реальность расцвечивается и обрастает мифопоэтическими красками и чертами.

Роман «Стрела Махамбета» А. Алимджанова посвящен истории восстания казахского народа против угнетателей. Герой этого романа Махамбет – подлинное историческое лицо, легендарный поэт, возглавивший с Иса-таем Гаймановым крестьянское восстание в начале 30-х годов XIX века. В этом произведении можно проследить фрагментарные, не выполняющие системообразующих функций, ростки поэтики мифа. В романе влияние поэтики мифа прослеживается на повествовательном и мировоззренческом уровне. Характерны сцены описания природы. Автор замешает свой взгляд цивилизованного человека взглядом старого орла, пытается высветить действительность через призму мифологического сознания, в результате такого преломления действительность обретает полифоничность, повествование уступает место описанию, ритм замедляется, все это способствует философизации осмысления действительности.

В сюжетно-композиционном построении романа А. Алимджанова «Дорога людей» особую функцию связи, своего рода скрепы-спайки настоящего, прошлого и будущего выполняет легенда о Саяке.

А. Алимджанов не использует в своем романе мотивы или целостные сюжеты традиционных мифологий, как например, Ч. Айтматов в своих романах «И дольше века длится день», «Плаха».

В творчестве казахского прозаика О. Бокеева можно проследить обращение к поэтике мифа, обусловленное глубокими традициями использования его специфики в тюркоязычных литературах. Leitмотивом в творчестве О. Бокеева стала мифологема одиночества, отчуждения человека от общества, гибельность гипертрофированного маргинального сознания, отпадение человека от рода. Мифологема одиночества – своеобразная модель человеческой судьбы, способная вклиниться в любой социальный и исторический контекст, так как миф, повествуя о вечном, складывается из бесконечно повторяющихся жизненных ситуаций. Мифологема одиночества является одной из характерных тем, leitмотивом для литературы XX в. Так, мифологема одиночества прослеживается в повести Т. Пулатова «Завсегдатай» как метафора отчуждения, человека без привязанностей, семьи, дома. В этом ряду

можно назвать героев О. Бокеева: Актана из повести «Человек-Олень», Доскея из рассказа «Камчигер».

В своих произведениях О. Бокеев моделирует ситуацию одиночества, которая организует сюжетно-композиционное построение повествования, является главным пульсирующим звеном в раскрытии сущностных черт характера героев и его окружения.

В творчестве таджикского писателя Тимура Зульфикарова можно проследить, как под влиянием поэтики мифа формируется особый тип метафорического сюжета. При этом Т. Зульфикаров использует миф не только как литературную форму или источник сюжетов, миф для него – способ интерпретации и познания действительности.

Через систему мифологической художественности создаются картины жизни, уходящие в бездонные глубины истории, в сущностные и скрытые основы человеческой жизни, в проблемы вечные и вневременные. С этой точки зрения произведения Т. Зульфикарова подчиняются не произвольной воле автора, а глубинной логике самой действительности.

Т. Зульфикаровым созданы произведения, объединяющие в своем тематическом диапазоне одномоментно прошлое и настоящее, средневековую Азию и Русь времен первосвятителей и пульсацию XX века.

В поэмах Т. Зульфикарова концептуальную роль играют мифологические, легендарно-исторические мотивы. Например, в поэме «Охота царя Бахрам-Гура Сасанида» Т. Зульфикаров оригинально интерпретирует мифологический сюжет, разработанный в поэме Фирдоуси «Шах-наме». Если Фирдоуси история о Бахрам-Гуре нужна, чтобы отобразить своё понимание миссии правителя, то Т. Зульфикарова волнуют проблемы духовные: дружба и предательство, любовь и измена, греховность и невинность.

В поэме «Легенда об Иване Грозном» Т. Зульфикаров активно использует мифопоэтические мотивы: путешествие в загробный мир, встречи с мифологическими персонажами Христом-Спасителем, Буддой, пророком Мухаммадом. Чувствуется стремление объединить в одном сюжете разные ипостаси времени, снять разделительные временные барьеры между историческими эпохами, что сказывается на парадоксальном построении сюжета, превращающегося в фантазмагорическое действо. В произведении наблюдается использование приема «длящегося мгновения», когда действие продолжается бесконечно долго (эпизод, где Грозный все идет и идет к проруби). Этот же прием использован Ч. Айтматовым в романе «Буранный полустанок».

Бесконечно тянутся мысли Едигея на пути к знаменитому кладбищу Ана-Бейит, вобравшие в себя Время, спрессованное так, что один день жизни длится дольше века. Философское звучание романа усиливается использованием мифа о человеке-манкурте.

Следует отметить, что многие произведения Т. Зульфикарова бессобытийны. Использование поэтики мифа для решения таких вечных проблем человечества, как добро и зло, жизнь и смерть, любовь и ненависть, приводит, на первый взгляд, к странному парадоксу, когда действие происходит не во внешнем мире, оно актуализируется в эмоциональном или интеллектуальном переживании, реконструируется, либо мыслится.

Помимо структурно-содержательных приемов от мифов литература

унаследовала различные приемы воздействия на эмоциональную сферу человека: ритмику и гармонию как выражение осознания единства и закономерности мира, сопереживание, эмоциональное единство творца и творимого объекта. Однако, в отличие от мифотворчества, художественное творчество не порывает с законами логики, и троп ясно воспринимается не как сама действительность, а как прием ее выявления.

Таким образом, учитывая разные теории о мифе, мы пришли к выводу, что миф – это форма сознания мира первобытным человеком, священная история, связанная с ритуалом, повествующая о событиях времен сотворения мира.

Издревле до настоящего времени литература постоянно обращалась к мифу, и ее отношение к мифологии менялось от эпохи к эпохе в соответствии с изменением общей историко-культурной ситуации. Миф, несомненно, был истоком и колыбелью художественной литературы. Процесс обращения писателей к мифопоэтическому наследию принято называть мифологизмом.

Понятию миф сегодня приписываются самые разнообразные и несовместимые значения: иллюзия, условность, ложь, поверье.

Проблема «литература-миф» представляет собой серьезную историко-методологическую проблему, продолжая оставаться полемичной и нерешенной. Сложность этой проблемы сопряжена с различными теориями о собственно мифе, объясняющими его происхождение и функциональность в первозданном виде.

Использование поэтики мифа помогает современным писателям вечные нравственные опоры и ценности в самопознании и законах духовного развития человека.

При этом можно выделить следующие элементы поэтики мифа, используемые в художественном произведении, и условно разделить их на две группы:

- 1) базисные: цикличность, стирание пространственно-временных барьеров, ритмичность, символичность, метафоризм, олицетворение, гиперболизация, бинарные оппозиции, анимизм;
- 2) вспомогательные: техника лейтмотивов, символика цвета, ритуальность, программирование сюжета.

Системное, высокохудожественное, функциональное использование мифопоэтических элементов в литературе не нарушает ее канонов, обогащая идейно-художественный синтез.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЖАНРА ЯЛЛА

Насиба ТУРГУНОВА

Среди женщин Ферганской долины в Узбекистане издавна бытуют такие песенные жанры народного творчества, как кошук, лапар, ашула, ялла, которые получили свою формальную завершенность в культуре «ичкари» (на «женской половине»). Особое место занимает песенно-танцевальный жанр ялла, имеющий структуру типа «припев-куплет». Начинается ялла с припева, с задаваемого дойрой шестидольного веселого усуля (метроритмическая формула) и завершается тем же припевом. В соответствии с формальной структурой этого жанра в исполнении участвуют солирующая певица и ансамбль из двух и более человек. Куплет исполняет солистка, а припев исполняется ансамблем. Слова песен в жанре ялла посвящены преимущественно теме любви и исполняются в легкой шуточной форме на основе народных стихов силлабического размера (преимущественно в 7-8 слогов). На протяжении многих веков ялла традиционно исполнялись на семейных (свадебных) обрядах и праздниках, придавая им содержательность и увлекательность.

Со временем появились профессиональные женщины-музыканты – яллачи.

В искусстве яллачи, являющемся синтезом поэзии, музыки и танца, создавались песенные жанры на основе танцевальных усулей дойры, стихотворений силлабического размера и свойственных творчеству женщин интонаций и напевов разнообразной формы, а также многочисленные варианты по-новому исполняемых народных песенных жанров кошук, лапар, ашула, ялла (Кошук, лапар, ашула – песенные жанры узбекской народной музыки. Кошук, например, основан на народной поэзии, состоящей из четверостиший. В данной музыкально-стихотворной строфе две начальные рифмующиеся строки имеют общую интонационно-мелодическую структуру, третья строка отличается небольшим развитием интонационной основы, в мелодии четвертой строки наблюдается возврат к первоначальному построению. Аналогичный русской частушке лапар исполняется в форме диалога типа «вопрос-ответ». Ашула – песня преимущественно лирического

Насиба ТУРГУНОВА. Родилась в 1984 году в Намангане. Доктор искусствоведения (PhD), и.о. доцента Государственного института искусства и культуры Узбекистана. Публиковалась в республиканских и зарубежных научных журналах.

плана). Жанр ялла всегда занимал ведущее место в искусстве яллаци.

Необходимо отметить, что суть и содержание песенных образцов ялла наиболее ярко и глубоко выражаются в их интонационной основе. Благодаря чему содержание положенных на музыку стихотворных строк приобретает новое звучание, возрастает сила их воздействия, а монотонно повторяющиеся метроритмические формулы (усули) дойры «расцвечиваются» различными красками, танцевальные движения исполняются в лад этим ритмам. Как показывают наши наблюдения, в музыкальном творчестве ферганских женщин наиболее важное место занимают различного качества трихорды, организованные в пределах интервалов больших и малых терций.

Как верно отмечает Т. С. Вызго, подобного рода терцовые попежки и напевы «с их узкими диапазонами, повторами коротких мелодических фраз, однообразием ритмического рисунка производят впечатление глубокой архаики»¹.

Основанные на интонациях затаенной грусти (печали), песенные образцы женского фольклора обычно исполняются в замедленном темпе и отличаются своей напевностью. Примером может быть начальный отрезок из свадебной обрядовой песни «Ёр-ёр».

В творчестве яллаци несколько иначе трактуется трихорд фригийского наклонения. Яллаци, мастерски используя танцевальные усули (ше-стидолный уфар, четырехдолный кашкарча) и сочетая их с интонационной основой, «нивелируют» затаенную грусть фригийского трихорда. В частности, в образце ялла «Елпигич» («Веер») на основе фригийского трихорда «a-b-c» возникают интонационные образования как нисходящей, так и восходящей направленности. Но, благодаря тому, что эти интонационные движения привязаны к легкому танцевальному усулю уфар (6/8), возникает своеобразный бытовой «танец с веером»².

Профессиональные яллаци, умело используя основы женского интонационного словаря, создают и собственные (авторские) сочинения в вышеуказанных жанрах. В этом творческом процессе стабильные интонационные структуры в пределах терции и танцевальные усули (уфар, кашкарча) выступают в качестве основных мелодико-ритмических инвариантов, создаваемых ялла.

Тематический диапазон жанра ялла довольно широк: тема любви, любовных страданий, неудовлетворенности от неравного брака, переживания родителей, жалобы на трудности женской доли и т.д. Однако таких ялла, исполняемых в медленном темпе, в женском песенном творчестве очень мало. В основном ялла исполняются шаловливо, задорно.

Общеизвестно, что каждый образец песенного жанра ялла имеет свою историю. Например, ялла «Зарпечак»³ («Повилика»), созданный наманганскими женщинами-яллаци и дошедший до нас благодаря традиции наставник-ученик (устоз-шогирд). Тема данной ялла взята из реальной действительности XIX в., исполняется она от лица сорокалетнего батрака, который служит в доме бая. Содержание ялла составляют переживания батрака,

¹ Вызго Т. Развитие музыкального искусства Узбекистана и его связь с русской музыкой. – М, «Музыка», 1970, с. 33.

² «Елпигич» («Веер») – из репертуара наманганских яллаци. Записана в 2015 году в г. Намангане от Зарифы Маннаповой. Нотная расшифровка Насибы Тургуновой.

³ «Зарпечак» («Повилика») – из репертуара наманганских яллаци. Записана в 2004 году в г. Намангане Н. Тургуновой от яллаци Кундузхон Эгамбердиевой.

его жалобы на бесцельно пролетающее время, на свою бедность, из-за которой он не может соединиться со своей любимой. У него нет ни кола, ни двора, поэтому он вынужден жить в доме бая и полностью зависит от него.

Однажды батрак повел коней в поле пастись. Сидя на лугу и оттачивая свой кетмень, он увидел красивую женщину с длинными косами в атласном платье. Тут-то он и задумался о своей несчастной доле. Обращаясь к красавице, он жалуется на свою бедность, сожалеет об уходящей жизни и рассказывает о своих скрытых душевных страданиях. Ялла до наших дней бытует в репертуаре наманганских женщин-яллачи, исполняется двумя женщинами (дуэтом), во время исполнения разыгрывается своеобразная театрализованная сценка. При этом одна из женщин выступает в роли красавицы, другая, женщина играет роль мужчины, т. е. батрака, в мужском чапане, тюбетейке и сапогах.

В настоящее время музыкальное творчество женщин обрело новое содержание и ценность. Искусство ферганских яллачи заняло достойное место в современной культуре Узбекистана, а жанр ялла в новых творческих интерпретациях проник в творчество бастакоров, композиторов и создателей эстрадных песен.

МУЗЫКА И СОСТОЯНИЕ ДУШИ

Дилмурод ИСЛОМОВ

Аннотация. В данной статье рассказывается о древнем национальном музыкальном инструменте дойра, о его значении для узбекского национального искусства.

Ключевые слова: дойра, прием, музыкальный инструмент, национальное музыкальное искусство, музыкант, мелодия, тон, артист, нота.

Annotation. This article tells about such national musical instrument as doira, which has an ancient history of its origin, its role and significance in Uzbek national art, as well as the methods of execution and styles of blows of this instrument.

Key words: doira, reception, musical instrument, national musical art, musician, blow, melody, tone, artist, note.

Музыка неразрывно связана с родным краем, традициями, историей, культурой каждого народа. Именно они – субстанция музыки, песни, обретающих звучание благодаря таланту и мастерству человека.

Весна. Вокруг цветы, зеленая трава. Отовсюду доносится нежное жужжание пчел, собирающих нектар с цветов. Вы вдохновляетесь пением птиц, радующихся пробуждению природы, на душе легко и радостно, кажется, что сейчас вы взлетите.

Откуда эти ощущения?

Во-первых, мы вдохновились красотой окружающей природы. Во-вторых, воодушевились жужжанием пчел, пением птиц. Эти чудесные звуки породили некую волшебную силу, захватившую вас и постепенно трансформирующуюся в некий напев. В результате родилась еще одна песня.

Прошло несколько дней. Вы одиноко бредете по бескрайней пустыне. Песок бьет вам в глаза, в лицо. Ощущения далеко не приятные. Вы спешите высвободиться, спасти себя. Желание петь пропадает, исчезает чувство удовлетворенности и покоя. Вы обреченно продолжаете путь, мечтая о спасении. Душа исполнена тревоги и страдания. Исчезла недавняя мелодия. Вы даже не в состоянии ее вспомнить.

Дилмурод ИСЛОМОВ. Родился в 1954 году. Доцент государственного института искусств и культуры, заслуженный артист Республики Узбекистан.

Мелодии дойры – вид искусства, неразрывно связанный с настроением души исполнителя – невозможно записать нотами... Стремясь выразить состояние души, воодушевляемый настроением и поддержкой слушателей, исполнитель извлекает все новые и новые звуки и мелодии. Поэтому дойру можно назвать «инструментом души». Ведь на самом деле так оно и есть.

Дойристы извлекают новые и новые мелодии, вдохновляясь не только радостным настроением, но и в минуты, когда становится грустно от мрачной картины увядающей природы, когда душу охватывает чувство тоски.

В этом и заключается волшебство дойры как инструмента.

На Востоке музыкальное искусство – это великое наследие наших предков.

Восточная музыка, пронизывающая сознание и все естество человека, существует в мелодиях и песнях, проникающих в самую глубину души человека.

Невольно веришь в то, что первые музыкальные инструменты появились именно на Востоке, на нашей земле. Во времена, когда еще во многих уголках земли люди просто повторяли природные звуки, великий мыслитель Алишер Навои писал, что дарующий радость певец, устраняющий грусть музыкант – это люди, предающиеся чувствам, облегчающие заботы человека. И что слушатель жертвует своей жизнью ради их прекрасных мелодий. Душа вдохновляется хорошей музыкой, хороший голос – это пища для души. Чувство грусти покидает человека, вдохновленного отлично исполненной песней, а исполняя грустную песню, певец облегчает раненные сердца.

Наш современник Юнус Раджаби писал: «Никакие народные мелодии я не могу ставить выше наших узбекских народных мелодий».

Трудно чем-то заменить красоту, действенность, волшебство нашей музыки. Популяризация разнообразных западных музыкальных жанров, таких, как рок, джаз, рэп, в конечном итоге может повлиять на восточную музыку, привести к унификации. Поэтому следует уделять изучению специфики восточной музыки серьезное внимание, прививать молодежи интерес к восточной классической музыке.

Свидание

Дорогие читатели и авторы!
Подписаться на литературно-художественные
журналы «Звезда Востока»
и «Шарқ юлдузи» на 2020 год

можно в любом почтовом отделении или
в офисе редакции по адресу:
100066. Ташкент, пр. Бунёдкор, Адилбар хиёбони,
здание Союза писателей Узбекистана.

Подписной индекс «Звезды Востока» – 831.
Подписной индекс «Шарқ юлдузи» – 911.

Редакция «Звезды Востока» приглашает авторов к сотрудничеству
по всем утвержденным рубрикам журнала.

Журнал распространяется по подписке.
В розницу можно приобрести в редакции.